

Типографский
драк

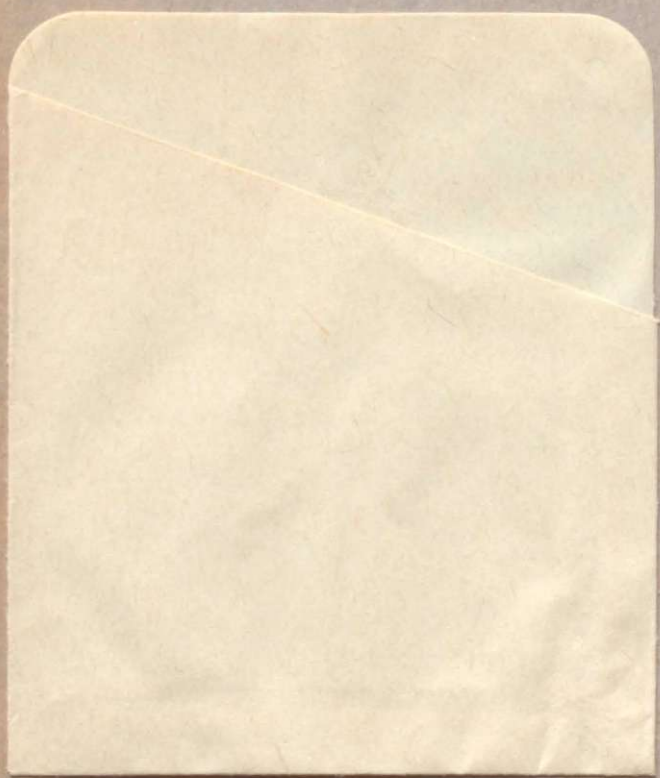
E $\frac{73}{271}$

"ер"

деф. кет стр.
103-112

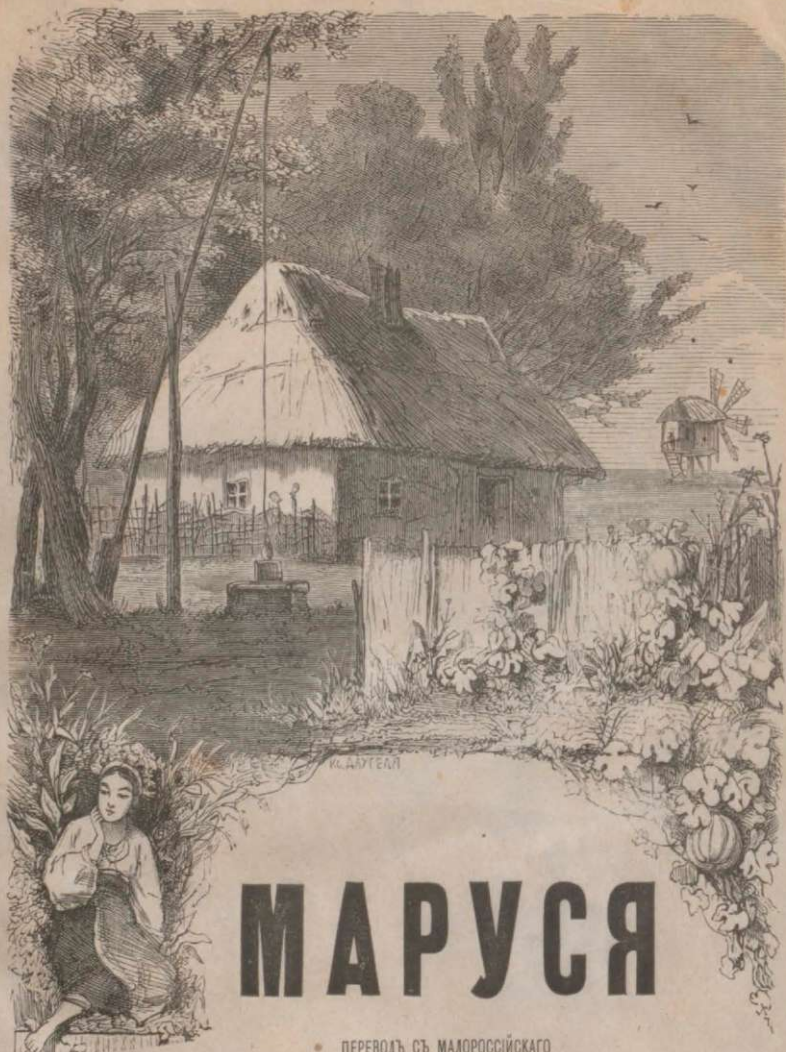
в РНБ тоже кет.

9 $\frac{73}{271}$

НЕ КОПИРОВАТЬ

73. 271.

МАРУСЯ

• ПЕРЕВОДЪ СЪ МАЛОРОССІЙСКАГО

МАРКА ВОВЧКА

СЪ ДЕСЯТЬЮ РИСУНКАМИ БАШИЛОВА И БАРОНА КЛОДТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание книгопродавца С. В. Звонарева.

1872.

11 1

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка
1871. 9						77	108 202

(10)

10/15
10/15

27

нет сѣр. 103-112

МАРУСЯ

Е $\frac{73}{271}$

ПЕРЕВОДЪ СЪ МАЛОРОССІЙСКАГО

МАРКА ВОВЧКА

Съ 10 рисунками

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание книгопродавца С: В. Звонарева.

1872.

ИЗДАНИЕ

МАРИА БОВНА

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ. 21 Декабря 1871 года.

Кет. с. 103-112.

38649-0

2007089969

Типографія и Литографія А. Граншеля, на углу Невск. и Влад. пр., д. № 45—1.

МАРУСЯ.

СЪ МАЛОРОССІЙСКАГО.

I

о, что я расскажу вамъ, дѣялось давнымъ-давно на Украинѣ, въ самой глуши, и до сихъ поръ по свѣту еще не разнеслось. Старушка, которая мнѣ рассказывала, увѣряла, что будто въ глуши есть не мало честныхъ великихъ дѣлъ, все равно какъ пышныхъ цвѣтовъ. И говорила старуха, — а она была очень стара, прожила не мало на бѣломъ свѣтѣ, много кое-чего повидала и много кое-чего поиспытала, — ничто въ мирѣ не можетъ сравняться съ этими, въ тиши растущими, цвѣтами, ни съ этими, въ глуши тающимися, дѣлами. Въна идутъ

проходятъ, говорила она, а всегда одинаково пышныя свѣжіе цвѣты радуютъ взоръ своею прелестію, а тихія великія дѣла сладостно смягчаютъ сердце человѣческое.

Давнымъ-давно на Украинѣ стоялъ хуторъ, а въ этомъ хуторѣ жилъ казакъ Данило Чабанъ съ женою и съ дѣтьми.

Хуторъ этотъ, гдѣ они жили, былъ таковъ, что лучшаго не пожелалъ-бы себѣ самый прихотливый человѣкъ. Достался онъ Данилу, перешедъ черезъ руки Богъ-знаетъ сколькихъ прадѣдовъ и прабабокъ, а вѣдь извѣстно всякому, что гдѣ поселится украинецъ съ украинкою, тамъ сейчасъ-же зацвѣтеть вишневый садикъ около бѣлой хатки, заблагоухаютъ всякіе цвѣты, разбѣгутся извивчивыя тропинки по степи и по рощѣ и раздадутся мелодическія пѣсни, — такъ можете вы себѣ представить, что за садъ это былъ, вздѣланный столькими поколѣньями Чабановъ, каково обиліе цвѣтовъ, сколько избранныхъ мѣстечекъ и въ степи, и въ лѣсу, и на лугу по сосѣдству, и что за богатство пѣсень.

Кромѣ того, самъ Богъ счастливо помѣстилъ этотъ хуторъ между степью и лѣсомъ, рѣкою и лугомъ, горою и долиною: съ одной стороны степь убѣгала изъ глазъ, зеленая, безбрежная, пахучая, волнуемая переливными волнами зелени; съ другой стороны возносились горы, то убранныя въ деревья, въ мягкую мураву, то каменистыя и обнаженныя. Прелестная долина, совсѣмъ уединенная, безъ слѣдовъ и дорогъ, какъ-то блаженно цвѣла себѣ съ третьей стороны — а съ четвертой катилась рѣка, то по лугу, вровень съ мягкими берегами, отражая въ своихъ водахъ одно небо съ его свѣтилами, да гирлянды гибкихъ камышей, то вдругъ попадалась между двухъ скалистыхъ утесовъ и шумѣла подъ ихъ громадною аркою.

Боже! какъ хорошо бывало въ лѣтнее утро, когда солнце всходило, лугъ сверкалъ подъ росистыми каплями и выпархивали птицы, притаившіяся въ камышахъ, и легкая пелена тумана казалась надъ рѣкою! — Боже! какъ сладки бывали въ безмятежной долинѣ, при первыхъ лучахъ солнца, первыя утреннія благоуханія травъ и цвѣтовъ! А освѣженныя ночью тишиною горы, позлащенные утреннимъ свѣтомъ и блескомъ! А тихо шелестящіе лѣса! А степь безграничная, вся въ тѣняхъ и разливахъ свѣта!

Это утро,—а день какой! День, когда все въ природѣ проснулось, живетъ въ полномъ разгарѣ свѣта, жизни и дѣятельности! Какъ шумѣли тогда свѣжіе лѣса и какъ сіяла безмятежная долина! Какъ нѣжила роскошная степь, и что творилъ съ человѣческой душою ропотъ глубокой рѣки, соединенный съ трепетомъ звонкихъ камышей!

А вечеръ? Тихій, розовый вечеръ, обнимающій землю темнотою и прохладою! А выступающія звѣзды и всходящій мѣсяцъ—полоса луннаго свѣта по темной стени,—часть лѣсной опушки, посребренная сіяніемъ,—чашечки ночныхъ цвѣтовъ въ долинѣ, мягко освѣщенные луннымъ лучомъ,—сверкающія изъ рѣчной глубины и струящіяся въ текущихъ струяхъ звѣзды,—одна гора вся помраченная, другая вся освѣтлѣвшая,—и ясный огонекъ въ хаткѣ, потонувшей въ срединѣ цвѣтущаго сада!

И кромѣ этого благодатнаго сосѣдства мягкаго луга съ глубоководною рѣкою, величавыхъ горъ и цвѣтущей долины, шумящаго лѣса и волнующейся стени, было еще доброе сосѣдство хорошихъ людей казацкаго рода.

Каждый праздникъ ужъ непременно или сами Чабаны выбирались въ гости, или надо было имъ приглядываться и узнавать, кто это подвигается по степной дорогѣ къ хаткѣ, Семень-ли Ворошило или Андрій Крукъ; или надо было выходить навстрѣчу, заслышавъ по долинѣ звонкій говоръ веселой и миловидной дѣвушки Ганны, появляющейся впереди другихъ дѣвушекъ и молодежи, въ исполненномъ яркомъ, только-что по дорогѣ сплетенномъ, вѣнкѣ на головкѣ; или надо было ждать на берегу, пока приближалась утлая лодочка Ивана Грима.

Да что проку перечислять всѣхъ друзей и пріятелей,—и къ чему рассказывать всѣ ихъ увеселенія и забавы, пріятныя встрѣчи, дорогія свиданья, ласковыя разставанья? Вчужѣ самая милая забава можетъ показаться самою скучною, самая большая радость — непонятною,—это извѣстно,—и извѣстно тоже, что иногда никакія заманчивыя игры и лигованья не сравнятся съ тихою бесѣдою добрыхъ знакомыхъ людей, и никакія краснобайчивыя рѣчи не замѣнятъ молчаливаго сообщества надежнаго вѣрнаго друга. Миѣ кажется, лучше всего будетъ просто сказать, что на хуторѣ житье было очень хоро-

шее, — такое хорошее, что никому и въ голову не приходило его въ чемъ-нибудь измѣнить, — ни у кого не являлось желанія чѣмъ-нибудь его украсить.

Но жизнь человѣческая, какъ говорится, не прямоѣзжая ровная, гладкая дорога. Охъ, сколько рытвинъ, пропастей и всякихъ напастей!

И вотъ по Украинѣ стали носиться недобрые слухи, а что еще и того хуже, стали твориться недобрѣя дѣла. Чѣмъ цвѣтокъ душистѣе и свѣжѣе, тѣмъ быстрѣе протягиваются руки къ цвѣтку, и «за его прелесть срываютъ его», — хороша была Украина и вотъ татары и прочіе разные враги лѣнули къ ней и раздирали ее, соперничая другъ съ дружкой въ обманѣ, ненасытности и предательствѣ.

Много было кровавыхъ, грозныхъ съчъ, трудныхъ переворотовъ, печальныхъ и ужасныхъ событій, — о нихъ долго бы рассказывать.

При Богданѣ Хмельницкомъ, — я надѣюсь, что вы все слышали и знаете хоть немножко, что за гетманъ былъ Богданъ Хмельницкій? — при Богданѣ Хмельницкомъ Украина какъ-будто пріотдохнула, но послѣ его смерти такія смуты опять наступили, такія бѣды, что, говорятъ, тогда самые грозные глаза плакали и самыя мудрыя головы кружились.

Народъ украинскій раздѣлился на партіи: кто стоялъ за великоросовъ, кто за поляковъ, кто за дружбу съ татарами. Какъ всегда почти, къ сожалѣнію, бываетъ, къ общимъ дѣламъ примѣшались частныя дѣлишки, возникли ссоры, распри и въ концѣ концовъ вышло по пословицѣ: запрягли то и прямо, да поѣхали криво.

II

Разъ ввечеру собрались гости у Данила Чабана. Вечеръ былъ тихій, темный, — гости были задумчивы и смиренны, — хозяева не хлопотливы и не веселы. Больше мѣнялись взглядами, чѣмъ словами. Всѣхъ, кажется, занимали однѣ и тѣ же мысли, всѣхъ тяготили

однѣ и тѣ же заботы. Изрѣдка обращались къ Андрію Кругу съ вопросами о городѣ Чигиринѣ, и если рѣчь велась, то велась она все о томъ же городѣ Чигиринѣ.

Видно было, что Андрій Кругъ хорошо зналъ этотъ городъ, — онъ отвѣчалъ безъ запинки и точно рисовалъ своимъ разговоромъ и стѣны чигирицкія, и улицы, и крѣпостные валы.

Женщины тоскливо прислушивались къ мужскимъ разговорамъ, а когда разговоры эти умолкали и клубы дума начинали обвивать усатыя лица, онѣ тихе перешептывались. Въ ихъ шопотѣ все слышалось о разныхъ битвахъ, о спаленныхъ городахъ, о разоренныхъ селахъ, о павшихъ въ сѣчѣ людяхъ. Безпрестанно женскія лица блѣднѣли, безпрестанно слезы сверкали на глазахъ.

Одна старуха сидѣла, точно изваянная, неподвижно; изрѣдка только, когда всѣ умолкали она, какъ бы очнувшись, говорила:

— Мои оба пошли. Я сама снаряжала!

— Твой тоже ушелъ? тихо спросила одна молодая дѣвушка, судя по блѣдности лица и по лихорадочному оживленію, сама недавно производившая «своего», у подруги.

— Ушелъ. Вчера ввечеру мы...

Она хотѣла что-то рассказать, но губы у ней задрожали и помертвѣли — она ничего не рассказала, и подруга ее больше не спрашивала.

Дѣти не возились, не рѣзвились, а ютились гдѣ нибудь въ уголку и, съ омраченными личиками, тоже думали свои думы, или, усѣвшись около стариковъ, настораживали ушки, и, казалось, ловили всѣ взгляды и запоминали всѣ слова.

Одна только крошечная гостья, съ бѣлокудрою головкою, съ огромнѣйшими блестящими глазами и съ яркими губками, была совершенно предана своему дѣлу: отъ усердія и заботы она даже высунула остренькій язычокъ и, сбочивъ головку, вязала какіе-то снопики изъ травы.

Все больше вечерѣло — и въ хатѣ все больше утихало. Уже крошечная гостья, выпустивъ изъ рученокъ снопики, сама снопикомъ лежала около ногъ матери, объятая крѣпкимъ сномъ, завѣсившись спустившимися прядями свѣтлыхъ кудрей.

Было темно на дворѣ, и стало очень тихо въ хатѣ.

Вдругъ постучались въ хатное окошечко....

До того это было неожиданно, что сначала никто не повѣрилъ своимъ ушамъ. Но стукъ повторился опять и опять; и повторился очень отчетливо, ясно, громко.

Хозяинъ поднялся съ своего мѣста и пошелъ отворять двери; его гости и пріятели раскурили съ прежнею невозмутимостію трубки; женщины заволновались, — дѣти встрепенулись.

Данило пріотворилъ двери и спросилъ, кто стучится. Ему отвѣтилъ такой голось, отъ раскату котораго запѣло хатное окошечко, — что проходій де человекъ, усталый странникъ, просить позволенія отдохнуть у ласковаго хозяина.

Данило на это отвѣтилъ: «милости просимъ!» и, распахнувъ двери настежь, пригласилъ странника войти.

Въ распахнутыя двери ворвалась струя пахучаго вечерняго воздуха и на мгновеніе сверкнуло нѣсколько слабо-сіяющихъ звѣздъ, — потомъ двери заслонила собою исполинская человѣческая фигура, — во всѣхъ углахъ отдалось и прогудѣло «помогай Боже», и, низко наклонивъ голову, бокомъ пронесши могучія плечи, вошелъ въ хату странникъ.

Будь въ хатѣ люди съ болѣе шаткимъ, съ менѣе невозмутимымъ нравомъ, они навѣрно бы потерялись и не знали какъ принять этого странника. Хотя на Украинѣ не въ диво могучая и блистательная казацкая красота, не скоро-бы однако-же нашелся ровня вошедшему къ Данилѣ Чабану страннику. Этотъ высоченный ростъ при удивительной стройности и змѣиной гибкости, это загорѣлое суровое лицо съ огненными очами, чуткость и вниманье ко всему, и вмѣстѣ съ тѣмъ свободное, невозмутимое спокойствіе, хоть кого заставили бы вздрогнуть.

Но въ хатѣ у Данила собрались все люди неподатливые на переполохи, и потому усталый странникъ былъ принятъ, какъ подобаеть усталому страннику: его привѣтливо просили садиться и радушно угостили чѣмъ Богъ послалъ.

Странникъ отличался и простотою, и скромностію, и добротчїемъ, и благоприличїемъ. Какъ человекъ переходій и никому здѣсь

неизвѣстный, онъ себя вовсе и не выдвигалъ на видъ и на показъ, а также не впивался онъ любопытными взглядами во все уголки хозяйской хаты, — не вывѣдывалъ хитрыми, не выпытывалъ вѣтренными вопросами о житьѣ-бытьѣ хозяйскомъ, — вовсе нѣтъ. Ничуть. Странникъ, если велъ рѣчи, то все велъ рѣчи общія, всехъ тогда занимавшія и волновавшія: о непріятельскомъ хищничествѣ, о разореніи и опустошеніи Украины, о видѣнныхъ имъ по пути грабежахъ и буйствахъ; спросилъ хозяина—мирно ли пока у нихъ и безопасны ли окружныя дороги.

Хозяинъ и хозяйскіе гости съ своей стороны показали себя примѣрно: глядя на такого странника вѣрно имъ приходили въ голову вопросы, отъ которыхъ до смерти чесался языкъ: откуда онъ, странникъ, явился и куда путь держить? Сколько онъ перешагнулъ горъ и долинь, пока утомилъ свои мощные члены! По объѣту ли странствуетъ онъ, по нуждѣ или по прихоти? Гдѣ онъ родился и крестился, — что говоритъ о невѣрномъ туркѣ, какъ о не разъ ловленномъ звѣрѣ, — о полякахъ, какъ о не разъ испытанныхъ панахъ, — о москаляхъ, какъ о не разъ извѣданныхъ боярахъ? Знаетъ онъ, кажись, немножечко и Сѣчь Запорожскую, — повидаль и всю Украину изъ конца въ конецъ.

Но никто не побезпокоилъ странника, а себя не унижилъ ни лукавымъ, ни прямымъ вопросомъ. Разговаривая только глядѣли на него, на его сельскую одежду, да соображали про себя, гдѣ та мирная нива, воздѣланная его руками, на которой онъ пріобрѣлъ себѣ шрамище черезъ всю щеку, — отъ горбатаго носа до чуткаго уха.

Однако, чѣмъ дальше шла бесѣда, тѣмъ странникъ становился разговорчивѣе; вѣроятно ободренный общимъ вниманіемъ и безмолвнымъ участіемъ, онъ принялся описывать съ такою живостію и яркостію недавнія битвы, что все притаивали дыханье, точно присутствовали сами зрителями при настоящихъ сѣчахъ. На видъ невозмутимые казаки воспламенились; женщины вскригивали и плакали; дѣти, потерявъ всеобѣждающій сонъ, съ полуютверзтыми ротиками, съ широко-раскрывшимися глазами, не шевелились на своихъ мѣстахъ, словно зачарованные.

Вдругъ рѣзко раздался два пистолетные выстрѣла одинъ за дру-

гимъ. Все въ хатѣ смогло и настроило слухъ. Выстрѣлы прокатились откуда-то изъ степной дали и прежняя безмятежная тишина наступила. Молчаніе длилось, но ни единого звука не донеслось кромѣ вѣянья душистаго воздуха въ цвѣтущихъ вѣтвяхъ сада, обступавшаго со всѣхъ сторонъ хату.

— И до вашего хутора долетаетъ голосокъ! проговорилъ странникъ.

— Это никакъ съ чигиринскаго шляху? промолвилъ Андрій Крукъ.

— Слышно отовсюду! сказалъ хозяинъ.

Въ это время женщины стали тихо прощаться съ хозяйкою, собираясь по домамъ. Иныя вели, иныя несли дѣтей. Между женщинами были и старыя, и молодыя, и совсѣмъ юныя, но всѣ ихъ разнородныя лица, когда яркій свѣтъ освѣтилъ ихъ при прощаньи, выражали тысячью разнородныхъ выраженій одну и ту же непреклонную волю, которая огненными чертами отпечатливалась на лицахъ мужчинъ. Потопленная въ душисто-цвѣтушемъ саду хата, гдѣ трепещущій свѣтъ каганца отбрасывался на усатыхъ лицахъ, — на порогъ полуоткрытой двери фигура хозяина, провожающаго глазами удаляющіяся фигуры гостей, тихо исчезающихъ по окружнымъ тропинкамъ, — дворъ, соединяющійся со стенью, — нигдѣ заборовъ, ни оградъ, кромѣ шелестящихъ деревьевъ, — это представляло, казалось, мирную сельскую картину, но вмѣстѣ съ тѣмъ картина эта тоже дышала, если можно такъ выразиться, какою-то особою, безмолвною и тихою, но грозною силою.

Изъ гостей остались только Андрій Крукъ и Семенъ Ворошило.

III

— А каково теперь пробираться къ Чигирину? спросилъ странникъ, понижая голосъ, какъ человѣкъ невольно попадаетъ въ опасныя времена, заводя рѣчь о чемъ-нибудь для себя важномъ.

— Да, трудненько, отвѣчалъ хозяинъ. Повсюду польскіе отряды...

Хозяйскіе пріатели безмолвно выпустили изъ устъ по огромному клубу дыма, причемъ слегка приподнялись ихъ густыя брови,

и все это вмѣстѣ безъ словъ краснорѣчиво выразило, что мнѣніе ихъ совершенно согласно съ мнѣніемъ хозяина.

Глаза странника устремились на собесѣдниковъ и переходили съ одного невозмутимаго лица на другое.

Одинъ взглядъ этихъ огненныхъ, чуткихъ глазъ говорилъ, сколько пережито уже имъ опасностей, сколько перебыто трудностей, и каковъ есть навыкъ къ встрѣчѣ съ бѣдою, какова ловкость въ борьбѣ съ напастью.

— А мнѣ путь прямо въ Чигиринъ, сказалъ странникъ.

— Теперь туда прямо и ворона не пролетитъ, замѣтилъ Андрій Крукъ.

— А далеко до Чигирина? спросилъ странникъ.

— Лучше-бъ *далѣко*, да *лѣгко*, а *то близко*, да *склизко*! отозвался Ворошило, а Андрій Крукъ пристальнѣй поглядѣлъ на странника, а хозяинъ на Андрія Крука.

— Нашему брату страннику не разбирать дорогъ, отвѣчалъ странникъ, — хоть часомъ дорожка лежитъ и докученькая, а берешь ее. . . Отрада, если добрый товарищъ встрѣтится, панове! Я, скажу вамъ, былъ у меня добрый товарищъ — была у меня съ нимъ и добрая рада, и щирая правда!

При послѣднихъ словахъ странника что-то особое мелькнуло на лицахъ его слушателей.

— Конечно, сказалъ хозяинъ, доброе братство лучше великаго богатства!

— Хороши у поляковъ паны, у турокъ султаны, у москалей ребята, а у насъ — братья! сказалъ Андрій Крукъ.

— Да не всякаго пана — познать по жупану! сказалъ Ворошило.

— Плохой тотъ попъ, что угадываетъ праздники тогда, какъ минули! отвѣчалъ странникъ, обводя ихъ своими искрометными глазами.

Ему отвѣ и не менѣе говорящими взглядами.

Нѣсколько времени длился этотъ вѣмой разговоръ, но до того краснорѣчивый, что послѣ него и словъ не понадобилось: другъ-друга признали.

— Съ Сѣчи товарищи поклонъ шлють! сказала странникъ, — а меня посломъ въ Чигиринъ.

— Мы вамъ вѣрные друзья и слуги! отвѣтили ему казаки въ одинъ голосъ.

— Что новаго? спросилъ сѣчевикъ.

— Да одинъ поладилъ было съ Москвою, а другой съ Польшею переговаривается, турковъ на помощь призывалъ. Тяжкія времена!

Глубокое уныніе омрачило казацкія лица. Горесть, прикрытая наружною безмятежностью, вырвалась наружу и высказалась во всей своей мощи.

— Миѣ надо пробраться въ Чигиринъ, сказалъ сѣчевикъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Всѣ дороги перерѣзаны.

— А Гунинъ ходъ?

— У нихъ въ рукахъ!

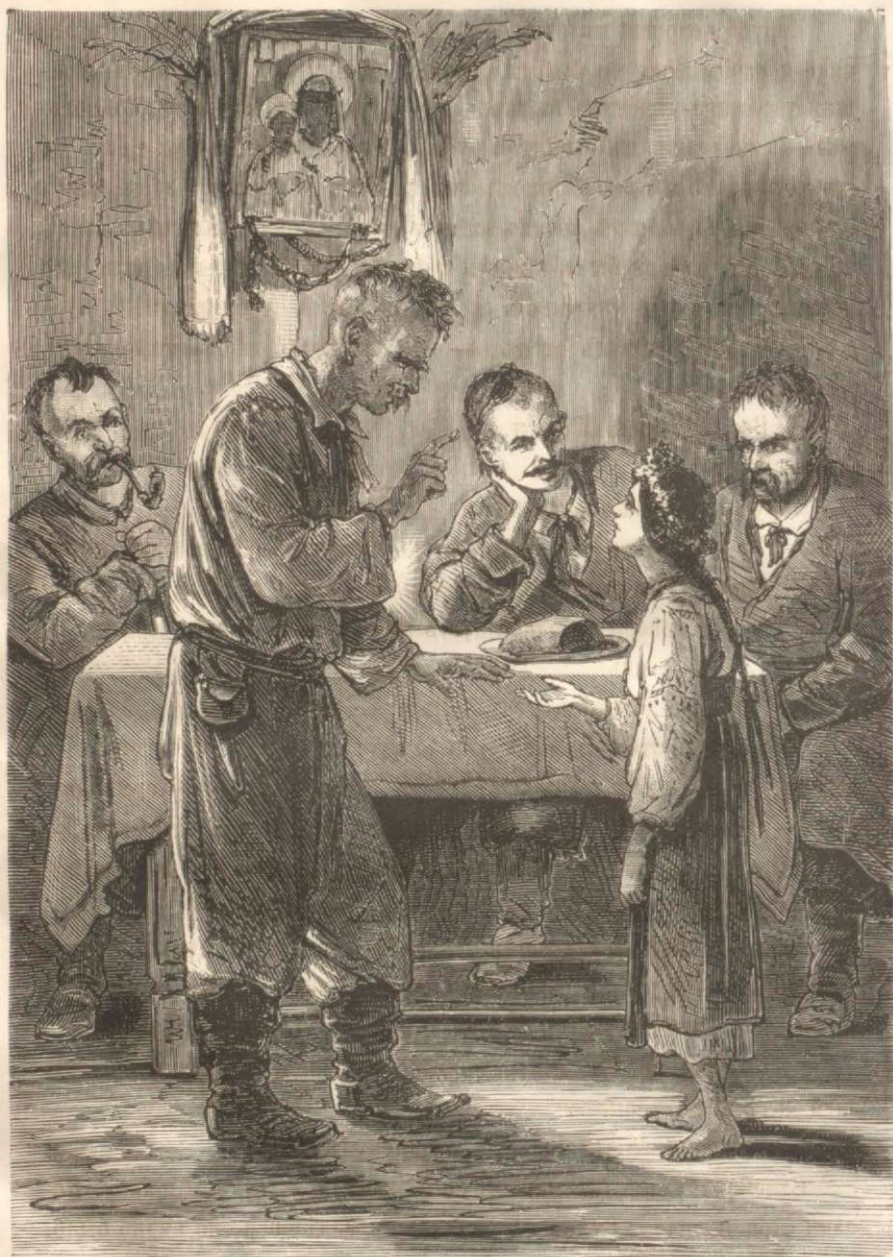
Сѣчевикъ призадумался, но видно было, что его не обманутая надежда огорчала, не пугала трудность, а что онъ просто прибиралъ въ умѣ новыя средства и способы, какъ лучше достичь предположенной цѣли.

— Слушайте, товарищи, сказалъ онъ подумавъ: миѣ надо пробраться въ Чигиринъ до Петра Дорошенка. Дѣло идетъ тутъ не объ одной головѣ, а идетъ дѣло объ цѣлой Украинѣ.... Если я опоздаю въ Чигиринъ, то....

Тутъ сѣчевикъ оглянулся на всѣ стороны.

Хозяйки не было въ хатѣ, дѣти поснули сидя, и онъ уже хотѣлъ было продолжать свою рѣчь далѣе, какъ вдругъ встрѣтилъ устремленные на него глаза, словно два огромные алмаза, горящіе участіемъ и вниманіемъ. Глаза эти сіяли изъ темнаго неосвѣщеннаго угла хаты, и только всмотрѣвшись хорошенько, сѣчевикъ распозналъ уютившуюся тамъ граціозную фигурку дѣвочки, неподвижно рисовавшуюся въ тѣни: какъ она оперлась на сложенные ручки, вытянувъ головку, устремивъ глаза,—такъ и замерла, словно заслушавшись.

— Это моя маленькая дочка, сказалъ хозяинъ, оглянувшись по направленію глазъ сѣчевика.—Маруся, подойди сюда!

— Маруся! сказалъ отецъ,—что ты слышала изъ нашего разговора?

Маруся подошла къ отцу. Свѣтъ ярко ударилъ ей прямо въ личико и разсыпался по всей ея стройной фигуркѣ. Это была настоящая украинка-дѣвочка, съ темными бархатными бровями, съ загорѣлыми щечками, въ вышитой рубашкѣ съ широкими рукавами, въ синей запаскѣ и въ червонномъ поясѣ. Густые русые волосы, сплетенные въ косы, и въ косахъ слегка кудрявились и блестяли, какъ шелкъ. На головкѣ былъ вѣнокъ цвѣтовъ, изъ которыхъ иные уже поувяли, иные еще сохраняли свою свѣжесть и слабо пахли.

— Маруся! сказалъ отецъ, — что ты слышала изъ нашего разговора?

— Все, отвѣчала Маруся.

— А что?

Марусины глаза обратились на сѣчевика.

— Надо въ Чигиринъ, промолвила она: надо до пана гетмана....

— Слушай, дочка, сказалъ отецъ медленно и тихо, — что ты слышала—не говори ни одной душѣ живой, какъ будто бы ты и не слыхала. Понимаешь?

— Понимаю, тато! отвѣчала Маруся.

Отецъ не повторилъ наказу и Маруся не давала никакого обѣщанья, но въ непоколебимой вѣрности дѣвочки никто не усумнился.

— Не надо тебѣ слушать нашихъ рѣчей, Маруся, сказалъ Данило. Поди, покличь мать изъ саду, — скажи ей, что братья послули.

Маруся покорно пошла къ двери, но въ эту минуту вдругъ послышался лошадиный топотъ; скакалъ какъ-будто цѣлый отрядъ конныхъ, — слышались разнотонные крики грубыхъ голосовъ и блѣдное, какъ смерть, лицо хозяйки показалось въ дверяхъ.

— Скачутъ конные... отрядъ... проговорила она. Прямо къ нашей хатѣ... вотъ они....

— Пропало все дѣло! глухо воскликнулъ Данило.

Сѣчевикъ уже былъ на ногахъ и держалъ въ рукахъ шапку. Казаки стояли молча. Суматохи не было ни малѣйшей, но видно было, что мысли страшно работали въ каждой головѣ, и что тысячи плановъ и намѣреній перевертывались у всякаго въ умѣ.

Хозяйка затворила дверь со двора въ сѣни и изъ сѣней въ хату

и стояла, не сводя глазъ съ мужа, въ ожиданіи приказанья и распоряженья.

Около нея, такъ же блѣдна и въ такомъ же отчаяніи, стояла Маруся.

— Вы спите! проговорилъ Данило, обращаясь къ казакамъ. Ты работай, шей! сказалъ онъ женѣ. Я пошелъ къ товарищу еще за свѣтло. ... Казаки пришли воловъ поглядѣть, — торгуютъ у меня...

— Есть выходъ изъ свѣтлицы въ степь, — обратился онъ къ сѣчевику, — иди за мною!

Все это было быстро сказано, а вслѣдъ за сказаннымъ исполнено быстрѣе, чѣмъ можно рассказать словами.

Въ одно мгновеніе оба казака лежали на лавкахъ, погруженные въ завидный сонъ, подложивъ подъ головы люльки и шапки; свѣтъ игралъ на ихъ лицахъ нѣсколько не тревожа ихъ крѣпкого сна, дыханье ихъ было такъ мѣрно, что по немъ можно было, какъ по часамъ, считать время; хозяйка сидѣла за работою, — Маруся тоже, — и обѣ прилежно погрузились въ мудрости узорчатыхъ рукавовъ.

Данило съ сѣчевикомъ быстро перешагнули темныя сѣни, отворили и затворили за собою дверь свѣтлицы.

IV

Между тѣмъ прискакавшій отрядъ былъ уже у крыльца; храпѣнье лошадей, переговоры всадниковъ отчетливо были слышны въ хатѣ; потомъ нѣсколько человѣкъ спѣшилось, — потомъ раздался наглый стукъ въ двери и грубый голосъ закричалъ:

— Эй, вы!... отворяйте!

Не успѣла хозяйка встать и спросить кто тамъ, какъ двери чуть не слетѣли съ петель отъ повтореннаго стука и разбитое стекло съ звономъ посыпалось въ хату вмѣстѣ съ вышитенною рамою. Жесткоусая, широкоскулая образина заглянула въ окно, быстро и недовѣрчиво и подозрительно все обозрѣла и крикнула:

— Чего не отворяешь?.. Чего не отворяешь?..

Хозяйка выпустила изъ рукъ работу, но еще стояла на одномъ мѣстѣ въ нерѣшимости.

— Отворяй! закричало вдругъ нѣсколько угрожающихъ голосовъ и двери такъ задрожали подъ ударами, что вся хата содрогнулась.

Хозяйка отворила дверь. Ватага иноземныхъ солдатъ ворвалась въ хату и съ шумомъ и гамомъ кинулась шарить по всеѣмъ угламъ.

Хозяйка, собравъ около себя маленькихъ дѣтей, внезапно разбуженныхъ, пораженныхъ страхомъ и изумленіемъ и жадно слѣдящихъ за всею суматохою глазами полными слезъ, стояла въ сторонѣ и безстрастно глядѣла, какъ все ея домашнее убранство, вся ея хозяйственная утварь валилась, билась и уничтожалась.

Между тѣмъ какъ одни пристали съ допросами къ Андрію Круку, который зѣвалъ во весь ротъ вмѣсто всякаго отвѣта и, словно ошанѣлый отъ сна, качался изъ стороны въ сторону, какъ качается свитка, перекинутаая черезъ жердь въ вѣтряную погоду, — другіе толкали подъ бока Семена Ворошила, который приподнимался, взглядывалъ на нихъ, принималъ ихъ то за кума Герасима, то за кума Евдокима и опять падалъ на лавку, словно подстрѣленный.

— Это онъ! Онъ самый!.. Нѣтъ, не онъ!.. Нѣтъ, онъ!.. кричала военная ватага, споря между собою и теребя обоихъ казаковъ.

— Гдѣ хозяинъ?.. Подавай хозяинъ! кричалъ выходя изъ себя начальникъ повидимому ватаги.

— Съ утра къ пріятелю ушелъ въ гости, отвѣчала хозяйка.

— Въ гости?.. Дамъ я вамъ гости! Измѣнники! Мятежники!.. Что это за люди?

И онъ, вмѣсто указки, ударилъ со всего размаху пагайкою прежде Крука, потомъ Ворошила, и съ такимъ видомъ подступилъ къ хозяйкѣ, что она подалась назадъ, какъ передъ разевирѣпѣвшимъ звѣремъ.

— Знакомые люди, отвѣчала она, послѣ этого невольнаго дви-

женія снова одолѣвая свое смятеніе.—Они пришли воловъ торговать у насъ,—дожидаются мужа.

— Такъ, такъ, ваша милость, отозвался Андрій Крукъ, вставая и отряхивая, повидимому, послѣднія грезы, — мы пришли воловъ торговать и не застали хозяина. Что-жь, говорю я куму, — вотъ ему,—объяснилъ онъ, указывая на Ворошила, который тоже отрясъ грезы и смиреннѣйше поводилъ глазами по всеѣмъ лицамъ, избѣгая встрѣчи съ устремлявшимися то на него, то на Крука со всеѣхъ сторонъ взглядами. Что-жь, кумъ, говорю я ему... Нѣту, кумъ, хозяина дома,—а?.. Нѣту — такъ нѣту. На нѣтъ и суда нѣтъ....

— Перестань болтать, глупый мужикъ! Хитрецы! предатели! знаемъ мы васъ! Перевязать ихъ! крикнулъ онъ своимъ — и тѣ въ ту же минуту бросились на казаковъ, словно коршуны.

Въ это самое время дверь отворилась и въ хату вошелъ Данило.

— Кто такой? закричалъ начальникъ, бросаясь на него.

— Да когда-то люди здѣшнимъ хозяиномъ звали, отвѣчалъ Данило.

— Гей! вы! стоялъ ли караулъ около двора? Не дремать! Слышите?

— Если ты дорожишь своею жизнію,—началъ онъ, обращаясь къ стоявшему передъ нимъ Данилу, — отвѣчай мнѣ сейчасъ же безъ увертокъ: гдѣ мятежникъ-запорожець? Отвѣчай прямо!.. Или я тебя сотру въ порошокъ!

Все это было сказано надменно и крикливо. Данило поглядѣлъ на стоящую передъ нимъ довольно тучную фигуру, едва достающую ему по плечо казацкое, и отвѣтилъ спокойно:

— Не знаю никакого мятежнаго запорожца!

— Я хату твою испеплю! Я у тебя бревна на бревнѣ не оставлю! Слышишь?

— Ваша воля и ваша сила! такъ же покойно отвѣчалъ Данило.

— Да не уйдетъ отъ насъ онъ! Стоитъ-ли изъ-за этого горячиться! казалъ другой, тоже, повидимому, офицеръ, съ самаго своего появленія усѣвшійся на лавкѣ и курившій трубку съ

янтарнымъ мундштукомъ. Мы вѣдь почти съ утра не ѣли! прибавилъ онъ, съ протестующимъ, хотя кроткимъ вздохомъ.

— Что есть съѣстнаго? закричалъ гнѣвный старшой, внезапно и яростно, начиная кидаться изъ стороны въ сторону и нюхать воздухъ. Что есть? Подавай сюда! Живо! Подавай!

И онъ топалъ ногами и колотилъ своею саблею по столу.

— Жинка! проговорилъ Данило, — поспѣшай съ вечерею.

Хозяйка быстро принялась за сборы къ угощенію. Глаза ея обѣжали всю хату, всѣ уголки, будто ища кого-то и, казалось, нѣкоторая тревога промелькнула на ея безстрастномъ лицѣ.

Она искала глазами Маруси и теперь только замѣтила, что дѣвочка незамѣтно исчезла во время суматохи.

V.

Чудесная, темно-голубая, прозрачная, теплая ночь таинственно звѣздилась, когда Маруся поспѣшно выскользнула изъ хаты, поползла подъ кровомъ стелющихся по землѣ вѣтвей цвѣтущей калины и очутилась въ саду. Тутъ ее скрыли кудрявыя яблони густыя, какъ сѣть, черешни.

Тутъ она стояла, унимая биеніе сердца. Каждая ея жилка билась, ноги подламывались подъ нею, мысли роились и мѣшались; какіе-то сверкающіе образы носились передъ глазами, а изъ глазъ струились горячія слезы, исторгаемая новою, дотогдѣ невѣданною сердечною скорбію, перемѣшанною съ какою-то восторженною надеждою.

Свѣжій ночной воздухъ привелъ ее въ себя наконецъ, и слезы пріостановились, и мысли приняли строй.

Все было вокругъ такъ душисто и свѣжо и цвѣтуще! Все такъ мило и близко душѣ! Вся преисполненная любовью и горемъ, она склонилась и жарко стала цѣловать травы, цвѣты, склонявшіяся вѣтви, обращая туда и сюда глаза свои, выражая всѣмъ существомъ своимъ и недоумѣнье и беззавѣтную преданность чему-то, не совсѣмъ еще ясно усвоенному, уразумленному, но уже поглотившему всю душу.

Легкій шедестъ между деревьевъ обдалъ ее холодомъ и жаромъ. Она припала къ землѣ и ея бѣлая фигурка утонула въ бѣлоцвѣтущихъ вѣтвяхъ.

Все снова затихло.

Она оставалась нѣкоторое время неподвижна среди этого без-

гласнаго сада, подъ мягкимъ свѣтомъ и мерцаньемъ звѣздъ, при спокойномъ благоуханьи цвѣтовъ и травъ, — все было около нея тихо, и долѣтавшія со двора восклицанья рѣзко дрожали въ тепломъ воздухѣ.

Она уже хотѣла было устранить прикрывавшія ее вѣтви, какъ снова легкой шорохъ, тотъ самый, что и прежде, пролетѣлъ, и какъ разъ передъ нею поднялась громадная фигура сѣчевика между двухъ высокихъ черешень.

Марусино сердце радостно вздрогнуло и вслѣдъ затѣмъ тоскливо и пугливо затрепетало.

Постоявъ нѣсколько минутъ, сѣчвикъ двинулся дальше, — видимо онъ пробирался къ выходу изъ сада со стороны рѣки. Исполинская его фигура была точно тѣнь исполинская, — такъ легко, такъ безшумно и ловко скользила она между густо и тѣсно свивающихся черешень и кудрявыхъ яблонь: ни шелесту не было слышно, ни колебанья не было видно.

Не отдавая себѣ отчета почему и зачѣмъ, Маруся пробиралась слѣдомъ за сѣчвикомъ, иногда только приостанавливаясь отъ сильнаго сердечнаго бѣшенья и зампрашня.

Такъ они оба минули весь садъ, перебрались за ограду изъ живой вьющейся и ползучей зелени и очутились надъ рѣкою.

Рѣка колыхалась въ берегахъ съ какимъ-то безпокоющимъ ропотомъ. Прибрежные камыши серебрились во мракѣ; золотыя звѣзды мигали въ волнахъ и сверкали въ небѣ. У ракиты, потопившей нижнія вѣтви въ рѣкѣ, привязана была лодочка, хрупкая и легкая какъ скорлупка. Прилежащій лугъ, горы — все было пренеполнено тишины, теплоты и прозрачной теплой мглы.

Тутъ сѣчвикъ снова остановился, посматривая во всѣ стороны и соображая, какъ вдругъ услышалъ за собою дѣтскій тихій голосокъ и въ ту же минуту почувствовалъ прикосновеніе дѣтскихъ пѣжныхъ ручекъ. Онъ обернулся какъ человѣкъ, котораго ничто не въ силахъ ни удивить, ни поразить, и увидалъ передъ собою Марусю.

— А что, дівчина? спросилъ онъ ее такъ ровно, словно и въ заводѣ не бывало никакого лиха, ни напасти.

Но Маруся не могла вымолвить слова и, только ухватившись за его руку, обращала къ нему съ мольбою глаза.

Однако эти глаза говорили такъ краснорѣчиво и много, что сѣчевикъ погладилъ ее по головкѣ. Что-то похожее на ласковую нѣжность, на сострадательное участіе выразилось въ его склонившейся фигурѣ.

— Можно пробраться въ Чигиринъ! вымолвила Маруся.

— Какъ же это можно, *дівчино-порадонько?* *) спросилъ онъ, слегка улыбаясь.

— У батько въ стени стоить возъ съ сѣномъ,—проговорила Маруся,—волы пасутся тоже въ стени... Я все знаю, гдѣ что... Запряжемъ воловъ... Ложись въ сѣно... Я повезу до Книшова хутора... Тамъ рѣка... За рѣкою ужъ чигиринская сила...

Сѣчевикъ глядѣлъ въ сіяющіе глаза, на трепещущую легкую фигурку, стоявшую передъ нимъ и слушалъ, какъ стучитъ маленькое сердечко. Онъ вдругъ почувялъ, что его мужественное, закаленное сердце словно расплывается въ груди, и что-то такое чудное съ нимъ сотворилось въ тотъ мигъ, что и послѣ онъ никакъ не могъ рассказать хорошенько, а только задумывался вспоминая.

— Кто это тебѣ такую мысль подалъ, Маруся малая? спросилъ сѣчевикъ.

— А я знаю сказку,—отвѣчала Маруся,—какъ дѣвушка отъ разбойниковъ бѣжала.

— А Расскажи мнѣ эту сказку, Маруся,—сказалъ сѣчевикъ.

— А до Чигирина? робко спросила Маруся.

— И до Чигирина поѣдемъ,—отвѣчалъ сѣчевикъ, будто сулил ей пряникъ.—Вѣдь мы, надо полагать, взявши берегомъ въ эту сторону, проберемся въ стень?... Проберемся? Ну и ладно! А дорогою сказку послушаемъ.

Рука съ рукою они начали пробираться берегомъ со всевозможною осторожностью.

Сначала до нихъ долетали шумъ и голоса съ Данилова двора,

*) Слово *порадонько* можно перевести русскимъ *советный другъ*.

но потомъ ихъ окружила совершеннѣйшая тишина, какая только бываетъ въ ночную пору на пустынныхъ берегахъ водъ, когда самыя переливы и всплескъ волнъ только увеличиваютъ, а не нарушаютъ безмолвіе.

— А, ну рассказывай сказку, Маруся,—сказалъ сѣчевикъ, только что они ступили шагъ.

Много тревогъ, много надеждъ и страховъ волновало Марусю, и она поглядѣла на сѣчевика съ тоскливымъ недоумѣньемъ; сѣчевикъ глядѣлъ на нее и усмѣхался. Даже при невѣрномъ мерцающемъ свѣтѣ ночныхъ свѣтилъ столько видѣлось въ немъ чуткости, мужества, такимъ чародѣемъ глядѣлъ онъ, что вдругъ у Маруси отлегло отъ сердца и исчезла вся трепетная суетливость.

— Ну, начинай, Маруся малая, начинай!—сказалъ сѣчевикъ.— Я страхъ какъ люблю сказки слушать.

VI.

Маруся начала:

— Жилъ былъ казакъ и отдалъ свою дочку замужъ.

— Коли за добраго человѣка, то и съ Богомъ! замѣтилъ сѣчевикъ.

— Казачкѣ не полюбился женихъ,—продолжала Маруся,—да она покорила батьку, вышла замужъ и молодой увезъ ее въ свою *господу* *).

— Бѣдная дѣвушка! замѣтилъ сѣчевикъ.

— Только чудная это была *господа* у молодого,—продолжала Маруся.— Стояла она среди дремучаго лѣсу и никуда дорогъ не было битыхъ, ни откуда никто не показывался—пустыня кругомъ. Очень затосковала молодая...

— Еще бы не затосковать! замѣтилъ сѣчевикъ.

— И смачала ни на что она не глядѣла,—все горевала, а потомъ съ горя ко всему стала приглядываться и присматривать-

*) *Господа*—усадьба.

ся... Все роскоши... только ей не пужны были роскоши, а захотѣлось ей узнать, куда мужъ ея всякій вечеръ уѣзжаетъ съ товарищами. Но какъ только они сядутъ на лошадей, такъ сейчасъ и пропадутъ въ чащѣ, — только минутку слышенъ конскій топотъ, а потомъ все тихо и глухо...

Ходила она по всему дому и отъ всего дома были у нея ключи. Только никогда мужъ не пускалъ ее въ одинъ погребъ. Погребъ этотъ стоялъ подъ густыми и разметными дубами; дверь чернѣлась изъ подъ зеленой листвы, точно звѣриная пасть.

— Что они такое прячутъ? подумала молодая.

Подумала и сейчасъ къ погребу. И видитъ на засовѣ такой замокъ, что десятерымъ его не поднять.

Постучала въ дверь — словно въ камень—такъ глухо. Поглядела въ щелочку — черно, какъ въ колодезь.

Вдругъ изъ подъ порога что-то блеснуло, какъ искорка. Она прилегла на землю. Что-то блеститъ!

— Что это такое? думаетъ она.

И хоть страшно, а просунула руку и схватила.

Чуетъ что-то холодное. Глядь, а это отрубленный бѣленькій мизинчикъ и на немъ колечко.

— Дозналась я,—думаетъ молодая,—ѣздятъ они на разбой! А молодой былъ такой ласковый...

— Поди ка узнай людей по виду! сказалъ запорожець.

(А между тѣмъ ночь уже свѣтлѣла. Передъутренній вѣтерокъ пролеталъ по стени. Они все шли по-надъ тихими берегами рука съ рукой).

Стала молодая думать, что ей дѣлать,—такъ думала она, что у ней въ головѣ шумѣло, словно у мельничнаго колеса. Кругомъ все чернѣли лѣса, такіе сплошные, точно стѣны. Пустыня такая со всѣхъ сторонъ, что въ ней только потеряться, а ни приютиться, ни выбраться въ жилой міръ.

Куда бѣжать!

Долго она думала и переѣмывала. Солнце уже закатилось, она все думаетъ. Звѣзды высыпали, а она все думаетъ.

И слышитъ: ѣдутъ!

Входитъ мужъ и радъ ей.

— Я по тебѣ скучалъ! говорить.

Протянулъ къ ней руки, а она видитъ на рукавѣ у него кровь!

— Что это на рукавѣ? спрашиваетъ.

— А это я охотился за краснымъ звѣремъ, отвѣчаетъ и смѣется.

Услыхали товарищи и тоже засмѣялись.

Поглядѣла она на мужа—былъ онъ ей нелюбый, а теперь еще сталъ и страшный.

Поглядѣла она на его товарищей — ни одного хорошаго лица нѣтъ!

Подумала, какво это жить съ ними и забыла все другіе страхи, и положила убѣжать:

— Убѣгу, куда глаза глядятъ!

Сѣчевнику очень нравилась сказка: какія важныя дѣла ни заботили его голову, онъ такъ глядѣлъ на Марусю и такъ улыбался, точно его сладкимъ медомъ полили.

— Только дождалась, что все выѣхали изъ дому, сейчасъ она наглухо позатворяла и ворота, и двери, и окна, и пустилась бѣжать по лѣсу.

Ни дорогъ, ни тропинокъ, никакого слѣда не было, только вечерняя звѣзда ей свѣтила и по ней она путь держала.

Цѣлую ночь она все шла да шла, а лѣсъ все гуще да гуще, все сплошнѣй да сплошнѣй.

Вотъ чуть-чуть забрежжилась утренняя заря и тихо-тихо пробирались въ лѣсъ алыя полоски. Она уже подумала, что съ зарею ей веселѣй станетъ, какъ вдругъ слышитъ за нею погоня—и все ближе, все ближе. Вѣтки трещать, кони фыркаютъ, мужнинъ голосъ грозитъ: найду! и его товарищи переговариваются: вотъ тутъ она! вотъ тамъ она!

Поглядѣла она туда и сюда—нѣтъ нигдѣ пріюту!

Только одно дерево стоитъ косматымъ шатромъ—она поскорѣй кинулась къ тому дереву, взобралась на самую верхушку и притаилась.

Да въ поспѣхъ она уронила платокъ съ шеи и какъ погоня вор-

валась на это мѣсто; сейчасъ они всѣ и увидѣли бѣлый платокъ на землѣ...

— Ай-ай! сказалъ сѣчевикъ съ живостію.

— Сейчасъ всѣ закричали: ея платокъ! ея платокъ! она тутъ! она недалеко! она въ эту сторону бѣжитъ! И начали искать, шарить, саблями вѣтки рубить, конями кусты топтать.

А мужъ и говорить: не забралась ли она куда на дерево?

Схватилъ свою пику и со всей руки почалъ ею колотъ по между вѣтвей.

— Ай-ай! сказалъ сѣчевикъ. — Бѣдная молодица! патерпѣлась же она лиха!

— Вдругъ острое копье вошло ей въ бокъ, потомъ попало въ руку, потомъ тронуло плечо—она не вскрикнула, не ахнула, да теплая кровь такъ и закапала, такъ и закапала съ дерева...

Сѣчевикъ совсѣмъ разжалобился надъ бѣдною молодницею: охи и ахи его были самые жалостливые.

— Капельки ея крови попали прямо на голову мужу. «Охъ, какая теплая роса каплетъ съ этого дерева!» сказалъ. — Видно она пробѣжала дальше, говорятъ ему товарищи. Дальше въ погоню за нею!

И всѣ рассыпались между лѣсною гущиною.

А она тогда тихонько слѣзла съ дерева и опять пустилась бѣжать.

Долго она бѣжала, очень долго; и выбѣжала на дорогу, и видить ѣдетъ по дорогѣ старый казакъ, и везетъ возъ съ сѣномъ. Кинулась она къ казаку и почала его просить: «Возьми меня, добрый человекъ, схорони меня гдѣ-нибудь! За мною погоня! Меня поймать и убить хотятъ!»—А казакъ ей говоритъ: «Да вотъ я везу сѣно—ложись на возъ, закопайся поглубже, да только лежи смирно!»

— Бравый казакъ! дай ему Боже здоровья *чорзна поки!* *) сказалъ сѣчевикъ съ удовольствіемъ.

— Только успѣлъ старый казакъ закопать ее въ сѣно, да махнуть на воловъ батогомъ, а тутъ и наскочила погоня.

*) Чортъ знаетъ до коихъ поръ.

— Не видалъ-ли молодицы? кричатъ казаку.—Куда она побѣжала?

— Не видалъ, отвѣчаетъ казакъ.

— А что ты это везешь?

— Сѣно везу.

— Хорошее сѣно у тебя?—А ну, удѣли-ка немножко нашимъ конямъ.

Казакъ остановилъ возъ и накидалъ сѣна ихъ конямъ.

— А у тебя, кажись, люлька не погасла? спрашиваетъ одинъ разбойникъ.

— Нѣтъ, курится еще, отвѣчаетъ казакъ.

— Дай-ка раскурить.

Казакъ подаль имъ свою люльку и они почали другъ-другу ее передавать да свои раскуривать.

А атаманъ ни люльки не раскуриваетъ, ни коня своего не кормить, подошелъ къ возу и приклонилъ къ нему свою грозную голову, да все только глухо твердить: найду я ее! найду!

А она все это слышитъ и даже его горячее дыханье чувствуетъ.

Такъ время шло долго, пока товарищи закричали:

— Атаманъ! на коня! на коня! ужъ день бѣлѣется!

И всѣ они вскинулись на коней и ускакали въ темный лѣсъ...

А старый казакъ поѣхалъ дальше и довезъ молодицу до батькова двора...

— Пусть служитъ ей доля! сказалъ сѣчевикъ.—Чудесна ясказка, Маруся малая, и великое тебѣ спасибо за нее! Славная, славная сказка! Такая славная, что и не выразить словомъ!

VII.

Они ни на минуту не убавляли быстрого шагу и успѣли уже далеко уйти.

Заря еще не занималась, но мягкій, теплый ночной воздухъ уже освѣжѣлъ; изъ далекаго, невиднаго за неясными очертаніями дальнихъ лѣсовъ, монастыря разносился слабый бла-

говѣсть; какой-то особый тихій звонъ пробѣгалъ по прибрежнымъ камышамъ, и рѣка, залившись далеко въ мягкій берегъ сонною струею, возвращалась оттуда, словно внезапно разбуженная и взволнованная, катилась впередъ и бурлила безпорядочно и шумно, потомъ все болѣе и болѣе унимала порывы волнъ и брызги, и исчезала изъ глазъ съ глухимъ ропотомъ.

У этого залива они повернули.

Ни дороги не было, ни тропинки, но Маруся хорошо знала мѣста и скоро вывела сѣчевика въ чистую степь.

На нихъ пахнуло сильнымъ, крѣпкимъ, трезвымъ ароматомъ свѣже-скошенныхъ степныхъ травъ и цвѣтовъ отъ огромныхъ, разбросанныхъ по степи стоговъ сѣна; сѣчевикъ пристально оглянулся во все стороны. За собою невадалекъ онъ увидалъ въ полутьмѣ жилия строенья, укутанныя въ сѣнь густыхъ деревьевъ.

— Это наша хата, сказала ему Маруся.—Загородъ близко — впереди.

— Веди, Маруся,—сказалъ сѣчевикъ.

И хоть нигдѣ поблизу не видно было и признака никакой загороди, онъ, нисколько не сомнѣваясь, зашагалъ по легкимъ слѣдамъ Маруси.

Не успѣли они сдѣлать пяти шаговъ, какъ Маруся промолвила: здѣсь! и они очутились надъ чѣмъ то въ родѣ обширной впадины посреди ровной степи, спустились въ нее и на самомъ днѣ сѣчевикъ разглядѣлъ вербовую загородъ, а въ ней двѣ пары величавыхъ круторогихъ волковъ, представлявшихъя крутыми холмами на ровной поверхности.

Маруся отворила загородъ и дрожащею рукою слегка погладила прежде одну, потомъ другую рогатую голову. Легкое ласковое мычанье было ей въ отвѣтъ и, будто уразумѣвъ, что самое главное теперь осмотрительность и тишина, волы, выведенные изъ загороди, пошли по степи, какъ тяжелыя ладьи по тихимъ волнамъ— безшумно, ровно и быстро.

Возъ стоялъ неподалеку у стога, доверху уже наваленный сѣномъ.

— Что? спросила Маруся, видя, что сѣчевикъ остановился и глядѣть на нее.

— Какая-же ты малая, Маруся! промолвилъ сѣчевикъ. — Какая-же ты малая! Всякій тебя скорѣе приметъ за степного жаворонка, чѣмъ за дѣловую особу!

И вправду Маруся не велика была, а среди безбрежной степи, у громаднаго воза, запряженнаго мощными волами, подлѣ исполинскаго сѣчевика, она казалась еще того крохотнѣе, еще хрупче и еще беззащитнѣй.

— А вотъ, маминъ большій платокъ забыть у воза, отвѣтила Маруся. — Я его надѣну по-старушечьи, и какъ сяду на возъ, то покажусь старушкою

И уже ея большіе глаза глядѣли на сѣчевика изъ подъ старушечьей повязки, подъ которою исчезла кудрявая свѣтлошелковистая головка и розовыя щеки.

Сѣчевикъ не могъ не улыбнуться и нѣсколько минутъ не могъ или не хотѣлъ промолвить ни одного слова.

Голосъ его былъ очень тихій, когда онъ снова заговорилъ.

— Ты хорошо знаешь шляхъ, Маруся?

— Знаю. Все прямо до озерца, а у озерца шляхъ повернетъ вправо и уже видѣнъ будетъ хуторъ пана Кныша, а за хуторомъ уже вольный путь до Чигириша, сказывалъ панъ Крукъ батьку...

— А ты знаешь пана Кныша?

— Знаю. Онъ ѣздитъ къ батьку, разныя разности покупаетъ.

— А какъ онъ тебя, думаешь, приметъ?

— Не знаю, какъ меня приметъ.

— А какъ худо?

— Но онъ вѣдь не измѣнитъ?... и отвѣтила и вмѣстѣ спросила Маруся. — Онъ къ батьку ходитъ... онъ пріятель...

— А знаешь, Маруся, что теперь повсюду войска стоятъ, всюду враги шатаются?—Знаешь, Маруся, что теперь вмѣсто цвѣтовъ должно быть по обѣимъ сторонамъ дороги дымъ клубится отъ стрѣльбы?—рѣзня идетъ!

— Знаю! отвѣчала Маруся.

— Будутъ глядѣть недобрые вражескіе глаза тебѣ въ лицо, и

если ты собьешься въ одноѣ словечкѣ, если только дрогнешь—все пропало!

Всѣмъ говори, что везешь сѣно пану Кнышу.

— Я не собьюся въ словѣ, не дрогну... Я не боюсь врага, а только боюсь неудачи.

— Маруся, знаешь, можетъ смерть насъ постигнуть...

— О, прежде до Чигирина тебѣ добраться! промолвила Маруся.

И столько мольбы и рѣшимости прозвучало въ ея тихихъ словахъ!

— На этомъ разговоръ у нихъ прервался. Волы быстро были запряжены.

— Маруся, сказала съчевикъ,—если кто тебя остановитъ, не падай около воза, какъ пташка около гнѣздушка... разумѣешь?

— Разумѣю! Надо быть какъ ты.

— Всѣмъ говори, что везешь сѣно пану Кнышу, а коли благополучно доберемся до Кнышова двора, то ты скажи тому, кто выдетъ на встрѣчу: «чудесныя зеленыя у васъ, — хоть и неслѣлыми жать—такъ хорошо!» Слышишь?

— Слышу, отвѣтила Маруся.

Съчевикъ зарылся въ громаду сѣна, наваленнаго на возу, Маруся заняла мѣсто возницы, волы тронули и возъ, пошатываясь и переваливаясь, потянулся по росистой степи.

Звѣзды уже начинали меркнуть; вѣтерокъ сталъ живѣе и капельки росы виднѣе заиграли по травѣ.

VIII.

Тихо подвигался огромный возъ по степной дорогѣ; при свѣтѣ меркнувшихъ звѣздъ мерцала степь, недавно скошенная и уже густо и мягко застлавшаяся новыми травами и цвѣтами, усыпанная еще неувядшими стогами пахучаго сѣна. Тихо подвигался огромный возъ по дорогѣ. Тихо было кругомъ и два-три далекихъ крика, два-три далекихъ выстрѣла еще больше давали чувствовать эту тишину.

Передъ Марусею видъ разстился во всѣ стороны широко и далеко. Каждый легчайшій звукъ уловляло ея чуткое ушко: и сама-лѣйшій шорохъ травъ, и шелестъ птичьихъ крылышекъ — и безустанно ея глаза обращались во всѣ стороны и слѣдили за каждою точкою.

Во тѣмъ лѣтняго разсвѣта неясно видно было ея личико, ничѣмъ не выражала она своихъ мыслей, ни чувствъ, но вся фигурка ея на

высотѣ косматого зеленого воза говорала о ея неусыпной бдительности, о ея томительной тревогѣ.

Вдругъ послышался топотъ многоконнаго отряда; справа показалась толпа верховыхъ и неистово неслась прямо къ Марусиному возу.

Нѣсколько дикихъ охрипшихъ голосовъ издали закричали ей: — Стой! стой!

Она остановила возъ.

Мгновенно ее окружили и грубые вопросы на чуждомъ ей нарѣчїи посыпались со всехъ сторонъ:

— Куда?... Откуда?... Чья ты?...

— Изъ хуторка, отвѣчала Маруся. — Данила Чабана дочка. Везу сѣно въ хуторъ Гоны, къ пану Кнышу.

Успокоенные всадники раздались немного и сильный голосъ сказалъ съ досадою:

— Вѣдь я-же говорилъ вамъ, что фальшивая тревога, а вы полоштесь какъ степная птица! Ну гдѣ-жъ ваши польскіе шпіоны?

— Да вѣдь никакой бѣды не стало оттого, что мы проскакали полверсты въ сторону? возразилъ на это другой голосъ, ясно принадлежавшій молодому, подвижному и безпечному человѣку.

— Когда въ головѣ вѣтеръ ходитъ, такъ все не бѣда! съ неудовольствїемъ пророчалъ первый.

Остальное ворчанье заглушилъ свистъ взмахнутой нагайки и топотъ рванувшагося впередъ коня.

— Экъ сердитый какой! промолвилъ второй голосъ съ легкимъ смѣхомъ. — За мной, ребята. Возъ захватите!

Отрядъ двинулся и подъ его прикрытіемъ двинулся Марусинъ возъ.

Куда дѣвочка ни обращала глаза, со всехъ сторонъ она видѣла около себя мрачныя, зловѣщія фигуры, грубыя, суровыя лица; всѣ ѣхали шагомъ и словно предавались отдохновенію, погрузившись въ свои мысли и думы и на время отбросивъ свои сторожскіе наѣздническіе приемы. На иныхъ лицахъ выражалось уныніе, на другихъ забота, или неугомонная отвага, или усталое равнодушіе ко всему на свѣтѣ.

Впереди гарцовали два офицера и, казалось, спорили.

Не слыша ихъ словъ, Маруся угадала веселаго молодаго по его живой, подвижной осанкѣ, по его быстрымъ, словно дразнящимъ, движеньямъ около недовольнаго тучнаго товарища, казавшагося тяжелымъ чугуннымъ слиткомъ, мучительно подавлявшимъ нетерпѣливаго, горячаго коня. Стараясь не проронить ни одной фразы, которыми изрѣдка перебрасывались между собою въ отрядѣ, Маруся старалась тоже угадать, о чемъ спорять впереди гарцующіе начальники — не объ ея-ли возѣ? Или они забыли о немъ? И что будетъ дальше? И какъ встрѣтитъ ее панъ Кнышъ? И доѣдетъ-ли она до пана Кныша? И удастся-ли добраться *ему* до Чигирина?..

Тихо раскачиваясь и разваливаясь, подвигался возъ. Послѣднія ночныя тѣни уже готовы были исчезнуть; предразсвѣтная трезвая, проникающая свѣжесть уже чувствовалась; важные волны выступали теперь бодрѣе, муштрованыя лошади, не измѣняя привычнаго военнаго шага, жались ближе къ возу и, вытягивая головы, съ наслажденьемъ выдергивали изъ воза клоки пахучаго сѣна.

Вдругъ что-то заставило Марусю невольно обратить устремленные въ даль глаза налево — и она встрѣтила испытующій, пронизательный взглядъ другихъ сверкающихъ глазъ, — взглядъ, слѣдящій за нею со вниманіемъ и сомнѣніемъ.

Около самаго воза, касаясь его, ѣхалъ пожилой всадникъ. Глаза дѣвочки, привыкшіе къ полутьмѣ, хорошо различили каждую рѣзкую черту его живого, смышленнаго лица. Онъ пристально глядѣлъ на нее и безъ словъ понятно говорилъ его взглядъ: странна однако эта маленькая дѣвочка! Чуденъ и тотъ, кто выбралъ возницею эту хрупкую игрушку; — возницею среди ночи, въ смутныя, ненадежныя военныя времена!

— У тебя, дѣвочка, родной отецъ — мать или нѣтъ? спросилъ онъ внезапно у Маруси, и, видя, что она не понимаетъ его словъ, ломанымъ украинскимъ языкомъ перевелъ ей свой вопросъ.

— Родной отецъ и родная мать, отвѣчала Маруся.

Его взглядъ впился въ нее еще съ большимъ сомнѣніемъ и сдѣлался еще пытливѣе и пронизательнѣе.

Марусѣ показалось, что какой-то ледяной покровъ обвилъ всея члены и холодъ проникъ ей до самаго сердца. Степь перевернулась у нея въ глазахъ, словно небо въ бурливыхъ водахъ, и голова закружилась, но она помнила наказъ сѣчевига и, желая быть *какъ онъ*, вымолвила ровнымъ, хотя потерявшимъ все живыя нотки, голоскомъ:

— А у васъ живы отецъ-мать?... Много у васъ родичей?.. Есть у васъ дѣти? Дочки или сыновья у васъ?..

Тихій-ли сдержанный голосокъ, или простой вопросъ разбудилъ заглушенныя радости и сердечныя печали, только сильно онъ проснулись и испытующее, наблюдающее лицо, исполнившее Марусю томительною тревогою, сдѣлалось какимъ-то игрищемъ, то омрачавшихъ его тѣней, то освѣщавшихъ его проблесковъ: воспоминанья, образы, сожалѣнья, опасенья, надежды—казалось душили сильного человѣка, подступая живыми терзающими приливами. Странно смотрѣли теперь на Марусю эти подозрительные, прежде испытующіе глаза, будто ища въ ея образѣ какого-то другого, далекаго образа, заставлявшаго, можетъ, когда-то улыбаться теперь дрожавшія губы.

— Да, у меня есть дочка,—проговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Большая? спросила Маруся.

Онъ усмѣхнулся. Должно быть передъ его духовными глазами пронеслась очень маленькая, непрочная, хрупкая фигурка—судя по его нѣсколько грустной, нѣсколько томительной улыбкѣ.

— Съ тебя, коли еще не меньше,—отвѣтилъ онъ и очень задумался.

Впереди гарцовавшіе офицеры все спорили; одному не надоѣдало подзадоривать, другому не опостылѣло ворчать,—казалось, каждый поставлялъ въ томъ свою забаву среди незанятой, дикой, скучной жизни.

Вдругъ въ заднихъ рядахъ отряда кто-то въ полголоса запѣлъ: «вспомни, вспомни, моя любезная, нашу прежнюю любовь!» — и Маруся, у которой каждый звукъ заропялъ вереницы видѣній о Чигиринѣ, о панѣ гетманѣ, о немъ, вся содрогнулась при звукахъ

глухого, мощнаго голоса пожилаго всадника, ея допрощика, тихо про себя подхватившаго запѣтую пѣсню. Пѣнье скоро перешло у него въ какой-то страстный, горькій шопоть, между тѣмъ какъ запѣвало, видимо увлекаясь, разливался все громче и такими волнами грусти и безпечности, сожалѣнія и удалства, что мучительно задиралъ за живое. То тотъ, то другой голосъ подхватывалъ пѣсню, — наконецъ всѣ голоса дружно подхватили и слились въ одинъ гулъ, перекатами разносившійся по степи.

Когда пѣсня стихла, вдругъ замѣтили, что разсвѣло, точно разсвѣтъ выступалъ изъ-за внезапно распахнутой двери, а не разгорался мало-по-малу. Не вдалькѣ отъ дороги видно было тихое, небольшое озеро, накинутае точно дымчатою пеленою, утреннимъ туманомъ, — отъ озера вправо вилась мягкая черная дорога къ хутору, надъ которымъ стояла тонкая прямая струйка дыма.

Это виднѣлся хуторъ пана Кныша.

Жутко было въ полутьмѣ теплой ночи, въ полутьмѣ утренняго разсвѣта, но при засіявшемъ блескѣ благодатнаго утра еще стало жутче. Веселое великолѣпие природы какъ-то чудно дѣйствовало на душу, то растравляя ее, то смиряя, то исполняя какимъ-то двухстороннимъ чувствомъ — страха и надежды, которые схватывались и боролись, не одолевая другъ-друга, какъ борются между собою равно сильные и не сливающиеся огонь и вода.

Маруся искрала глазами пожилаго всадника, который отъѣхалъ отъ нея и замѣшался въ толпу другихъ, и ея глаза скоро отыскали его и встрѣтились съ его глазами. Въ его взглядѣ не было уже ни пытливости, ни пронзительной наблюдательности, — какая-то нерѣшительность, какое-то недоумѣние и опасеніе разлились по всѣмъ чертамъ его рѣзкаго, хищнаго лица и странно его смягчали.

— Господи ты Боже мой! экая мелкота! сказалъ одинъ изъ отряда, увидавъ Марусю при свѣтѣ утра. И ѣдетъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало: ни пороху, ни пули не боится!

— Да этакую малость ни одна пуля, надо полагать, не возьметъ, возразилъ другой. Все одно что маковое зерно!

— У нихъ и дѣвчонки не боязливы, — это уже такой народъ, вмѣшался третій. Я, скажу вамъ, видалъ, что во время самой

свалки—кровь хлещетъ, земля дрожить, и рубать и мрутъ, а она себѣ ходитъ пожежду да подбираетъ своихъ, словно по саду ягоды,—ей-богу!

— Да и пропадаетъ-же ихъ сколько! сказалъ еще присидившійся собесѣдникъ.

— Да всё мы пропадемъ такъ или иначе, отвѣтилъ кто-то съ боку. Въ томъ только и дѣло, чтобы пропасть самымъ лучшимъ манеромъ! Вотъ что!

Издавекъ пронеслось нѣсколько выстрѣловъ и ихъ звукъ, словно волшебствомъ, въ одно мгновеніе спугнулъ всё иныя мысли, всё прочія чувства: овладѣвшее было раздумье, начатое разсужденье, полувыраженное мнѣніе, не высказанное возраженье — все это прервалось, какъ перехваченная острыми ножницами нитка, и весь отрядъ вдругъ превратился какъ бы въ одно существо, чутко насторожившее слухъ и готовое къ отпору.

Офицеры тоже пріостановили своихъ лошадей и перестали спорить и дразнить другъ-друга.

Выстрѣлы раздались снова.

— Это съ нашей стороны! Нѣтъ сомнѣнья, это съ нашей стороны! вскрикнулъ молодой офицеръ.

— Маршъ-маршъ! На выручку! Это наши дерутся! Гей, Иванъ! доставь возъ до хутора и распорядись... Впередь!

Маруся еще не успѣла сообразить хорошенько въ чемъ дѣло, какъ уже отрядъ ускакалъ вихремъ и скоро исчезли изъ виду всё, кромѣ Ивана, которому отданъ былъ приказъ «доставить возъ и распорядиться». Словно дикія птицы, безъ оглядки есъ они свялись и улетѣли, только пожилой солдатъ, говорившій съ нею, обернулся и еще разъ глянулъ на нее.

— Трогай, трогай, каплюха! проговорилъ Иванъ, разкуривая коротенькую трубочку.

Маруся поглядѣла на Ивана. Онъ ей представился чѣмъ-то въ родѣ ежа.

— Трогай! трогай! повторилъ онъ суровѣе.

Возъ подвигался понемногу впередъ къ Кнышову хутору; замелькали засѣянные, но мѣстами жестоко вытоптанные, выбитыя

поля; выстрѣлы долетали все чаще и чаще и, незамѣтно поднимаясь на отлогую могилу, черезъ которую вилась вдаль дорога, Маруся завидѣла какіе-то палатки и шатры, надъ которыми вились клубы чернаго дыма и вырывались время отъ время огненные языки краснаго пламени. Иногда, по звонкому утреннему воздуху, слабо доносились людскіе крики и стоны, чуть явственное жалобное мычанье домашнихъ животныхъ, и дѣтскій плачь, и смѣшанный крикъ машинныхъ птицъ, и трескъ падающихъ развалинъ жилищъ.

Поднявшись на самую вершину *могилы*, Маруся, какъ на ладони, увидѣла вдали мѣсто самой битвы. Она увидѣла пылающую деревню, двѣ дѣтскія фигурки, бѣжавшія, схватившись руками, въ испугѣ и ужасѣ, сами не зная куда, различила нѣсколько неподвиж-распростертыхъ по степи женскихъ фигуръ; на ея глазахъ падали люди со стономъ, мчались испуганные лошади безъ сѣдоковъ, рѣдѣли свирѣпыя отряды, устилалась земля трупами и ранеными, трава, смачиваясь теплой кровью темнѣла. Небо принимало какой-то зловѣщій богровый оттѣнокъ. Пороховой дымъ ходилъ волнами.

А прямо передъ нею зеленѣлъ и благоухалъ хуторокъ на на Бныша и возъ тихо къ нему подвигался все ближе да ближе. Въ чащахъ густаго сада уже обозначились разнородныя деревья и кустарники съ своими узорчатыми листьями и цвѣтами; въ открытыя ворота она распознала темножелтыхъ, пестрыхъ куръ, расхаживающихъ по широкому двору, заросшему мягкой бархатистою муравою и преисполненному всевозможныхъ хозяйственныхъ орудій и снарядовъ; у воротъ сидѣла громадная, косматая черная собака; она уже завидѣла подъѣзжающій возъ и ждала его хладнокровно и бдительно, какъ особа, вдоволь уже повидавшая въ жизни и давно взявшая себѣ за правило не спѣшить съ выраженіями своихъ чувствъ.

IX.

Только что возъ остановился у воротъ, какъ передъ Марусею очутился орленкообразный мальчикъ лѣтъ пяти, румяный и мощный. Будь онъ вправду степнымъ орленкомъ, онъ и тогда не могъ бы ни быстрѣе налетѣть, ни устремить на Марусю смѣлѣе взгляда, ни мгновеннѣе обозрѣть и ее, и возъ, и воловъ.

— Дома панъ Кнышъ, хлопчикъ? спросила Маруся.

— А вы приѣхали къ дѣду въ гости? спросилъ хлопчикъ вмѣсто отвѣта.

— Къ дѣду, — дома дѣдъ?

— Дома,

— Гдѣ-жь онъ?

— Онъ въ саду, — а можетъ въ хатѣ, — а можетъ на толокѣ.

— Покличь дѣда, хлопчикъ.

Но дѣдъ уже подходилъ къ воротамъ.

Нѣсколько сторбленный, простодушный старичекъ въ сельской полотняной одеждѣ, — въ рубашкѣ и въ широкихъ шароварахъ, въ соломенной шляпѣ.

Онъ тотчасъ же узналъ Марусю и нисколько не показалъ удивленія при ея видѣ, словно ея ждалъ, словно такое посѣщеніе было самымъ пустымъ и обычнымъ дѣломъ.

— А, дивчина малая! сказалъ онъ, все-ли здорова, все-ли весела? Милости просимъ въ хату, а коли въ хатѣ соскучишься, то вотъ Тарасъ знаетъ, гдѣ водится земляника и гдѣ спѣетъ ма-

лина. Можно тоже развлечься пампушками или маковниками. Также имѣются пироги въ запасѣ,—такіе пироги, что утѣшать голодную душу.

Иванъ услышалъ слова маковники, пироги.

— У тебя кажется домъ не безъ запасовъ? промолвилъ онъ суровымъ голосомъ, но въ которомъ уже звучала нотка, смягченная представившимися видѣніями пироговъ и другихъ яствъ.

— Благодарю моего Создателя! отвѣчалъ хозяинъ; милости прошу, пожалуйте въ хату!

Что это за радушный, что это за простосердечный, что это за безхитростный, казалось, былъ хозяинъ панъ Кнышъ!

— Пожалуйте, дорогой гость... не ждалъ, а Богъ и послалъ... и послалъ!... Вотъ неожиданный, да за то дорогой гость... Пожалуйте, пожалуйте...

«Нежданный, но дорогой гость», усталый и голодный, отложилъ всѣ разговоры и объясненія и пошелъ за хозяиномъ, расправляя измученные члены, позѣвывая, почесываясь, однимъ словомъ, пользуясь рѣдкимъ случаемъ понѣжиться тѣломъ и духомъ, рѣшивъ бесомѣнно, что хозяинъ простакъ и добрякъ, и только заботясь о томъ, что это за пироги у него, что за яства и за питія.

Маруся въѣхала во дворъ и тоже пошла за ними, а за Марусею Тарасъ.

— Панъ Кнышъ! сказала Маруся, — что за чудныя зеленыя у васъ! Хоть и неспѣлыми ихъ пожать, то все хорошо!

— Слава Богу, дивчинка, слава Богу! нынѣшній годъ все хорошо уродило! отвѣчалъ панъ Кнышъ не обертываясь.

И хоть-бы сколько-нибудь дрогнулъ у него голодъ, или повысился или понизился,—хоть-бы сколько-нибудь встрепенулась его фигура, ускорился или замедлился мелкій, спѣшный шагъ,—хоть бы крошку измѣнился въ чемъ-нибудь его видъ домовитаго хозяина немножко тщеславнаго своими пирогами, съ тайнымъ торжествомъ слѣдующаго угостить и напередъ уже лукаво усмѣхающагося при видѣ пріятнаго изумленія гостя на первомъ кускѣ

его яствъ, которыя, казалось, ставилъ онъ выше всего на свѣтѣ.

— Что же это? онъ не понялъ?

У Маруси страшно заняло сердце — она не знала, что думать и какъ быть, и рѣшила опять тоже: *быть какъ онъ*.

Поэтому она больше ничего не сказала и вошла въ хату.

Это была просторная, прохладная, снѣжнобѣлая хата, съ широкими лавками, со столомъ подъ бѣлою скатертью, съ глинянымъ поломъ. На стѣнахъ мѣстами висѣли пучки полуувядшихъ душистыхъ степныхъ травъ; въ углу, за образами, подъ бѣлымъ рушникомъ, тоже висѣли травы и мѣшались съ сухими прошлогодними цвѣтами; со свяченою вербою и *зеленосвятковымъ зильемъ* *).

Хозяинъ просилъ садиться и, повидимому, единственно погруженный въ заботы угощенія, единственно поглощенный тщеславнымъ желаніемъ не ударить лицомъ въ грязь и показать свое хозяйство въ лучшемъ видѣ, суетился, собирая на столъ, бѣгалъ въ погребъ, рылся въ коморѣ, гремѣлъ посудю, ронялъ ложки, переливалъ какія-то бутылки, лазилъ подъ крышу за копченою колбасою, и всѣми этими усердными хлопотами держалъ въ постоянномъ ожиданіи голоднаго гостя и обращалъ все его помыслы только на эти хлопоты и ихъ лакомыя послѣдствія, внушая ему признательность, смѣшанную съ досадою и нетерпѣніемъ, которыя однако, не пересиливали ее.

— Да ты, хозяинъ, ужь такъ не падай для меня! говорилъ время отъ времени гость.

— Нельзя... нельзя... позвольте... позвольте, панъ... какъ зовутъ васъ, добродію? отвѣчалъ усердный хозяинъ.

— Да мена зовутъ Иваномъ, отвѣчалъ тотъ со вздохомъ и смираясь.

— Ужь позвольте, пане Иване, угостить васъ чѣмъ Богъ послалъ. Ужь позвольте.

*) Букеты и вѣнки, которыя святятся на *зеленія святки* т. е. на Троицынъ день.

— Мы люди военные, мы не слагоѣжки вѣдь, — намъ лишь-бы сытъ — и довольно! въ свою пользу старался внушить панъ Ивапъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ вы позвольте! отвѣчалъ хозяинъ.

Маруся сидѣла на лавкѣ, стараясь быть *какъ онъ*, на видъ спокойная и тихая, но такіе приливы и отливы надеждъ и страховъ она испытывала, что никто того рассказать словами не сможетъ, да и рѣдко кто сможетъ себѣ вообразить.

Тарасъ, вволю наглядѣвшись изъ угла на гостей, смотрѣлъ въ окно и считалъ явственно долетавшіе до хутора выстрѣлы.

Накопецъ завтракъ былъ окончательно собранъ; панъ Ивапъ, послѣ долгаго ожиданія, накинулся на него съ нѣкоторымъ враждебнымъ чувствомъ и съ суровымъ видомъ воина, не цѣнящаго наслажденій вкуса; но скоро, очень скоро онъ какъ-то весь смягчился, — даже проникся нѣкоторымъ умиленіемъ, а послѣ нѣсколькихъ чарокъ разныхъ наливокъ глаза у него посоловѣли и начала блуждать неопредѣленная улыбка на устахъ.

Хозяинъ время отъ времени припоминалъ о какой-нибудь новой, хранившейся у него сласти, и то ходилъ въ погребъ, то лезилъ подъ крышу, спрашивая напередъ позволенья у пана Ивана.

А панъ Ивапъ уже не возражалъ, а только кивалъ ему головою въ знакъ того, что ему это кажется хорошо и что онъ на все согласенъ.

— А ты что, Тарасъ, галокъ считаешь? сказалъ хозяинъ внучку: пошелъ-бы ты да сѣна далъ воламъ. — Это у меня такой работникъ, что лучшаго и не надо, даромъ что еще не до неба доросъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ пану Ивану.

На это панъ Ивапъ хотѣлъ отвѣчать что-то серьезное, но серьезнаго не отвѣтилъ, а только слабо и неопредѣленно улыбнулся.

Тарасъ сейчасъ-же прыгнулъ съ лавки и пошелъ къ дверямъ.

Маруся не смогла выдержать муки, тоже встала и сказала:

— И я пойду съ Тарасомъ.

— Иди, иди, малая, отвѣтилъ ей хозяинъ, и когда она про-

ходила мимо его, онъ погладилъ ее по головкѣ—только погладилъ по головкѣ и словно какимъ волшебствомъ возвратилъ ей увѣренность и бодрость.

— Хозяинъ! вдругъ сказалъ панъ Иванъ, отчаяннымъ уси-
ліемъ собирая мысли и уясняя дѣло, сѣно наше... взято сѣно въ
плѣнъ... давай выкупъ... большой выкупъ давай... это хорошо...
очень хорошо...

— Ваша воля, панъ Иванъ, отвѣчалъ хозяинъ. Хоть сѣно,
хоть выкупъ берите,—ваша воля.

— Ну это хорошо, отвѣчалъ панъ Иванъ.—Это... это хорошо...

Х.

Вышедъ во дворъ, Маруся увидала свой возъ на прежнемъ
мѣстѣ; Тарасъ таскалъ изъ него охапками сѣно и подкладывалъ
воламъ, а волы важно, съ достоинствомъ принимали должное
угощеніе.

Съ тайнымъ трепетомъ ходила Маруся около воза, стараясь
угадать то, что ее мучило.

Долго она такъ кружила, какъ раненная птичка надъ завален-
нымъ гнѣздомъ; Тарасъ, сдѣлавъ порученное ему дѣло, заговари-
валъ съ нею о томъ и о другомъ, но она отвѣчала ему кратко,—
все ея существо было поглощено заботою, тревогою и упованіемъ,

Сообразивъ что это круженье около воза можетъ навлечь подо-
зрѣнне, она удалилась отъ него и стала бродить по широкому
двору; она заглянула въ густой садъ, посмотрѣла вдаль на поле.

— Что дѣлать? Что будетъ? думала она.

Вдругъ, проходя мимо груды камней, наваленной во дворѣ, она
услыхала голосъ, явственно промолвившій:

— Спасибо, Маруся малая! Не бойся ничего, — все благо-
получно!

Она въ тоже мгновеніе узнала этотъ голосъ и, пораженная радостію какъ стрѣлою, вдругъ восхищенная и обезсиленная внезапно отлетѣвшими муками и тревогами, зашаталась, чуть не упала, и сѣла на землю, не имѣя силъ ступить дальше шагу.

Понемногу она пришла въ себя и внимательно разглядѣла мѣсто: груда камней, у которой она сидѣла, видно была навалена здѣсь очень давно, когда строился погребъ, каменною отдушиною выходящей во дворъ, и камни, оставшіеся отъ постройки, съ той поры очевидно не трогались, потому что они проросли травой и крапивою по всѣмъ извивчивымъ направленіямъ.

— Не ослышалась-ли я? подумала Маруся, вся замирая отъ томленія.

Но голосъ, выходя изъ подъ земли, прозвучалъ снова:

— Вѣрная моя дѣвочка! развесели свое сердечко! Переплыли мы самую быстро, — на берегу, Богъ дастъ, не потонемъ!

Маруся долго оставалась недвижима, все еще прислушиваясь. По *его* слову, какъ по волшебному велѣнью, сердце ея исполнилось живою радостію, и потому на лицѣ заигралъ такой яркій, счастливый румянецъ, очи такъ засіяли и засвѣтились, что Тарасъ, гарцовавшій по дѣдовому двору, то въ гордомъ видѣ гетманскаго коня, то въ грозномъ видѣ самого гетмана, то въ личинѣ храбрыхъ казацкихъ вождей и полковниковъ, то, наконецъ, разгоряченный представляемыми имъ прекрасными и славными ролями, необузданно предаваясь прыжкамъ и скачкамъ въ собственномъ своемъ видѣ, очутившись передъ чужой дѣвочкой пораженъ былъ преобразившею ее переменною, остановился передъ нею въ нѣкоторомъ недоумѣніи и устремилъ на нее свои орлиные взгляды.

— Что ей дѣдъ далъ? подумалъ онъ. Что?

Передъ нимъ замелькали и заносились какія-то неясныя видѣнья смачныхъ маковниковъ въ меду, сластенъ, пряничныхъ коней, каленыхъ орѣховъ и прочихъ благъ. И чѣмъ больше глядѣлъ онъ на чужую дѣвочку, тѣмъ видѣнья эти становились фантастичнѣе, заманчивѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе раздражали и волновали его. Недоумѣвающий, чающій, онъ стоялъ и глядѣлъ, болѣе чѣмъ когда либо подобный хищному орленку, расправившему

крылья, наострившему клювъ, зорко оглядывающему окомъ, въ какую сторону летѣть на добычу.

Онъ весь вздрогнулъ, когда Маруся заговорила:

— А что, хлопчику, пойдѣмъ можетъ мы съ тобою въ садокъ?

— Идемъ, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ, какъ человѣкъ, который еще не увѣренъ, выиграетъ ли онъ отъ этого или проиграетъ. — А что дѣдъ далъ?

— Кому? спросила Маруся.

— Тебѣ?

— Ничего.

— Такъ пообѣщаль? Что пообѣщаль?

— Ничего.

Тарасъ поглядѣлъ на гостью пристально и недовѣрчиво.

— Чего жъ такъ рада? спросилъ онъ.

— Я?

Она хотѣла было сказать: «я не рада», но не могла и сказала только:

— Пойдемъ въ садокъ.

И они пошли въ садокъ, и гуляли тамъ, и рвали ягоды, и разсуждали о разныхъ разностяхъ.

Хлопецъ Тарасъ разсуждать былъ охотникъ; особенно разсуждать о томъ, какъ-бы онъ то или другое устроилъ на мѣстѣ пана гетмана, и ужъ конечно не счесть никому, будь онъ хотя и звѣздочетъ, сколько на словахъ перекрутилъ онъ разнородной *невѣры*, сколько городовъ обезпечилъ, сколько селъ и деревень обогатилъ. Рѣчи хлопча Тараса были заманчивы въ этомъ случаѣ какъ медъ, — впрочемъ, глядя на него, можно было увѣренно положить, что и дѣла его не будутъ полынью.

Я не знаю, много-ли есть на свѣтѣ вещей лучше прогулки по душистому, свѣжо благоухающему, густому саду, когда сердце играетъ и все ваше существо, послѣ жгучаго ожиданья и томительнаго сомнѣнья, точно смѣется! Дай Богъ погулять такъ всякому доброму челобѣку хоть одинъ разъ въ жизни!

Такъ гуляла Маруся, слѣдя за Тарасомъ по всѣмъ угламъ и закоулкамъ сада, и толкуя съ нимъ о томъ и о семъ.

А Тарасъ, вода гостью по саду, угощая ее ягодами и занимая разговорами, все-таки время отъ времени взглядывалъ на нее съ сомнѣніемъ и никакъ не могъ отогнать отъ себя тѣхъ неясныхъ, заманчивыхъ видѣній таинственныхъ маковниковъ, бубликовъ, сластенъ и всякихъ другихъ смаковъ, гдѣ-то близко сущихъ и являвшихся передъ нимъ всякій разъ, какъ только обращалось къ нему сіяющее личико гостыи.

XI.

А солнце между тѣмъ высоко взошло, и сіяло, и играло такъ, что нигдѣ почти тѣни не было, а если гдѣ и отъискивалась, то все-таки ее какъ-нибудь да пронизывалъ, какъ-нибудь да пересѣкалъ, какъ-нибудь да задѣвалъ солнечный лучъ. Его теплый и яркій свѣтъ наискось палъ въ хатнее окно, подъ которымъ уснулъ насыщенный панъ Иванъ, и, должно полагать, своею мягкостію и теплотою разбудилъ его, непривыкшаго, или давно уже отвыкшаго отъ всякой мягкости и теплоты на бѣломъ свѣтѣ.

Панъ Иванъ хотя проснулся, но нѣкоторое время не открывалъ глазъ, а только вздыхалъ и какъ то жалобно усмѣхался. Эта усмѣшка точно хотѣла сказать: вѣдь я знаю, что всей теперешней нѣги и слѣдъ простынетъ, какъ только я открою глаза,—вѣдь я знаю это и понимаю!

Но вдругъ онъ вскочилъ, какъ обожженный, лицо приняло обычное равнодушно-суровое и даже нѣсколько враждебное выражение и, проворно оправляясь и собираясь, онъ недоброжелательно оглядывалъ бѣлыя стѣны, по которымъ играли солнечные веселые лучи.

Никого не было въ хатѣ; онъ крикнулъ громко и отрывисто:

— Эй, хозяйинъ!

Зыченъ былъ голосъ у пана Ивана и раскатился по двору во всѣ концы. Маруся и Тарасъ бросились къ хатѣ и, притаившись за цвѣтущими кустами сирени и калины, ожидали что будетъ.

Все тихо было кругомъ и ничего не было слышно, кромѣ шума и движенья лѣтняго погожаго дня.

Панъ Иванъ крикнулъ снова, громче и отрывистѣе прежняго:

— Эй, хозяинъ! Али уши заложило?

И совсѣмъ прибравшись въ дорогу, въ шапкѣ и прилаживая половче пику, панъ Иванъ толкнулъ хатнюю дверь каблукомъ сапога, распахнулъ ее настежь и приостановился, не зная куда лучше идти: сѣни были сквозныя и съ обѣихъ сторонъ по муравѣ разбѣгались тропинки, и тамъ и сямъ стояли разные сельскіе снаряды. Съ третьей стороны полуотворена была дверь въ свѣтлицу.

Но уже слышался привѣтливый голосъ хозяина въ отвѣтъ на зовъ, голосъ прерываемый легкимъ, вовсе не неприятнымъ кашлемъ и быстрою спѣшною походкою.

— Иду, пане Иване, иду! привѣтливо и радушно звучало издали.

Но панъ Иванъ никакъ не могъ уловить, откуда голосъ приближался и, понапрасну повертѣвъ шею туда и сюда, нетерпѣливо двинулся въ какую дверь попало—и лицомъ къ лицу сошелся съ ласковымъ и запыхавшимся хозяиномъ.

— Хорошо-ли отдохнули, пане Иване? спросилъ хозяинъ, участливо и простодушно глядя въ недовольные глаза гостя. Не кусали мухи?

— Чортъ съ ними, хоть-бы и кусали! отвѣчалъ панъ Иванъ, чувствовавшій себя что-то неладно послѣ отдыха и сна.

— Конечно прахъ имъ, пане Иване, конечно,—отвѣчалъ хозяинъ, охотно присоединяясь къ выраженному мнѣнію гостя, и между тѣмъ какъ гость на минуту призадумался, сурово и раздражительно покручивая усы, онъ тоже, подумавъ съ минутку, прибавилъ:

— Однако, скажу вамъ, часомъ въ самый-этакъ смакъ любого сна, обидно бываетъ доброму человѣку отъ этой дряни...

— Отъ какой? спросилъ панъ Иванъ, выходя изъ задумчивости.

— А отъ мухъ-то, добродію. Подумаешь, что добрый человекъ имъ слаще меду иной разъ...

— Голова болитъ, перервалъ сурово панъ Иванъ словоохотливаго хозяина. Ты лучше чарку водки поднеси, чѣмъ попусту валякаться...

— Пожалуйте, пожалуйста, пане Иване, подхватилъ хозяинъ, заторопившись съ такимъ довольствомъ, словно ему село съ угодами подарили.

И мелкимъ радостнымъ шажкомъ онъ пробѣжалъ впередъ пана Ивана въ хату, а панъ Иванъ вступилъ за нимъ слѣдомъ, сохраняя все тотъ-же суровый и раздраженный видъ, но уже поглаживая и расправляя щетинистые усы.

— Садитесь, пане Иване, а я сейчасъ чарочку наполню, говорилъ хозяинъ, суетясь по хатѣ.

— Некогда садиться, — отвѣчалъ, не смягчаясь, панъ Иванъ, — давай скорѣе, я такъ, на ходу, хлебу. Да деньги у тебя готовы? Мнѣ мѣшкать не приходится...

— Жалко, страхъ какъ жалко, что такой вамъ спѣхъ, пане Иване, — промолвилъ хозяинъ. Такую горѣлку пить-бы, да смаковать, — скажу неместно...

— А деньги готовы? — спросилъ панъ Иванъ.

— Готовы, пане Иване, хоть и тяжеленько нашему брату...

Тутъ хозяинъ вздохнулъ и меланхолически поглядѣлъ на вынутый изъ кармана кошель, а потомъ на пана Ивана.

— Толковать объ этомъ нечего, — возразилъ панъ Иванъ, успѣвшій проглотить огромную чарку водки, словно ягодку.

Хозяинъ покорился съ новымъ вздохомъ и больше не толковалъ, молча вынулъ гроши гривны и сталъ ихъ на всѣ стороны обертывать, разглядывать, а потомъ принялся шопотомъ считать.

— Ты до трехъ-то сочтешь или не сила твоя? — спросилъ панъ Иванъ, но не очень сердито, потому что, спрашивая, наливалъ вторую чарку горѣлки, а спросилъ больше насмѣшливо, даже игриво. Ты какъ считаешь-то?

— А я все *копами* считаю, пане Иване, — отвѣчалъ хозяинъ, — пять, шесть... нѣтъ лучше счета какъ *копами*... семь, восемь... батько покойный отроду не ошибался... девять... и ни одинъ

А я все *копами* считаю, пане Иване.

жидъ его не сбиль... одиннадцать... а ужъ извѣстно, что жиды...

— Жиды первые въ свѣтѣ христопродавцы! — разсѣянно перебилъ панъ Иванъ и, наливъ третью чарку, выпилъ ее и нѣкото-

рое время смиренно и безмолвно слушалъ сужденія хозяина о нравахъ жидовъ, перерываемыя счетомъ грошей, устанавливаемыхъ кучками на столѣ.

Но послѣ четвертой чарки вся суровость пана Ивана возвратилась съ лихвою, лобъ насунился, лицо омрачилось. На ласковыя прощанія хозяина онъ ничего не отвѣтилъ, строго пересчиталъ поданныя деньги, засунулъ ихъ въ карманъ нетерпѣливою рукою, вышелъ быстрымъ шагомъ изъ хаты, отвязалъ кормившагося коня, назвавъ его прожорою, сурово приподнялъ шапку на всѣ привѣтствія, нахлопнулъ ее сейчасъ-же почти на самые глаза, пустился вскачь со двора и скоро исчезъ среди широкой степи, ярко зеленѣвшей при играющемъ веселомъ солнце.

XII.

Между тѣмъ какъ орлиныя очи Тараса жадно слѣдили за скакавшимъ вдоль по степи паномъ Иваномъ, Марусины очи, проводивъ всадника со двора, обратилась на хозяина.

Хозяинъ стоялъ у воротъ и, казалось, безъ цѣли и мысли глядѣлъ вслѣдъ скакавшему пану Ивану, наблюдая, подобно Тарасу, его быструю ѣзду, да машинально прислушиваясь къ звуку копытъ по степи. Одною рукою ласкалъ онъ подошедшую собаку, а другою, въ видѣ зонтика, прикрывался отъ лучей солнца, бьющихъ ему въ лицо. Потомъ онъ, словно вдоволь насытившись зрѣлищемъ, медленно и безмятежно повернулъ отъ воротъ къ хатѣ, поглядывая туда-сюда по двору съ тѣмъ пытливымъ видомъ, съ какимъ аккуратный, исправный и бдительный хозяинъ иногда посматриваетъ, выискивая, нѣтъ-ли гдѣ въ его исправномъ и безукоризненномъ хозяйствѣ чего такого, къ чему-бы можно прицѣпиться и на что бы можно обратить свою ретивую хозяйскую дѣятельность.

— Дѣдъ! — крикнулъ Тарасъ, очнувшись наконецъ отъ упорнаго

созерцанія давно исчезнуvшаго всадника. — Гдѣ вражеское войско стоитъ? Я думалъ въ Великой Ярузи, ажъ...

— А, дѣтки, вы тутъ въ садку гуляете?—ласково промолвилъ панъ Кнышь, останавливаясь на ходу и кивая головою. — Коли нагулялись, то берите дорогу до хаты, да—«нехай хлѣбъ святыи не даромъ родить!»

И онъ, усмѣхаясь, пошелъ къ хатѣ, а они за нимъ.

Въ мгновеніе была принята прочь фляжка и чарка, служившія пану Ивану, — на столѣ появились вареники и коржи, и рѣзкій запахъ горѣлки замѣнился запахомъ свѣжей сметаны.

Тарасъ, хотя озабоченный тѣмъ, гдѣ теперь расположилось вражеское войско, при заботѣ этой нехуже другого кого уписывалъ вареники, — уписывалъ такъ проворно, словно кидалъ за себя, — но Марусѣ не шла ѣда на умъ; и между тѣмъ какъ ея тоненькіе пальчики ломали и крошили коржикъ, ея глаза не отрывались отъ хозяйскаго лица.

— Дѣдъ, а дѣдъ! — снова началъ Тарасъ, — коли онъ поскакалъ къ Кривымъ-Хрестамъ, значить ужъ войско не въ Великой Ярузи стоитъ?

— Надо полагать, хлопчикъ, надо полагать, — отвѣчалъ снисходительно дѣдъ, усердно подставлявшій имъ яства. А вотъ ты напомнилъ мнѣ одно дѣло, Тарасъ: надо-бы провѣдать, что наши верши близъ Великой Ярузи.

— Я совсѣмъ забылъ про нихъ! — вскрикнулъ Тарасъ, вскакивая съ мѣста, словно его кто скинулъ однимъ махомъ.

— Эхъ ты, хозяинъ! — промолвилъ панъ Кнышь, усмѣхаясь.

— Пу, дѣдъ! — сказалъ Тарасъ, — и не знаю какъ это я забылъ!

И онъ стоялъ передъ дѣдомъ въ совершенномъ недоумѣніи, точнѣе ему-то ужъ никакъ не пристало, никакъ не годилось упускать изъ виду подобныхъ вещей въ хозяйствѣ.

— Пойду, скорѣе погляжу! Пойду! — проговорилъ онъ, приходя наконецъ въ себя отъ удивленія и прогоняя смущеніе быстрымъ исполненіемъ рѣшеннаго вопроса.

Онъ выскочилъ изъ хаты, — на минуту раздался его усердный

топотъ, разъ донесся уже издали его голосъ, прикликавшій Рябка— и все стихло.

Маруся осталась наединѣ съ хозяиномъ и теперь хозяинъ стоялъ передъ нею и смотрѣлъ на нее — смотрѣлъ инымъ взглядомъ, отъ котораго у нея сильно-сильно начало биться и трепетать сердце.

На ея глазахъ свершилась мгновенная, точно волшебная перемѣна или точнѣе преображеніе: панъ Кнышъ переродился. Въмѣсто лукаво-простодушнаго, добродушно-озабоченнаго хозяйскаго образа, передъ нею сверкали пронзительныя, проникающія словно острый кинжалъ, очи; всѣ мягкія морщины исчезли, всѣ черты както иначе выяснились—не шутливо и не безмятежно было теперь это лицо — даже ростъ сталъ выше, плечи шире, рамена мощнѣе.

Нѣсколько минутъ Кнышъ глядѣлъ на Марусю, а Маруся на него, словно зачарованная птичка, потомъ онъ сказалъ,—и голосъ у него иной сталъ: дотога звучнѣе и полнѣе, что на прежній походилъ только, какъ походить скрипка съ оборванными струнами на скрипку настроенную и поющую подъ искусною рукою.

— Маруся,—сказалъ онъ,—тутъ недалеко находится одинъ пріятель твой и хочеть съ тобою словца два перемолвить,—можетъ ты-бы послѣшила къ нему?

Понявъ Марусинъ отвѣтъ безъ словъ, которая сильная радость перехватила словно острый ножъ, онъ сдѣлалъ ей знакъ слѣдовать за собою.

Онъ вышелъ изъ хаты во дворъ. Марусины глаза съ радостнымъ недоумѣніемъ остановились на ворохѣ старыхъ камней, около котораго она слышала голосъ, возвратившій ей бодрость и радость—но Кнышъ не сдѣлалъ къ нему и шагу—онъ остановился, зорко поглядѣлъ во всѣ стороны и свистнулъ: сидѣвшій у воротъ Воронъ въ два прыжка очутился подлѣ, сѣлъ на заднія лапы, закинулъ голову, и толково и внимательно глядѣлъ въ глаза хозяина, въ ожиданіи приказаній.

— Нѣтъ чужого близко, Воронъ?—спросилъ Кнышъ.

Воронъ въ отвѣтъ както особенно тихо и выразительно взвизгнулъ будто говоря: охъ, будьте спокойны!—и, какъ бы въ большее доказательство, что можно на этотъ счетъ быть совершенно

безпечными, началъ ловить и глотать мошекъ, пользуясь свободнымъ временемъ, выпадающимъ между серьезныхъ заботъ и важныхъ занятій.

Кнышь снова ввелъ Марусю въ сѣни, но вмѣсто хатнихъ дверей отворилъ двери напротивъ въ комнату, преисполненную запасами всего, что служить на поддержаніе жизни человѣку: едва можно было двигаться между многочисленными мѣшками муки, крупъ, пшена, гороху, маку, бобовъ, — свѣтъ затемняли гирлянды висѣвшаго хмѣлю, колбасъ, сушеныхъ ягодъ, — коши яицъ, готовыхъ раскатиться отъ неосторожно сдѣланнаго шага, заставляли боязливо приостанавливаться, — въ немалую тревогу вводили строи бутылей и флажекъ, пересѣкавшіе путь.

Маруся остановилась при входѣ, выбирая куда лучше ступить, — всюду былъ шагъ опасенъ. Она обратила глаза на Кныша, притворявшаго за собою двери, и вдругъ увидала у самаго порога отверстіе внизъ подъ полъ, и ведущую въ подполье лѣстницу.

— Тихонько спускайся, дивчино, — сказалъ Кнышь. Береги свои ножки!

ХІІІ.

Они начали спускаться внизъ до ненадежной лѣсенкѣ, которая гнулась и трепетала подъ ними какъ живая.

Маруся не замѣтила какимъ образомъ открылось подполье, — и какъ оно закрылось — она замѣтила только потому, что они вдругъ очутились въ темнотѣ.

Чѣмъ ниже они спускались по лѣсенкѣ, тѣмъ воздухъ становился свѣжѣе и сырѣе, какъ бываетъ въ погребахъ, куда не заглядываетъ отроду теплый и ясный лучъ солнца. Время отъ времени она чувствовала прикосновеніе надежной и увѣренной руки, заботливо ее поддерживавшей.

Наконецъ лѣстница окончилась и Маруся очутилась на днѣ глубокаго погреба.

Въ то же мгновеніе проводникъ взялъ ее за руку и повелъ за собою.

Шли они недолго—едва сдѣлали нѣсколько шаговъ въ темнотѣ, какъ широкая полоса дневнаго свѣта ярко пала сверху и освѣтила Марусѣ просторное подземелье, по которому спокойно прогуливался взадъ и впередъ сѣчвикъ, погруженный въ какія-то соображенія, но не устратившій ни крошки своей обычной чуткости и бдительности, и въ ту-же секунду заслышавшій и завидѣвшій посѣтителей.

— А, Маруся милая, порадица вѣрная! — промолвилъ онъ, встрѣчая ихъ съ спокойною улыбкою, словно гостей на мирномъ и пріятномъ праздникѣ.

Онъ не выказалъ волненія, и только на мгновенье, меньшего свѣтящихся очи потонули въ устремленныхъ не него съ радостью и упованіемъ глазахъ дѣвочки.

Но существуетъ какая-то тайная, непонятная сила, выдающая въ иныя минуты жизни, даже глубоко сокровенное біеніе сердца, и панъ Кнышъ отлично угадалъ и понялъ, что маленькая дѣвочка уже стала для запорожца всѣмъ, что красить и освѣжаетъ, что чаруетъ и наполняетъ отрадою и нѣжностію трудную, суровую, одинокую жизнь, исполненную опасностей.

И вмѣстѣ съ тѣмъ какъ онъ угадалъ и порѣшилъ это дѣло, на лицѣ его мелькнуло то особое выраженіе какого-то томленія, какой-то жажды обрѣсти предметъ нѣжности,—какое-то выраженіе горечи, что не встрѣчаютъ его глаза такого предмета куда ни обращаются,—то особое выраженіе промелькнуло, которое рано или поздно промелькаетъ у всякаго, даже самаго сильнаго духомъ, самаго твердаго нравомъ одинокаго человѣка.

— Пройдемте подальше, — сказалъ Кнышъ, — тамъ удобнѣе будетъ присѣсть и потолковать: слышнѣе будетъ въ случаѣ какого неожиданнаго посѣщенія...

Они прошли еще впередъ по подземелью, которое то служивалось, то расширялось. то не пропускало ни искорки свѣта, то

свѣтъ освѣщаль, падая сверху кругами, полосами, звѣздами, треугольниками, и всевозможными фигурами, смотря потому, какую лазейку устроила природа. Иногда этотъ свѣтъ падалъ сквозь трещину, словно сквозь круглое окно, иногда снопомъ лучей проникалъ чрезъ маленькія отдушники, или узкою полоскою дрожалъ на черной земляной стѣнѣ.

Вездѣ, гдѣ только свѣтъ проникалъ, были подмощены лѣсенки и, скрытый въ подземельѣ могъ, по своему желанію, не только наслаждаться свѣтомъ дня, но даже и видѣть, что творится во дворѣ, между тѣмъ какъ самъ оставался невидимъ.

Всѣ помолчали, какъ часто бываетъ, когда за живое задѣнется и сильно повернетъ сердце человѣческое какая мысль или какое чувство.

— А временемъ мы не богаты! проговорилъ Кнышь, обращаясь къ сѣчевику.

— За то не бѣдны вымысломъ, отвѣчалъ сѣчевикъ, — не побираемся ни отвагою, ни здоровьемъ!

— По моему коли въ путь, то въ путь!

— А вже-жъ! выражай меня, пріятель, а я такъ охочъ, какъ поповна замужъ!

— Такъ за дѣло! сказалъ Кнышь.

Онъ отошелъ нѣсколько шаговъ въ бокъ и, тотчасъ-же вернулся съ полною охапкою поношенныхъ убогихъ сельскихъ одеждъ, съ накладною сѣдою бородою, усами и бровями, съ сумою и съ бандурою, точно все это досталъ изъ подъ земли.

— Такъ дивчина пойдетъ съ тобою? сказалъ Кнышь, разбирая принесенную охапку.

— Маруся, пойдешь со мною? спросилъ сѣчевикъ.

— Пойду, отвѣчала Маруся.

— А знаешь куда идти-то дивчина? — спросилъ Кнышь.

— Знаешь куда? повторилъ сѣчевикъ.

— Не знаю. Пойду куда скажешь, — отвѣчала Маруся.

И радостно, и тепло, и бодро было у ней на-сердцѣ при мысли идти.

— Такъ вотъ уборъ дивчинѣ, да пусть и принаряжается, коли думаетъ идти, сказалъ Кнышъ, выбирая изъ оханки убогій дѣвичій уборъ и подавая его Марусѣ, какъ подаетъ изъ яйца букетъ цвѣтовъ искусный отводчикъ глазъ человѣческихъ — фокусникъ.

— Славный бандуристъ изъ тебя выйдетъ, пане пріятелю! говорилъ Кнышъ, глядя какъ сѣчвикъ прибирался въ одежды странствующаго пѣвца. Да и поводырь у тебя будетъ ширый! прибавилъ онъ, перенося взглядъ на Марусю и улыбаясь усердію, съ какимъ она вся предалась переодѣванью, далеко отбрасывая свои красивыя одежды и жадно облакаясь въ ветхія и плохія «дранки».

— Пойдемъ Маруса къ самому пану гетману! сказалъ сѣчвикъ.

Сіяющій взглядъ, отвѣтившій ему, навелъ на него какую-то думу, но не надолго.

— Тѣмъ временемъ, какъ мы прибираемся въ путь, пане пріятелю, сказалъ онъ Кнышу, ты, будь ласковъ, поучи насъ уму-разуму. Расскажи толкомъ, что тутъ у васъ дѣется. Вотъ я уже больше мѣсяца *никаю* помежъ людомъ, а до сего часу ничего не добился ни путнаго, ни вѣрнаго: больше согласія у молодицъ на великомъ торгу, чѣмъ у васъ на славной Украинѣ!

Кнышъ все молча слѣдилъ за переодѣваньемъ, и, какъ чело-вѣкъ больше знакомый съ осмотрительностію, чѣмъ съ откровенностію и отвагою, вмѣсто знаковъ согласія или отрицанія, только время отъ времени слабо проводилъ рукою по струнамъ бандуры, которую держалъ.

— У тебя каковы вѣсти? Ты вѣдь на свободѣ толкуешь, безъ спѣху, а мое дѣло такое, какъ въ догонку цѣловаться... ты, значить, лучше все разумѣешь и разбираешь чѣмъ я, продолжалъ сѣчвикъ,

— Да что! отвѣтилъ Кнышъ, — рошчетъ народъ... *Тогобочному* давно не вѣрять, и *сегобочному* вѣрять перестаетъ... Времена не завидныя. Съ одного боку москали, съ другаго ляхи, съ

третьяго татары, а дома два гетмана другъ на друга *чеснокъ-товчуть*...

— Сказывали, что нашъ подался здоровымъ— правда?

— Боленъ онъ не былъ, а съ лица спалъ, да и не диво: горе только одного рака красить! отвѣчалъ Кнышъ.

— А *томъ*?

— *Томъ*? О *томъ* коли добрые слухи собирать, то исходивши всю Украину вернешься съ пустыми руками, а коли собирать худые, то оглохнуть можно всюду, куда ни приди.

— Кто тамъ около него изъ нашихъ?

— Антонъ еще держится, да и тотъ говоритъ, что уже не въ терпежъ: такимъ еще плюгавцемъ никогда, говоритъ, я не бывалъ. Въ случаѣ чего, помни, что жинка у него добрая.

— Вправду? Та великая пани?

— Да, та великая пани. Бываетъ, что и между крапивою растетъ *кйло* *).

— Она у него откуда?

— Незнаю.

— Коли съ ихъ поля ягода, такъ не вѣрь: будетъ все тотъ самъ звѣрь, только подъ другой приправой. Такъ намъ крѣпко подался?

— Подался.

— Кто тамъ у него въ совѣтчикахъ теперь?

— Никого. Сидитъ одинъ, какъ подстрѣленный орелъ.

— Ему трудно.

— Трудно.

Съчевикъ былъ уже готовъ и принялъ бандуру изъ рукъ Кныша.

Маруся тоже была готова и всѣ вышли изъ подземелья.

Отряды, проѣзжавшіе подъ вечеръ мимо хутора, видѣли почтеннаго бандуриста, сидящаго на заваленкѣ хаты пана Кныша, тихо пере-

*) *Кйло*—ковыль-трава.

бирающаго струны и протяжно поющаго божественныя псалмы, между тѣмъ какъ поводирь его, пользуясь отдыхомъ, спалъ на травѣ, а панъ Кнышъ, склонивъ голову, смиренно и нѣсколько трусливо слушалъ эти божественныя гимны, какъ человѣкъ, смутно чувствующій, что онъ не всегда шествовалъ по стезѣ, указанной въ псалмахъ.

XIV.

Въ сумерки бандуристъ съ своимъ поводыремъ уже были около стана, расположившаго свои походныя палатки не далеко отъ рѣки, на пригоркѣ, среди широкихъ, благоухающихъ свѣжихъ полей.

Вечернія тѣни уже сгущались и только на западѣ свѣтила ярко-алая полоса вечерней зари.

Въ станѣ было очень тихо. Стража, позлащенная вечерними лучами, казалась вылита изъ металла по своей неподвижности и блеску. Нѣсколько фигуръ ходило быстро, суетливо, нѣсколько другихъ медленно бродило; въ одной палаткѣ, не смотря на еще не совсѣмъ погасшій дневной свѣтъ, теплилась уже, сквозь бѣлое полотно, зажженная свѣча; время отъ времени звякало тамъ или сямъ оружіе, раздавался голосъ.

Появленіе бандуриста съ поводыремъ издалика было усмотрѣно и замѣчено, но онъ спокойно приблизился къ самому стану и потому никакого сомнѣнья, ни опасенья не возбудилъ.

Его появленіе многимъ даже доставило видимое удовольствіе; когда онъ заигралъ на бандурѣ и медленно, торжественно запѣлъ божественный псалмъ, всѣ слушали, задумавшись.

Многія головы, перевязанныя окрававленными повязками, поднялись съ очевиднымъ намѣреніемъ кинуть приношеніе къ ногамъ пѣвца, и сознание слабости вырвало у иныхъ восклицаніе досады, у иныхъ грустную усмѣшку,—одинъ сдѣлалъ знакъ проводницѣ подойти ближе, показывая ей издали грошъ.

Дѣвочка однако стояла въ нерѣшимости — бандуристъ ей ничего не говорилъ — вѣроятно потому, что по слабости старческаго зрѣнія не видалъ сдѣланнаго знака.

— Подойди, красная дѣвушка, — проговорилъ раненый, — я тебя не укушу, а грошикъ дамъ!

Другія руки тоже протянулись съ приношеніемъ, другіе голоса тоже звали дѣвочку — и она пошла кругомъ, кланяясь и собирая дрожащею рукою приношенія, встрѣчая ласковые взгляды, выслушивая шутивыя привѣтствія.

Но тутъ бандура такъ зазвучала у бандуриста, что все вниманіе обратила на себя.

Что это была за пѣсня, разобрать было трудно: не то угрожающій гимнъ, не то мучительный стонъ.

Все притихло слушая, поглощенное непонятною силою, — робкая дѣвочка съ опущенною головкой и дрожащею ручкою была забыта. Всѣ увлеклись бандуристомъ.

Въ прозрачномъ тихомъ воздухѣ, въ свѣтозарной мглѣ розоваго вечера гудѣло, дрожало и разливалось:

Ой ты ремезо, ой ты ремезонько,
Да не мости гнѣзда, да по надъ Десною.
Во Десна—Десны що дня прибуває,
Вона твоихъ дітокъ да позатопає *)

Какой-то молодой офицеръ, красивый, какъ картина, самодовольный, удамый, съ военными ухватками и военнымъ выраженіемъ лица, вышелъ изъ палатки.

Онъ вышелъ очевидно отъ скуки, отъ нечего дѣлать, но услышавъ пѣнье бандуриста, приостановился, потомъ пересталъ пускать дымъ колечками, потомъ забылъ курить трубку, потерялъ воинское выраженіе лица и фигуры.

Что-то давнымъ давно заглухшее, что-то давнымъ давно позабытое ему вспомнилось.

*) О, ремезъ не свивай гнѣзда около Десны: вода въ рѣкѣ съ каждымъ днемъ прибываетъ и твои дѣти будутъ затоплены.

Въ инныя минуты странно преображаешься ты, образъ человѣческій!

На лицѣ офицера, всего за нѣсколько секундъ предъ тѣмъ являвшемъ такъ сказать одинъ воинскій парадъ, теперь заиграло совсѣмъ иное.

Даже черты словно стали другія. На гладкомъ отлогомъ лбу собрались можетъ отъ роду тутъ не бывалыя складки, губы, щеголявшія, какъ лучшимъ украшеніемъ, самодовольною и нѣсколько наглою улыбкою, сжались, глаза имѣвшіе только способность глядѣть по военному, чудесно смягчились.

Грозное, зловѣщее пѣнье бандуриста перешло въ другое, до того преисполненное отчаянной безсильной тоски, что одинъ раненый солдатъ проговорилъ:

— Ахъ, жилы изъ меня тянуть!

Зажурилась Украина *),
Що нігде прожити,
Вытоптала орда киньми
Маленькіи дити.
Що мали вытоптала,
Старіи побила,
Молодую челядоньку
У полонъ забрала.

Слушая это незатѣйливое изложеніе фактовъ, офицеръ какъ бы спрашивалъ себя о многомъ такомъ, о чемъ прежде спрашивать не было помышленія.

Можно было навѣрное сказать, что въ этотъ моментъ онъ не крикнулъ бы съ прежнимъ удалствомъ:

— Пли!

Какой-то усатый солдатъ, напоминавшій цвѣтомъ и изьянами израненнаго тѣла какую-то старую, поломанную мѣдную статую грубой работы, могущую олицетворять собой представленіе грубой, свирѣпой жестокости, сначала мрачно, но неподвижно, слушалъ пѣ-

*) Плачетъ Украина, потому что не гдѣ укрыться отъ бѣды. Татарская орда потоптала дѣтей, поизбивала старыхъ, а молодежь забрала въ плѣнь.

ніе, потомъ отошелъ дальше, потомъ скрылся за полатку, легъ на траву, прикрылся шинелью и по его закаленному лицу потекли обильныя теплыя слезы,—слезы не выдавшія себя ни рыданьемъ, ни вздохомъ, совсѣмъ тихія, тише весенняго благодатнаго дожда въ степи.

Вдругъ пѣнье оборвалось, бандура зазвучала быстрѣе, — быстрѣе—быстрѣе и воинскій станъ огласился плясовыми звуками.

Да продала дівчиненька юнку *)

Да купила козакови люльку,

Люльку за юнку купила—

Вона жъ его вѣрно любила.

Да продала дівчиненька душу,

Да купила тютюну папушу,

Папушу за душу купила—

Вона жъ его вѣрно любила!

Раздался съ разныхъ сторонъ хохоть; нѣкоторые принялись подтягивать, качать въ тактъ головою.

— Ай да бандуристь! — слышались восклицанія, — ай да бандура!

Много шутливыхъ пѣсенъ еще пѣлъ бандуристь въ потѣху воиннамъ, и не безъ сожалѣнія они распрощались съ нимъ, не безъ удовольствія приняли его обѣщаніе возвратиться снова и снова ихъ потѣшить.

— Куда идешь?—говорили нѣкоторые.—Ночь вѣдь на дворѣ, а дороги-то, извѣстно, не надежныя...

— Старцу разбой не страшенъ,—отвѣчалъ безпечный бандуристь уходя, — и скоро скрылся съ своею проводницею во мглѣ лѣтняго вечера.

*) Продада дѣвушка душегрѣйку и купила казаку трубку. Не пожалѣла даже душегрѣйки—она его вѣрно любила.

Продада дѣвушка душу и купила казаку пачку табаку. Не пожалѣла и души—она вѣрно любила!

XV.

Уже звѣзды загорѣлись въ небѣ, а сѣчевикъ съ Марусею все шли тихою, безбрежною, задремавшею степью.

Все вокругъ нихъ безмолвствовало и сами они не промолвили слова.

Да и что говорить, когда рука съ рукою идешь на доброе дѣло?

Да, хорошо было такъ идти рука съ рукою по дремавшей стени, среди ночнаго безмолвія, чувствуя только бѣненіе своего переполненнаго сердца!

Они не знали долго-ли шли, и мы не станемъ высчитывать того—часы эти были добрые, значитъ нечего было знать ихъ—сами пролетѣли птицею.

Передъ ними мигающими точками мелькнули во мглѣ огни, а скоро во мглѣ-же очертились и темныя очертанія стѣнъ и зданій.

Угрюмъ и мраченъ былъ видъ этого города, черно рисовавшагося въ ночной темнотѣ, сверкавшаго мелкими огненными точками. Обычнаго торопливаго городского шума не было слышно, обычной вертлявой городской суеты не было замѣтно; со-всѣмъ иная жизнь здѣсь проявлялась: не тѣ были отзвуки шаговъ, не тѣ отклики голосовъ. Какъ въ природѣ видно приближеніе наступающей грозы, такъ въ этомъ городѣ все дышало готовностью къ битвѣ и отпору; чѣмъ это особо выражалось — нельзя опредѣлить точно, но выражалось на всѣмъ: и на убогихъ низкихъ хатахъ среди садиновъ, и на высокой *дзвоницѣ*, и на старыхъ городскихъ стѣнахъ, и на свѣжо-подсыпанныхъ валахъ. Все здѣсь

приняло характеръ рѣшительнаго отпора, хотя соловьи по весеннему заливались и щебетали по садикамъ, и женскія фигуры спокойно проходили по улицамъ.

Сѣчевикъ съ Марусею все шли.

Никто не окликнулъ ихъ, когда они подошли къ городскимъ воротамъ, и они ступили въ городъ безъ помѣхи и затрудненья, но всякая пара глазъ, казалось, замѣтила ихъ и слѣдила за ними бдительно и зорко.

— Эй, братику! — сказалъ сѣчевикъ обращаясь къ молодому

казаку, ждавшему чего то опершись на садовый плетень около хатки съ свѣтившимся окошечкомъ.—Эй, братику! будь ласковъ, покажи старому бандуристу, какъ достигнуть до пана гетмана!

Молодой казакъ приподнял шапку и, указавъ во мглу улицы, усѣянной, словно искорками, отблесками изъ окошечекъ, проговорилъ:

— Минувши эту улицу, направо будетъ гетманская хата.

Они, поблагодаривши казака, минули указанную улицу и угадали, которая направо гетманская хата по болѣе яркому освѣщенію и потому, что двѣ дивчины, проходя мимо, приостановились, заглянули въ окошко и сказали: «панъ гетманъ должно быть не спать».

Въ этомъ окошечкѣ ярко обрисовывалась голова усатаго казака, точно вырѣзанная изъ чернаго камня, склонившаяся на руку въ глубокой думѣ. Прислушавшись, можно было слышать мужскіе шаги по свѣтлицѣ, шаги то медленные, то быстрые,—удивительно-выразительные шаги.

Сѣчевикъ постучался.

Усатый казакъ покинулъ думать, всталъ и отворилъ двери.

Шаги въ свѣтлицѣ прекратились мгновенно и наступила совершенная тишина.

— Пану гетману пріатели поклонъ прислали,—промолвилъ сѣчевикъ, вступая въ хату рука-объ-руку съ Марусею.

То была незатѣйливая свѣтлица,—въ слѣдующую двери были затворены.

— Спасибо за пріятельскую ласку!—отвѣчалъ усатый казакъ равнодушно-привѣтливо, словно подобныя посѣщенія случались сплошь да рядомъ.

— А можно видѣть гетманскія ясныя очи, братику?—спросилъ сѣчевикъ.

Но двери изъ слѣдующей свѣтлицы уже распахнулись, самъ панъ гетманъ стоялъ передъ ними, и вся его фигура спрашивала безъ словъ: откуда гости? каковы вѣсти?

Свѣтъ огня освѣщалъ его не всего, а полосами и искрами, то

сверху, то сбоку, то снизу. Онъ весь являлся въ черныхъ тѣняхъ и въ трепетномъ узорномъ освѣщеніи. Чертъ лица не возможно было хорошо уловить, только очи, пронзительныя и пытливыя, сверкали въ полутемнотѣ, какъ уголья.

— Челомъ бью пану гетману! сказалъ сѣчевикъ, увидя его, и низко поклонился.

Низко поклонилась и Маруся пану гетману.

— Спасибо, отвѣтилъ панъ гетманъ. А какую пѣсню пропоешь намъ, ласковый бандуристъ?

Самый звукъ голоса уже показалъ человѣка, привыкшаго повелѣвать, а не слушать повелѣнья,—человѣка, привыкшаго безъ запинки высказывать свои желанья и мнѣнья, и безъ колебанья и страху ихъ оспаривать и за нихъ стоять.

— Развѣ свою, пане гетмане, потому что не сижу на чужомъ возу и не подтягиваю за хозяйскую ласку.

Панъ гетманъ ничего не отвѣтилъ на это, но никакія слова не передали-бы лучше удивленія, гнѣва и горести, чѣмъ это молчаніе.

— Откуда Богъ несетъ? спросилъ панъ гетманъ.

— Изъ запорожья, отвѣчалъ сѣчевикъ.—Запорожцы приказали низко кланяться вельможному пану гетману.

— Спасибо, промолвилъ гетманъ.—Милости просимъ до моей свѣтлицы.

Сѣчевикъ послѣдовалъ за гетманомъ во вторую свѣтлицу, и Маруся, все еще державшаяся его за руку, вошла тоже въ гетманскій покой.

Убранства въ этомъ покоѣ не было никакого особеннаго: тѣ-же бѣлыя стѣны, тѣ-же липовыя лавки, какъ и въ простой казацкой хатѣ, только много разнаго и дорогаго оружія и по стѣнамъ висѣло, и по угламъ стояло; на столѣ лежалъ бунчукъ и бумаги. Гетманскіе жупаны висѣли на колкахъ и блестѣли шитьемъ. Кровать стояла какою-то неприступною для сна и успокоенья и, столкнутая съ изголовья подушка ярко и несомнѣнно выражала, въ какомъ жару и мугѣ была, приклонявшаяся къ ней ненадолго, голова.

— Прошу садиться, промолвилъ панъ гетманъ.

И самъ сѣлъ, и устремилъ огненные очи на сѣчевика.

Всѣ его члены видимо трепетали, точно онъ сдерживалъ себя и эта узда докучала ему и раздражала его.

— Извини, пане гетмане, отвѣчалъ ему сѣчевикъ:—вотъ видишь, у меня поводыръ маленькій, утомился—ажъ привялъ,—надо бы ему отдохнуть, бѣдняжкѣ...

Панъ гетманъ всталъ и, сдернувъ съ ближайшаго колка великолѣпный жупанъ, кинулъ его сѣчевику. Потомъ глаза его пали на персидскій коверъ, покрывавшій большую скамью,—онъ сдернулъ его однимъ движеніемъ и тоже кинулъ сѣчевику, съ нетерпѣньемъ слѣдя за его заботами о поводырѣ.

Ни одна нянька не перещеголяла-бы сѣчевика въ быстротѣ и ловкости, съ какою онъ постлалъ персидскій коверъ на лавкѣ, искусно устроивъ изголовье безъ подушки,—да и какая-же нянька могла бы бережнѣе и нѣжнѣе приподнять Марусю, и заботливѣе, ласковѣе опустить ее на постель и прикрыть великолѣпнымъ гетманскимъ жупаномъ?

Съ какимъ наслажденіемъ усталые члены коснулись этого ложа, приготовленнаго вѣрною и надежною рукою!

Но спать дѣвочка не могла,—сна у нея совсѣмъ не было. Она даже не дремала,—изъ подъ падавшихъ складокъ гетманскаго жупана очи ея приковывались невольнo и непобѣдимо къ двумъ себе-сѣдникамъ и слѣдили за ихъ малѣйшимъ движеніемъ, ловили самое мимолетное выраженіе ихъ лицъ.

Они сидѣли у стола, другъ противъ друга теперь, и свѣтъ ярко пылавшей восковой свѣчи совершенно освѣщалъ ихъ лица и фигуры.

Что за мощная фигура сѣчевика! Сила, краса его исполняли сердце дѣвочки какимъ-то благоговѣніемъ и упованіемъ.

Но другая фигура!

Душа ея исполнилась жалостію и трепетомъ, когда она глядѣла на эти впаляя очи, мрачно и тревожно сверкавшія изъ подъ густыхъ бровей, на несвоевременныя морщины, избороздившія величавое и гордое чело, на всѣ слѣды разрушенія внутреннимъ огнемъ—огнемъ казалось неугасаемымъ, палившимъ безъостановочно и неотступно.

Они оба тихо говорили. Очень тихо и сдержанно.

Она долго вслушивалась въ этотъ разговоръ, какъ вслушиваются въ отдаленный шумъ моря.

Наконецъ усталость взяла свое, глаза ея вдругъ сомкнулись и она уснула.

XVI.

Маруся спала, какъ спать на берегу моря: и спишь, и чуешь, что вокругъ тебя грозная пучина, и улавливаешь сквозь сонъ ея грозный ропотъ, и хотя грезится многое свое, но неотступно мерещатся безбрежно колыхающіяся волны.

Ей представлялся отцовскій хуторъ, благоухающій вишневый садикъ, знакомыя родныя лица, но все это какъ-то странно, не то чтобы линяло, а лучше сказать тонуло въ туманѣ, отодвигалось на задній планъ,—на первомъ планѣ ярко сіяли новые образы.

Вдругъ она мгновенно пробудилась и быстро приподнялась на своемъ ложѣ.

Съчевикъ сидѣлъ по прежнему, облокотясь на столъ, и по прежнему очи у него горѣли, какъ двѣ яркія звѣзды, ослѣпительно, спокойно и ровно, какъ настоящее свѣтило.

Панъ гетманъ стоялъ посреди хаты. Видно было, что онъ рванулся съ мѣста въ ту самую минуту, когда его уязвила страшная боль,—рванулся и остановился, какъ бы ошеломленный мѣтко попавшимъ ударомъ.

У пана гетмана тоже горѣли очи, но горѣли иначе; мучительно замирало сердце, чувствуя, что изъ этихъ очей могутъ сейчасъ же хлынуть отчаянныя, жгучія слезы. Гордое чело побѣлѣло отъ обуревавшихъ мукъ и терзаній, и залегшія на немъ морщины, казалось, видимо бороздились все глубже и глубже.

— Чи плакавъ бы слѣзь, якъ би стежку бачивъ! *) — проговорилъ онъ наконецъ.—А время идетъ! время идетъ! А согласья нѣтъ! помощи нѣтъ! Я знаю, я сунулся въ воду, не спро-

сившись броду, — знаю! Да и вы, къ доброму берегу не приплывете! Вижу я какой конецъ будетъ!

Голосъ у него прервался.

Съчевицъ молчалъ и только пристально глядѣлъ на пана гетмана.

*) Развѣ плакалъ бы слѣзкой, если бы онъ могъ видѣть дорогу!

Панъ гетманъ заговорилъ снова:

— Такъ вы такъ ужъ и посчитали, что я на Іудины гроши соблазнилъ, а? Добрые люди! добрые люди! Вы...

— Пане гетмане!—почтительно прервалъ его съчевикъ,—позвольте вашей милости притчу доложить?

— Говори!

— Жили были два добрыхъ пса...

— Знаю, знаю, знаю!

Панъ гетманъ кинулся на скамью у стола, протянулъ руки на столъ и припалъ на нихъ головою.

Лица его не было видно, но по одному склоненью не умѣющей гнуться шеи угадывалось, какъ тяжела бываетъ гетманская шапка.

Такъ оставался онъ нѣсколько минутъ.

Съчевикъ, все также пристально и внимательно глядѣвшій на него своими звѣздоподобными глазами, казалось, не считалъ нужнымъ обращаться къ собесѣднику съ какими бы то ни было вопросами, объясненіями или рѣчами.

Наконецъ панъ гетманъ поднялъ голову.

— Такъ что-жъ мнѣ, по вашему, нести вамъ повинную голову, а?

Голосъ его былъ сдержанъ, но въ немъ слышалась глубокая, ѣдкая горечь; блѣдное лицо какъ-то медленно передергивалось.

— А мы-же присягали, пане гетмане, эту голову нашу нести, куда надо, за родину. Не въ нашей головѣ тутъ сила.

Панъ гетманъ быстро всталъ, прошелся по свѣтлицѣ, какъ вдругъ вскакиваютъ и дѣлаютъ кругъ раненые звѣри, подошелъ къ окну, поглядѣлъ во мглу благоухающей, тихой и теплой ночи, на сверкающіе мириады звѣздъ и опять сѣлъ у стола.

Наступило долгое молчаніе и такъ стало тихо, что Маруся слышала биенье своего сердца.

Наконецъ панъ гетманъ снова всталъ, подошелъ къ полкѣ въ углу, взялъ оттуда чернильницу, перо и бумагу, перенесъ на столъ, разложилъ какъ бы для письма и опять удалился къ окну, опять глянулъ въ благоухающую мглу теплой ночи, на искрометныя

звѣзды и оттуда проговорилъ глухо, какъ будто горло его сдавила желѣзная рука:

— Я ему напишу все, что требуется.

— Доброе дѣло, — отвѣтилъ на это сѣчевикъ.

Еще на нѣсколько минутъ наступило молчаніе.

Между тѣмъ глаза сѣчевика встрѣтились съ глазами Маруси и онъ ласковымъ знакомъ головы и улыбкой далъ ей понять, чтобы она постаралась снова заснуть и отдохнуть.

Но она, въ отвѣтъ, указала на пана гетмана.

Онъ понялъ что ее мучить, и опять отвѣтилъ ей успокоивающимъ знакомъ.

Панъ гетманъ подошелъ къ столу и началъ писать.

Важное, надо полагать, было это письмо и трудно ему было писать.

Когда оно было окончено, панъ гетманъ передалъ его сѣчевику.

— Прочти! — проговорилъ онъ.

Сѣчевикъ прочелъ исписанный листокъ, сложилъ и, взявъ свою бандурскую шапку, бережно засунулъ его подъ шапочную подкладку.

— Когда-жъ доставишь? — спросилъ панъ гетманъ.

— Какъ только донесетъ меня Богъ и добрая доля, такъ и доставлю, — отвѣтилъ сѣчевикъ.

И съ этими словами онъ всталъ.

— Идешь? — спросилъ панъ гетманъ.

— Иду, пане гетмане; счастливо вамъ оставаться.

Маруся въ одно мгновеніе была тоже на ногахъ.

— Меня не покинешь? — спросила она.

— Нѣтъ, не покину, — отвѣчалъ ей сѣчевикъ, слегка наклоня надъ нею свое смуглое лицо. — А коли утомилась, такъ на рукахъ понесу.

Маруся схватила его за руку.

— Бью челомъ пану гетману, — сказалъ сѣчевикъ, низко кланаясь.

— Онъ продастъ насъ! — глухо проговорилъ панъ гетманъ.

— Милостивый Богъ не выдастъ, супоросная свинья не съѣстъ!—возразилъ сѣчевикъ.

— Съ нимъ нельзя правдою!—воскликнулъ панъ гетманъ,—нельзя...

— Ничего, пане гетмане, ничего: *де не хватае вовчої шкури, тамъ мы наставимо лиса* *), — проговорилъ сѣчевикъ — будьте здоровы и насъ поджидайте. Пойдемъ, Маруся малая.

Они вышли изъ гетманской свѣтлицы и направились опять къ городской заставѣ.

Все было тихо и темно по улицамъ; вишневые садики мягко бѣлѣлись; гдѣ-то глухо журчала вода.

Отойдя нѣсколько шаговъ, Маруся оглянулась на гетманскую хату.

Въ отворенныхъ дверяхъ, чрезъ которыя они только что вышли, стоялъ панъ гетманъ, и глядѣлъ имъ въ слѣдъ.

При неясномъ свѣтѣ мерцающихъ звѣздъ, едва видѣлась его фигура, но и это неясное очертанье было до того преисполнено выраженьемъ муки, что у Маруси сердце больно забилося.

— Утомилась, Маруся? спросилъ сѣчевикъ, пробираясь по излучистымъ переулкамъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она. Миѣ хорошо идти. Далекое могу, — куда хочешь. Мы далеко пойдёмъ?

— Далекое.

Нѣсколько времени они шли молча. Раза два или три, имъ то на встрѣчу попадались, то перегоняли ихъ чигиринскіе жители, — все сильные, крѣпкіе люди, которые, какъ будто мимоходомъ, только взглядывали на нихъ, и затѣмъ повертывали своей дорогой.

У заставы, вдругъ поднялся съ земли какой-то гигантъ, съ аршинными усами и воздвигся передъ бандуристомъ на подобіе колокольни.

— Куда Богъ несетъ, ласковый пане бандуристъ? спросилъ онъ.

*) Гдѣ не хватаетъ волчьей шкуры, тамъ мы наставимъ лисей.

— Туда, гдѣ добрые люди, шановный земляче.

— Ну, а какъ повстрѣчаются злые, пане бандуристь?

— Волка бояться, такъ и въ лѣсъ по ягоду не ходить, земляче.

— Кабы я былъ козакъ сильный, пане бандуристь, я бы поклонился тебѣ и попросилъ бы... да несмѣлый я козакъ!

— Маруся пожелала получше поглядѣть на этого «несмѣлаго», но голова его была такъ отъ нея высоко, что она могла видѣть только висячіе, какъ снопы свѣжей степовой травы, усы.

— Ничего, осмѣлся, отвѣтилъ бандуристь.

— Спой ты мнѣ какую ни на есть думку.

— Изволь.

Бандуристь тихонько заигралъ на бандурѣ и тихо запѣлъ:

Ой послушайте, ой повидайте,

Що на Вкраїні постало:

Підъ могилою, підъ Сорокою,

Множество ляхівъ пронало *).

Когда пѣнье смолкло, «несмѣлый» козакъ отодвинулся въ сторону и бандуристь съ Марусею свободно вышли за заставу.

Дорога вилась далеко—далеко черной змѣєю по мягкой, густой муравѣ. Въ чигиринскихъ садикахъ пѣли соловьи.

*) Послушайте, поглядите, что на Украинѣ дѣлается: подъ Сорокою — Могилою побито множество Ляховъ.

XVII.

Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ свиданья съ паномъ гетманомъ, тихимъ чудеснымъ вечеромъ, старый бандуристъ съ своимъ поводыремъ медленно подходилъ къ сожженному селу.

Видно было, что эти путники не баловали себя излишнимъ отдыхомъ: впалые глаза блестѣли какимъ-то лихорадочнымъ огнемъ на запыленныхъ, загорѣлыхъ лицахъ; губы пересохли и потрескались.

Однако они шли бодро и спокойно между собой разговаривали.

Ни души имъ не подалось по дорогѣ; всюду молчанье, тишь.

Прямо передъ ними чернѣлись обгорѣлыя хаты и садики, вдали дымились села и хутора.

Миновавъ выжженную улицу, на которой уже кое-гдѣ бархатились пятна свѣжей зеленой муравы, они повернули къ разрушенному засоренному колодцу.

— Пріятно испить свѣжей криничной водицы! сказалъ бандуристъ.

Съ этими словами, онъ запустилъ руку въ глубокую торбу, висѣвшую у него черезъ плечо, досталъ оттуда деревянный ковшикъ, размахнулъ имъ плавающія по верхъ воды головешки, зачерпнулъ и подалъ своему поводырю съ такой дружескою улыбкою, которая несомнѣнно показывала, что онъ своимъ поводыремъ доволенъ и счастливъ вполнѣ.

— Милости просимъ, Марусю! сказалъ онъ.

— Спасибо, отвѣтила Маруся.

И ея улыбка такъ же несомнѣнно показала, что и она довольна и счастлива своимъ спутникомъ.

Она прильнула запекшимся губами къ ковшику съ холодной водой, но утоление жажды не поглотило ее вовсе; она пила какъ-то разсѣянно и глаза ея безпокойно, тоскливо, пристально и жадно оглядывали разрушенный колодець и въ глубинѣ его, покрытую головешками, водную поверхность.

Вдругъ она вскрикула:

— А!

Вскрикнула она такъ, словно обрѣла, наконецъ, мучительно-ожидаемое. Лицо ея вспыхнуло, глаза засіяли, увлажились и обратились на спутника.

Взглядъ, который обратилъ на нея спутникъ при этомъ восклицаньи, былъ не вопросительный, а скорѣе взглядъ шутливаго торжества, какимъ напоминають забывчивымъ дѣтямъ о ихъ повторившемся, не взирая на усердныя за себя ручательства, промахѣ.

— Охъ, какъ звонко ахнула! проговорилъ онъ. — Видно, очень сладка ключевая водица, Маруся?

Маруся опять вспыхнула, но уже глаза ея не засіяли, а вдругъ померкли, брови сдвинулись и омрачившееся лицо понятно сказало:

— Опять я не выдержала!

— Ну, что ужъ съ возу упало, то пропало, сказала бандуристъ. Кинемъ лихомъ объ землю! Еще не все наши чайки потонули! Маруся! полно! не запечатывай своего сердечка, не топи очей въ землю, не смыкай устъ! Некому ни подслушивать, ни подглядывать тутъ на пожарищѣ. Сядемъ ка, загусимъ, а загусивши дальше потянемъ.

Изъ торбы была вынута краюха хлѣба, нѣсколько свѣжихъ огурцовъ, мѣшечекъ съ солью и путники принялись за закуску.

Что же заставило радостно вскрикнуть Марусю, точно она вдругъ обрѣла сокровище, на которое и надѣялась, и нѣтъ?

Ничего не видать было около разрушеннаго, обгорѣлаго колодца, кромѣ обуглившихся головешекъ.

Развѣ вотъ только бросается въ глаза свѣжая плетеница зеленого барвинка, которая, вмѣстѣ съ обуглившими головешками, кружится на всколыхавшейся водѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ попала сюда эта свѣжая плетеница?

Бандуристъ и его поводырь или это знаютъ, или этимъ вовсе не интересуются, потому что они ведутъ разговоръ про городъ Батуринъ и ни единымъ словомъ не упоминаютъ про барвинокъ.

Закуска окончена.

— Что, Маруся, отдохнула? спрашиваетъ бандуристъ.

— Отдохнула! отдохнула! громко отвѣчаетъ Маруся.

И вотъ уже она на ногахъ, и закинула дорожную котомку за плечи, и глядитъ на своего спутника блестящими глазами.

Передъ уходомъ съ мѣста отдыха, ея спутникъ опускаетъ свой старческій посохъ въ колодець и вытягиваетъ изъ воды свѣжую плетеницу барвинка.

— Маруся! говорить онъ, отличный будетъ вѣнокъ!

Маруся схватываетъ протянутую ей зелень, стряхиваетъ съ нея воду и быстро обвиваетъ ей свою голову.

— О, вѣнокъ чудесный! говорить она.

И снова бандуристъ съ поводыремъ пускаются такъ же бодро и спокойно въ путь.

— Теперь ужъ не далеко, говорить бандуристъ: не успѣтъ блеснуть въ небѣ первая звѣздочка, а ужъ мы завидимъ могилу Надднѣпровку.

И точно: не успѣла еще блеснуть въ небѣ первая звѣздочка, какъ они уже завидѣли эту могилу.

Солнце уже зашло и наступила вечерняя мгла, но мглаю собая, какая-то золотисто-лиловая. Молоденькія деревья, густые кусты и высокая трава, которыми поросла могила, казалось, тихо пылали; каждая вѣточка, каждая былинка вырѣзывались до того отчетливо на горизонтѣ, что глазамъ становилось какъ-то трудно на нихъ глядѣть.

Черный обломанный крестъ освѣщался такъ мягко, что казался бархатнымъ, а рѣющія въ высотѣ темныя птицы, точно какимъ волшебствомъ, превращались въ радужныхъ, изъ радужныхъ опять

въ темныхъ и затѣмъ снова въ радужныхъ, смотря по направленью своего полета.

Съ могилы открывался Днѣпръ.

Онъ представлялся отсюда громаднымъ розливомъ ворошеной стали. На противоположномъ берегу высились лѣсистыя горы — снизу совсѣмъ черныя, а сверху точно подернутыя золотистымъ огнемъ.

Доходилъ ропотъ воды снизу и звонкій шелестъ очерета; кругомъ чувствовалась удивительная свѣжесть; время отъ времени,

въ общемъ безмолвіи, проносился крикъ чайки и сама она мелькала надъ рѣкой чуть замѣтной точкой.

— Вотъ тутъ мы сядемъ и запоемъ, сказалъ бандуристъ.

«Та все пани, та все дуки,

«Позаідали наши поля, луги, луки!»

прокатилось надъ водами, грянуло въ ущельяхъ и откликнулось далеко за горами.

Окончивши пѣсню, бандуристъ нѣсколько минутъ перебиралъ струны бандуры, между тѣмъ какъ зоркіе глаза его неподвижно были устремлены на Днѣпръ.

Маруся тоже не сводила глазъ съ рѣки.

Вдругъ гдѣ-то не подалеку, въ очеретахъ, крикнула чайка.

Глаза бандуриста блеснули ярче и снова загудѣло надъ рѣкой пѣнье:

«Та не має гірше такъ нікому,

«Якъ бурлаці молодому!

«Гей, гей, якъ бурлаці молодому!

«Що бурлака робить—заробляє,

«Ажъ піть очи заливає!

«Гей, гей, ажъ піть очи заливає!

Опять не подалеку въ очеретахъ крикнула чайка.

«Ажъ піть очи заливає,

«А хазяиць нарікає,

«Гей, гей, а хазяиць нарікає

«А хазяиць нарікає

«А хазяйка въ вічи лає,

«Гей, гей, а хазяйка въ вічи лає!

Съ той стороны, гдѣ кричала чайка, изъ камышей выплылъ узенькій челнокъ и, едва отличаясь отъ темныхъ водъ, быстро заскользилъ по нимъ, направляясь къ маленькой бухточкѣ, устроенной самой природой, какъ разъ противъ могилы Надднѣпровки.

Вглядѣвшись пристально, можно было различить неяенныя очертанія пловца, или лучше сказать, его высокой шапки.

Но и не видя пловца, можно было навѣрно сказать, что рука у него мощная и ловкая.

Эта рука дѣйствовала весломъ, какъ игрушкой. Челнокъ несея по водѣ, какъ легкая пушинка по вѣтру.

— Ну, Маруся, сказалъ бандуристъ, пора намъ на берегъ.

Не разбирая дороги—туть, впрочемъ, тропинокъ не было проложено—они быстро спустились съ могилы, обогнули каменистый, крутой выступъ берега и очутились внизу, у самой рѣки, тихо плескавшей въ прибрежныя травы и каймившей ихъ узкой полоской бѣлой пѣны.

— Здоровы були и богу милі! привѣтствовалъ ихъ ласковый знакомый голосъ.

Легкій челночекъ былъ вытянуть на прибрежный песокъ, а около челночка, облокотясь подбородкомъ на весло, стоялъ добродушный хуторяний, панъ Кнышъ.

— Бьемъ челомъ! отвѣтилъ бандуристъ, снимая шапку.

— А что, дивчинка? Какъ живешь-можешь? спросилъ панъ Кнышъ, пристально вглядываясь въ Марусю своими ясными сокольими глазами.

— Благополучно, отвѣтила Маруся.

Да если бы она этого и не отвѣтила, онъ бы легко могъ угадать отвѣтъ по каждой фибрѣ ея оживленнаго лица.

Однако, какъ человекъ, привыкшій не полагаться на отдѣльный, хотя бы и самый доказательный фактъ, онъ, не довольствуясь свидѣтельствомъ лица Маруси, улыбаясь и глядя ее по головкѣ, кинулъ быстрый, но насквозь проникающій, взглядъ на ея спутника.

Тотъ, въ эту минуту, глядѣлъ, усмѣхаясь, на Марусю.

Пану Кнышу, вѣроятно, эта усмѣшка показалась достаточно выразительной, потому что онъ пересталъ кидать на нихъ взгляды и обратилъ глаза на Днѣпръ.

— Скоро поплывемъ? спросилъ бандуристъ.

— А вотъ сейчасъ. Славно будетъ плыть, тихо... Тихо такъ, что не шелохнетъ... Кабы не свѣжесть отъ воды, такъ жарко бы было.

Судя по выраженью лица и голоса пана Кныша, онъ съ наслажденьемъ упивался этой тишью и слова бессознательно сры-

вались съ его усть, какъ это бываетъ, когда человѣкъ весь находится подъ обаяньемъ какого-нибудь ощущенья.

Вдругъ раздался крикъ чайки, и раздался, какъ будто изъ за плеча пана Кныша.

Тотчасъ же издалека, съ противоположнаго берега, пронесся такой же отвѣтный крикъ.

— Пара откликается! замѣтилъ бандуристъ.

— О, эти птицы пречуткія! отвѣчалъ панъ Кнышъ, усаживаясь въ челнокъ. Садись, дивчинка, прибавилъ онъ, обращаясь къ Маруси и протягивая ей руку.

— Гдѣ другое весло? спросилъ бандуристъ, выпрыгивая такъ легко и ловко въ челнокъ, что челнокъ даже не покачнулся.

— Въ челнокѣ, на днѣ. Отчаливай!

Челнокъ быстро соскользнулъ на воду и понесся по темному Днѣпру.

XVIII.

Очень хорошо плыть по большой рѣкѣ въ лѣтнюю теплую ночь!

Звѣзды горять надъ вами и звѣзды горять подъ вами, сверху плыветъ мѣсяцъ и снизу плыветъ мѣсяцъ.

— Вотъ тамъ берега! думаете вы, всматриваясь въ темныя линіи. Вонъ тамъ непременно растетъ сосна, потому что сильно вдругъ потянуло оттуда смолистымъ запахомъ, а вотъ тамъ навѣрно пропасть цвѣтовъ, потому что порывъ теплаго вѣтра словно кинулъ вамъ въ лицо цѣлый, только что сорванный, обрызганной почной росой бу...

— Ну что новаго? спросилъ бандуристъ.

— Немного, отвѣтилъ панъ Кнышъ, работая весломъ.

— А какъ немного?

— Да, такъ, что и малому дитяти двумя пальченятами захватить нечего.

— Чтожъ онъ, дома?

— Дома, кашуновъ жарить, прозорливыхъ гостей ждать.

— Ужъ коли кашуновъ жарить, значить, что нибудь порѣшилъ: даромъ тратиться не будетъ,—не такой хозяинъ!

— Кто его разберетъ, что онъ замышляетъ, у него *гадокъ*, *якъ у пса стежокъ*!

— Ну, да ужъ въ святое мѣсто не забѣжитъ, развѣ что нечаянно.

— Разумѣется. А *томъ*?

— Э! кабы всѣ такіе были, какъ *томъ*, такъ еще бы можно людямъ на свѣтѣ жить. *Томъ* человекъ. У того душа, какъ пой-

дѣть на небо коржи съ макомъ ѣсть, такъ не станеть жаловаться, что въ пнѣ жила!

— Написалъ?

— Написалъ. А не легко было ему написать! Такъ его всего и поводило, какъ бересту на огнѣ.

— Половина дѣла сдѣлана, и за то спасибо Богу. Этотъ охотникъ таки водить...

— Можеть со мной немного круговъ обойти: я такой ка-

рась, что трепетывался на удочкѣ... Маруся, изморились, а? Легла бы ты да отдохнула, а? А я бы сказку сказывалъ.

— Это дѣло,—замѣтилъ Кнышъ.

— Я не хочу спать, я посижу,—начала было Маруся.

Но двѣ сильныя, ловкія руки въ одно мгновенье, однимъ махомъ, разостлали по дну лодки толстую суконную свиту, приподняли Марусю и бережно положили на это ложе.

— А я буду сказку сказывать, — повторилъ Сѣчевикъ.

— У, роскошь!—сказалъ Кнышъ.—Бѣда моя, что у меня всего на всего два уха: кабы могъ, я бы еще десятка два въ займы взялъ и всѣми бы слушалъ.

Жилъ былъ казакъ, началъ Сѣчевикъ,—казакъ добрый, благочестивый, да только дурень. Онъ съ виду то и ничего, и съ первыхъ словъ ничего, а чуть зачерпни его поглубже, такъ такая ужъ тамъ дуровина, что другіе умные казаки пьянѣли отъ нея, какъ отъ какого поганого зелья. Вотъ и задумалъ этотъ казакъ строить себѣ хату. И говоритъ онъ женѣ:

— Ну, жена, удивлю-жъ я тебя: такую хату выстрою, какой еще не бывало на свѣтѣ. И строить я ее стану, не такъ, какъ люди.

— А какъ же? — спрашиваетъ жена.

Онъ моргнулъ этакъ глазомъ: дескать, не на такого напала, не проговорюсь! засмѣялся и пошелъ въ лѣсъ руб...

— Поглядите, — вдругъ вскрикнула тихонько Маруся, поглядите!

И указала впередъ, вправо.

Но Кнышъ, сидѣвшій лицомъ туда, давно уже слегка шурилъ свои соколы глаза, какъ бы всматриваясь и распознавая знакомые предметы.

Сѣчевикъ, при возгласѣ Маруси, не шелохнулся, а только спросилъ Кныша:

— Что тамъ?

— Они,—отвѣчалъ Кнышъ.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ значительно суживалась и челнокъ плылъ почти у самаго праваго берега.

На песчаной косѣ, какъ бы серебряной лентой входившей въ темныя, сверкающія звѣздами, воды, стояли два человѣка, въ свитахъ и высокихъ шапкахъ и, казалось, поджидали плывущій челнокъ.

Хотя до песчаной косы оставалось еще по крайней мѣрѣ добрыхъ четверть версты, но стоящіе на ней такъ ясно и отчетливо вырисовывались въ воздухѣ, что Маруся безъ труда узнала знакомыя фигуры Семена Ворошила и Андрія Крука.

Чѣмъ ближе подплывалъ челнокъ къ песчаной косѣ, тѣмъ яеиѣ можно было различить, что поджидающіе кого-то казаки не веселы.

Андрей Крукъ стоялъ, опершись на свою дубинку, и въ мрачномъ безмолвіи глядѣлъ, не спуская глазъ, на приближающійся челнокъ; Семень Ворошило о чемъ-то, по видимому, разсуждалъ не радостномъ, и лѣвая рука его безпрестанно дѣлала такіе жесты, какими обыкновенно смертные выражаютъ свою раздражительность, говоря объ обманувшихъ ихъ надеждахъ, пріятеляхъ или врагахъ.

Когда челнокъ коснулся носомъ отмели, оба казака сняли шапки и проговорили:

— Будьте здоровы!

— Будьте здоровы!—отвѣчали Кнышъ и Сѣчевикъ.

Они посмотрѣли нѣсколько мгновеній другъ на друга.

Лица Сѣчевика и Кныша были спокойны, глаза ихъ внимательно были устремлены на обоихъ казаковъ и только.

Лица казаковъ были замѣтно угрюмы, а глаза не то, чтобы избѣгали встрѣчи съ приплывшими пріятелями, но какъ-то или разбѣгались, или прятались подъ нахмуренные брови.

— Челнокъ то вотъ сюда бы, къ этой сторонкѣ,—угрюмо проговорилъ Семень Ворошило.

И съ этими словами, усердно принялся помогать Кнышу тащить челнокъ.

— Маруся,—сказалъ Андрій Крукъ, вынимая изъ-за пазухи узелокъ, вотъ мать тебѣ прислала.

И онъ подаль ей посылку.

— Спасибо,—отвѣтила Маруся, что они тамъ? Всѣ здоровы?

— Всѣ здоровы. И ничего, все сошло благополучно.

— А мнѣ гостинца никакого не будетъ?—спросилъ Сѣчевикъ. Коли принесли, то будьте ласковы, дайте, а коли нѣтъ, то такъ и скажите.

— Были мы всюду,—началь Андрій Крукъ, да не такъ-то все дѣлается, какъ...

— Мы ходячи вокругъ тѣхъ ледачихъ полунанковъ пару чоботъ стоптали,—подхватилъ Семень Ворошило. Сказано: не такъ и сами паны, какъ тѣ полунанки!

Челнокъ былъ уже на пескѣ и теперь всѣ четверо стояли другъ противъ друга.

— Такъ дѣло не выгорѣло?—спросилъ Сѣчевикъ.

— Оно не то, чтобы совсѣмъ не выгорѣло, и не то, чтобы выгорѣло,—отвѣтилъ Семень Ворошило.

— Да вы видѣли Самуса?

— Нѣтъ, Самуса не видали.

— Отчего?

— Да мы ждали его, а онъ не пришелъ.

— Отчего же вы сами къ нему не пошли?

— Да мы и думали было пойти, а потомъ разсудили, что его не застанешь, потому онъ, сказывали, въ Кіевъ уѣхалъ.

— Такъ сходка безъ него была?

— Безъ него.

— Такую сходку и сходкой срамъ назвать,—сказалъ Андрій Крукъ. Пришли семь бабъ да сказали семь радъ, а другіе сѣли на колоды, поговорили про пригоды, табаку понюхали, рады послушали да и до дому пошли!

— На чемъ-же порѣшили?

— А ни на чемъ не порѣшили. Подумаемъ, говорятъ; еще надо, говорятъ, подумать.

— А долго будутъ думать?

— Въ ту субботу опять рада сберется.

— Ну такъ вотъ что, панове казацтво, вы, не дожидаячи этой субботней рады, потрудите свои шановныя ноги, обойдите кого

слѣдуетъ и скажите, что коли въ положенному сроку не будетъ все въ исправности, такъ дѣло пропадетъ. А коли теперь дѣло пропадетъ, такъ пусть ужъ на насъ не рассчитываютъ.

Ни Андрей Крукъ, ни Семень Ворошило ничего на это не отвѣтили,—можетъ потому, что въ эту самую минуту начали раскуривать свои трубки.

Трубки, впрочемъ, какъ-то дольше обыкновеннаго раскуривались.

Наконецъ, когда уже дымъ пошелъ клубомъ, Семень Ворошило проговорилъ:

— Оно бы, можетъ и лучше, кабы пообождать вѣстей отъ Бруя и отъ Попика... Можетъ, оно бы надежнѣй... Ужъ больше ждали... Ужъ можно бы еще подождать малую толику...

— Да, оно точно бываетъ, что поспѣшишь, да людей только насмѣшишь, замѣтилъ Андрей Крукъ, застилая себя цѣлымъ облакомъ дыма.

— Скорыя-то дѣла подъ лавкой лежатъ, прибавилъ Семень Ворошило.

— Оно, разумѣется, всякое бываетъ, отвѣтилъ Сѣчевикъ.

— Кабы тогда не послушались вашего верховода, да не поспѣшили, такъ вотъ теперь бы, можетъ, и не попались въ дурни, сказала Андрей Крукъ.

— А по моему глупому разуму, такъ вы потому-то и попались, какъ вы сказываете, въ неразумные, что вы и тогда выбирались, какъ паньчи за море утятъ стрѣлять.

Пока происходилъ этотъ разговоръ, Книшъ, не теряя ни слова изъ него, набралъ сухаго очерету, зажегъ костеръ и мгновенно устроилъ все, необходимое для варева кулеша.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Потомъ Сѣчевикъ, съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ, спросилъ:

— Такъ на чемъ же вы порѣшите, панове казацтво? Снесете вы мой поклонъ кому надо, или нѣтъ?

— Да отчего-жь, это можно, отвѣтилъ Андрей Крукъ.

— Это можно, повторилъ Семень Ворошило.

— Только вот что, сказалъ Андрей Крукъ: напрасно вы такъ погоняете...

— Пане Андрій, отвѣтилъ Сѣчевикъ, намъ съ вами, надо полагать, не сговориться. У меня, какъ у той завязанной жинки, что мужъ ее топилъ, да не научилъ, все будетъ стрижено, а не брито. Киньте вы меня въ днѣпровскую пучину, а я, какъ пойду ко дну, еще покажу вамъ пальцами пожницы.

— Горе да и только! проговорилъ, какъ бы про себя, Семень Ворошило.

— А что, скоро кулешомъ угостишь? спросилъ Сѣчевикъ Кныша.

— Закипаетъ. Садитесь, да берите ложки.

Всѣ усѣлись вокругъ котелка.

— Что, Маруся, такая старая сидишь? спросилъ Сѣчевикъ.

— Изморилась, должно быть, сказалъ Андрей Крукъ.

— Нѣтъ, отвѣтила Маруся, я не изморилась.

— Заскучала по своимъ, сказалъ Семень Ворошило,

— Нѣтъ, отвѣтила Маруся, я не скучаю.

Глаза ея однако были съ тревогой и тоской обращены на Сѣчевика.

— А вотъ я ее развеселю, попробую, сказалъ Сѣчевикъ. Хочешь, Маруся, я тебѣ еще сказку расскажу, а? Хочешь?

— Хочу, отвѣтила Маруся.

— Ну, слушай. Я тебѣ расскажу, какъ ракъ по воду ходилъ! Жилъ былъ ракъ. Отличный ракъ. И случилось такъ, что вся вода пересохла около его хаты и надо, хоть умирай, добыть воды.

Вотъ ракъ сидитъ и говорить:

— Бого послать по воду? Бого послать по воду?

— Милости просимъ, кулешъ готовъ, провозгласилъ Кнышъ.

Всѣ принялись за ужинъ.

— Такой кулешъ, друже, что хоть бы и турецкой царицѣ, такъ и она бы съ пальчиками его съѣла, сказалъ Сѣчевикъ, откидывая усы за уши.

— Добрый кулешъ, подтвердилъ Андрій Крукъ.

— Коли угодилъ вамъ, панове, значить, доля еще служить, сказалъ Бнышъ.

Ну, вотъ долго такъ ракъ думалъ, разказывалъ Сѣчевикъ, кого бы это по воду ему послать и все никого не подыскивалъ: тотъ, думалъ онъ, дороги не знаетъ, а вотъ этотъ хоть и знаетъ, да ненадеженъ, одинъ не женатъ, такъ, пожалуй, застрянетъ, гдѣ на дорогѣ, другой въ церковь рѣдко ходитъ, такъ кто его знаетъ, какъ съ нимъ и связываться, пятый малосилень, у десятаго вѣтеръ въ головѣ, — куда ни кишь — все клинь.

— Пойду самъ! порѣшилъ ракъ.

Взялъ посудину и пошелъ.

Шель, шель, шель... Идетъ и все кипятится:

— Чего это я такъ бѣгу! Эхъ сбили меня съ толку вражіе пріятели! Не будетъ проку!

— Кабы въ этотъ кулешъ, да еще перцу! сказалъ Семень Ворошило.

— Хорошо бы перцу! согласился Андрій Крукъ.

И ходилъ ракъ семь лѣтъ по воду, продолжалъ Сѣчевикъ, на восьмой годъ пришелъ, сталъ перелѣзать черезъ хатній порогъ и разлилъ.

— Э, горемыка! сказалъ Бнышъ.

Разлилъ да и говорить:

— Вотъ такъ чортъ скорую работу беретъ!

Маруся размѣялась, Бнышъ тоже, но Андрій Крукъ и Семень Ворошило сидѣли такъ чинно, какъ сидятъ только просватанныя поповны.

— Эге! мѣсяць-то ужъ куда забрался! сказалъ Бнышъ. Пора. Всѣ встали.

— Такое, значить, послѣднее ваше слово? спросилъ Андрій Крукъ Сѣчевика.

— Такое.

— Пока прощайте.

— Счастливо.

— А коли что тамъ у насъ порѣшать, кому вѣсть подавать?

— А вотъ Бнышу.

— Хорошо. Счастливо.

— Спасибо.

Челнокъ быстро отчалилъ, понесся снова по темному Днѣпру и песчаная отмель, съ черными фигурами и угасавшимъ костромъ, скоро скрылась изъ виду.

XIX.

Черезъ три дня послѣ описаннаго плаванья по Диѳпру было воскресенье и въ городѣ Гадячѣ глухо гудѣли старые колокола, призывая жителей къ заутрени.

Чуть только свѣтало и городѣ Гадячѣ со всеѣми своими узенькими улицами, низенькими постройками и густыми садами, точно, казалось, повить дымкой. Даже фигуры, стекавшіяся со всеѣхъ сторонъ къ собору, и тѣ представлялись какъ бы укутанными въ дымку.

Впрочемъ, не взирая на эту предразсвѣтлую мглу, все-таки очень легко было распознать и по походкѣ, и по всей манерѣ держаться, что здѣсь по большей части люди ратные.

Наканунѣ шелъ дождь, теперь въ воздухѣ была влажность и повсюду тишина величайшая.

Такая тишина, что издали были слышны шаги по мокрымъ улицамъ и переулкамъ, нога, ступившая неосторожно въ лужу, производила звонкій всплескъ и капли, скатывавшіяся съ садовой листвы, капали такъ явственно, что ихъ можно было считать.

На церковной паперти, чрезвычайно походившей на садикъ, потому что тутъ не только цвѣла калина, черемуха, бузина, шиповникъ, розы, розаны, кизильникъ, бѣлыя, желтыя и розовыя акаціи, но въ изобиліи росли яблони, груши, сливы, вишни, черешни, а сочная, бархатистая, мягкая трава пестрѣла всевозможными садовыми цвѣтами и зельями, собралось уже порядочное количество право-

славныхъ и, въ ожиданіи заутрени, толковали про разныя житейскія дѣла.

Знакомый читателямъ бандуристъ съ своей поводыркой, тоже былъ тутъ. Онъ сидѣлъ на нижней ступенькѣ церковнаго крыльца и поучительнымъ, нѣсколько протяжнымъ голосомъ рассказывалъ помѣщавшимся около него повыше и пониже на ступенькахъ и стоявшимъ передъ нимъ полукругомъ казакамъ и казачкамъ, какъ и какія мытарства должна проходить душа для того, чтобы попасть въ царство небесное.

Закончивъ сказаніе о послѣднемъ мытарствѣ глубокимъ вздохомъ, которому завторила большая часть слушателей, бандуристъ погрузился на нѣсколько минутъ въ благочестивыя размышленія и задумчиво поводилъ глазами по начинающимъ понемногу выступать изъ мрака окружающимъ предметамъ.

Всеобщее безмолвіе было прервано двумя подошедшими молодыми казаками, отличавшимися необычайно длинными усами, необычайно тонкимъ и гибкимъ станомъ, и какой-то особой щеголеватостью и развязностью, которая пріобрѣтается частымъ участіемъ въ многочисленныхъ собраніяхъ, большихъ пирахъ и всякихъ такихъ парадахъ.

— Здравствуйте! сказали казаки и такъ ловко сбросили и снова нагнули шапки, словно этимъ только и занимались всю свою жизньъ.

— А что панъ гетманъ будетъ? спросило хоромъ нѣсколько голосовъ.

— Будетъ, отвѣчали казаки.

Эти слова, сказанныя звучными и громкими голосами, какъ бы пробудили бандуриста изъ благочестивой задумчивости и онъ какъ бы съ сожалѣніемъ оставляя горній міръ, гдѣ виталъ мыслію, челъ долгомъ своимъ снизойти къ интересамъ прочихъ смертныхъ.

— Поглядятъ и мои очи на яснаго пана гетмана, сказалъ онъ.

— И гетманша будетъ? спросила вертлявая, маленькая, кругленькая, похожая на узелокъ, молодлица.

— И гетманша будетъ, отвѣтили казаки.

— А братчиха?

— Надо думать и братчиха будетъ.

— А это какая же такая братчиха? спросилъ бандуристъ.

— Гетманскаго братчика жинва, отвѣтило нѣсколько голосовъ, — Мееодіевна.

— Мееодіевна? повторилъ бандуристъ. — Въ нашихъ краяхъ ничего про нее и не слышно. Что-жь она въ милости, что-ль, у пана гетмана?

— Еще бы не въ милости! отвѣтила узелко-подобная молодича. — Она только бровью поведетъ, такъ все сейчасъ по ей дѣлается!

— Такъ въ большой милости? Бываетъ, даетъ Господь Богъ такое счастье людямъ! замѣтилъ бандуристъ, — бываетъ.

— Да что это вы толкуете: «въ милости, въ милости», отозвался старый, сѣдовласый старикъ, у котораго глаза сверкали изъ-подъ косматыхъ бровей, какъ ярко освѣщенные окошки изъ-подъ взъерошенной соломенной кровли. — Она такая, что милостей ничьихъ не просить. Вы поглядите только на нее: пряма, какъ стрѣла, видно, что отроду ни разу ни передъ кѣмъ спины не гнула и головы не клонила.

— Что-жь, горда? спросилъ бандуристъ. — Приступу къ ней нѣтъ?

И тутъ же прибавилъ нравоучительнымъ тономъ:

— Гордость — грѣхъ. Человѣкъ гордый, что пузырь водный: сегодня вздулся, а завтра лопнулъ!

— Какое, приступу нѣтъ! возразила какая-то старуха, высокая, прямая, съ блестящими, какъ черные алмазы, глазами, — да она словно палючая искра, гдѣ ни появится, куда не попадетъ, такъ все вокругъ нея и вспыхиваетъ.

— Подожгла и папа гетмана? спросилъ бандуристъ, снисходительно переходя изъ нравоучительнаго, для обыкновенныхъ слабыхъ смертныхъ нѣсколько стѣснительнаго, тона въ шуточный.

— У нея и что ни на есть сырое дубье вспыхиваетъ, отозвался кто-то, сидѣвшій тоже на ступенькахъ церковнаго крыльца, но довольно далеко и не видный за рядами высокихъ шапокъ и широкихъ плечъ. По голосу, впрочемъ можно было съ достовѣрностью сказать, что отозвался человѣкъ молодой, крѣпкій и здоро-

вый, потому что голосъ этотъ съ успѣхомъ могъ бы замѣнить старый шинящій и свистящій соборный гадячскій колоколь.

— Что-жь, панъ гетманъ дарить ее всякими дарами, атласами и аксамитами? спросилъ бандуристъ.—Ходить она, небось, краля-кравей?

— Ее разъ казакъ встрѣтилъ, такъ попросилъ коня напоить, отвѣтила старуха съ алмазо-подобными глазами.

— Она ходитъ какъ простая молодлица, подтвердилъ одинъ изъ щеголеватыхъ казаковъ, съ необычайно длинными усами, необычайно тонкимъ и гибкимъ станомъ,—ей, хоть и старайся, такъ никакъ не послужишь, потому что она все сама умѣетъ и все сама дѣлаетъ. Она никакихъ подарковъ не принимаетъ.

— А мужъ ея что за панъ? спросилъ бандуристъ.

— Ничего, съ виду панъ какъ панъ.

— И живутъ между собой дружно?

— Дружно.

— Онъ хоть съ виду-то и ничего, а тонкая штука, сказалъ пожилой казакъ, стоявшій около бандуриста, опершись на свою дубинку, который и самъ былъ съ виду хоть и ничего, а тоже тонкая штука.

— А какіе это у васъ около Гадяча бородатые паны разгуливаютъ? спросилъ бандуристъ.—Вчера, какъ подходили мы къ городу, такъ встрѣтили двоихъ—этакіе вельможные да гордые—одна пыха! Глаза этакъ вкось да подъ поволоку, носы вверху, губу нижнюю на сажень впередъ...

— Это московскіе паны, гости пана гетмана, объяснилъ молодой гетманскій казакъ.

— Теперь еще поразѣхались, замѣтилъ его товарищъ, — а прежде ихъ еще больше у насъ гостило.

— Поразѣхались? Чего-жь такъ?

— Да кто его знаетъ, какъ-то ужъ теперь не то, что было прежде. Панъ гетманъ и подчуеъ ихъ, и ласковыя рѣчи говорить имъ, а все не то. Слышно и послѣдніе скоро уѣдутъ.

Наступило молчаніе и длилось нѣсколько минутъ.

Слышны были шаги по улицамъ, паденья дождевыхъ капель

съ садовой листвы. День занимался. Все освѣщалось, выступало изъ мрака, принимало свои настоящія очертанія, точно кто понемногу приподнималъ мгlistое покрывало.

Справа раздалась медленная, мѣрная, увѣренная походка и между деревьями появилась высокая, видная фигура въ темной рясѣ, направляющаяся къ церковнымъ дверямъ.

— Вотъ отецъ Михаилъ! Вотъ отецъ Михаилъ! пронеслось между народомъ, кто сидѣлъ, поднялись съ своихъ мѣстъ, кто стоялъ, опершись на дубинки, выпрямились.

Отецъ Михаилъ былъ, если можно такъ выразиться, чрезвычайно картиненъ. Почтенная осанка, строгія черты лица, смягченныя кроткимъ и ласковымъ выраженіемъ, сѣдая, волнистая, похожая на каскадъ борода, спокойныя движенія, пронизательныя, свѣтлыя и въ тоже время совершенно безмятежныя, сіяющія глаза,—все это представляло идеальный типъ пастыря, какихъ приходится встрѣчать чаще на картинахъ, чѣмъ въ жизни.

По тому, какъ его всѣ окружили, можно было замѣтить, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ своихъ прихожанъ.

Бандуристъ тоже подошелъ подъ благословеніе и подвелъ своего поводыря.

— Благословите, батюшка, сказалъ онъ, — мы изъ дальнихъ мѣстъ, пришли помолиться въ богоспасаемый городъ Гадячь. Благословите, батюшка, и поводырку мою. Стараемся, батюшка, жить по христіански, другъ другу помогаемъ. Я не изъ одной печи хлѣбъ ѣдалъ,—всего повидалъ на долгомъ вѣку, такъ вотъ могу ее наставить на путь житейскій истинный, а у нея рѣзвыя молодыя силы, такъ она меня, стараго, гдѣ подъ горку сведетъ, гдѣ на горку поддержитъ... Надо помогать другъ другу. Въ священномъ писаніи сказано: «носите тяготы другъ друга». Одною рукою и узла не завяжешь...

Отецъ Михаилъ, спокойно и кротно внимавшій рѣчамъ словоохотливаго бандуриста, при послѣднемъ его выраженіи не то чтобы встрепенулъ, —этого нельзя было положительно утверждать, — а какъ-то особенно пристально взглянулъ ему въ глаза.

— Да, продолжалъ словоохотливый бандуристъ, — сказано:

одна головня и въ печи гаснетъ, а ворошекъ и въ полѣ курится.

Свѣтлые, ясные глаза отца Михаила все также проищательно, пристально, кротко и безмятежно глядѣли на бандуриста.

— Хорошо рѣкѣ съ притоками, хорошо доброму воеводѣ съ...

— Разумныя рѣчи говоришь, прервалъ спокойно отецъ Михаилъ, — все доброе на землѣ держится согласіемъ православныхъ и каждый, по мѣрѣ силъ своихъ и умѣнья, обязанъ помогать ближнему. Издалека Богъ принесъ къ намъ?

— Да почти-что всю Украину исходилъ, пока сюда добрался.

— Трудно теперь по дорогамъ?

— Голому разбой не страшень, — всюду проходили благополучно.

— А каковы жита?

Отецъ Михаилъ спросилъ это тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, но съ какою-то особой медленностію и внятностію.

— Такія жита, что хоть зелеными жать, такъ можно, отвѣтилъ странствующій бандуристъ, своимъ обычнымъ, безопасно-наставительнымъ тономъ, который вошелъ у него, казалось, въ привычку, но тоже какъ-то особенно внятно и медленно.

— Панъ гетманъ! Панъ гетманъ! вскрикнули щеголеватые казаки.

Всѣ обратили глаза въ ту сторону, откуда слышался стукъ колесъ и топотъ борзыхъ коней.

Отецъ Михаилъ прошелъ въ церковь.

Видъ пана гетмана и пани гетманши былъ внушительнъ, какъ слѣдуетъ: атласы, аксамиты, золотыя занястья и вышивки, драгоценныя каменья и яркія цвѣта достоительно соединялись съ вельможной тучностію, спѣсивостію, развалистой походкою и изнѣженнымъ, блѣднымъ цвѣтомъ лица.

Они величаво, какъ двѣ тяжело нагруженныя ладьи, проплыли во внутренность церкви, милостиво кивая головами въ отвѣтъ на почтительные низкіе поклоны простаго люда.

Не взирая на эту величавость, нѣкоторые, вѣроятно ближе и лучше изучившіе пана гетмана, нашли въ немъ, на этотъ разъ, что-то необычное.

— Панъ гетманъ сегодня пасмурень! сказалъ одинъ.

— Панъ гетманъ сегодня не весель, сказалъ другой.

— Что это панъ гетманъ начинаетъ задумываться? задалъ вопросъ третій.

— Я его встрѣтила въ четвергъ, ѣхаль съ хутора, вмѣшалась круглая крохотная молодица, похожая на узелокъ,—такъ онъ такой ѣхаль, точно хмара! Поводья опустилъ, голову наклонилъ, а брови такъ чуть не перекрестились! И такой онъ былъ...

Но дальнѣйшее описанье прервалось появленьемъ новыхъ двухъ лицъ.

— Братчиха! братчиха! прошумѣло кругомъ.

Бандуристъ обратилъ глаза на братчиху.

Сравненье съ «палючею искрою» было сравненье не дурное, а предположенье, что эта прямая, какъ стрѣла, спина отроду ни передъ кѣмъ не гнулась, что эта смѣлая голова никогда ни передъ кѣмъ не клонилась имѣло, несомнѣнно, много вѣроятія.

Когда братчиха ступила на ступеньку церковнаго крыльца, поводырка странствующаго бандуриста остановила ее тихонько за широкой рукавъ сорочки.

— Пани, сказала поводырка, хустку обронули.

И протянула ей красную хустку.

Высокая стройная фигура пріостановилась, обернулась, глянула на красную хустку, на державшую ее дѣвочку, взяла хустку и сказала:

— Спасибо, дѣвчина.

Видно было, что нервы у нея были крѣпкія, что она не вздрогнетъ при какой бы то ни было неожиданности, не вскрикнетъ отъ какого бы то ни было испуга или изумленія, что темные, большіе, глубокіе, какъ море глаза, прямо глянуть на все и также мало померкнуть или зажмурятся какъ яркія звѣзды, озаряющія съ высоты грѣшную землю.

— Какъ тебя зовутъ, моя ясочка? спросила она. Ты, кажется, не здѣшняя?

— Нѣтъ, я издалека.

— Издалека? То-то ты такая измореная! Откуда же ты?

Братчиха.

— Ей и не припомнить всѣхъ селъ и хуторовъ, черезъ которые мы проходили, ласковая пани, вмѣшался бандуристъ. Повидали мы всего, и добра и лиха, и правды, и кривды, бродили по берегамъ, и по болотамъ,—ну да, благодаренье Господу милосердному, выбрались таки на добрый шляхъ. Криво запрягли, да прямо поѣхали.

— Ну и слава Богу, отвѣтила братчиха. Вы придите на гетманскій дворъ, прибавила она, — какъ гетманъ и пани гетманша любятъ слушать божественные псалмы.

Съ этими словами, она скрылась въ дверяхъ храма.

Когда она скрылась, тогда сталъ очень замѣтенъ стоявшій тутъ и внимательно слушавшій панъ, — братчикъ, о которомъ старый казакъ гогорилъ, что онъ съ виду ничего, а тонкая штука.

— Приходите на гетманскій дворъ, повторилъ панъ братчикъ.

Бандуристъ низко поклонился и отвѣтилъ:

— Спасибо ласковому пану за милость. Послѣ службы сейчасъ придемъ.

Изъ внутренности собора уже раздался спокойный сильный голосъ отца Михаила, запахло ладаномъ, грянулъ хоръ голосистыхъ пѣвчихъ.

Заутреня началась и всѣ разомъ двинулись въ старое соборное зданіе, задѣвая локтями и плечами многочисленныхъ чертей, подкладывающихъ уголья подъ грѣшниковъ и грѣшницъ, пручающихся, съ разинутыми ртами и выпученными глазами, на огнѣ, и, такимъ образомъ, наглядно представляющихъ страшное будущее тѣхъ слабыхъ смертныхъ, которые не въ силахъ противостоятъ земнымъ соблазнамъ.

XX.

День былъ томительно зноенъ, не смотря на то, что капли вчерашняго, обильно пролившагося дождя искрились на травѣ и какая-то молодая, чернобровая казачка, разговаривая съ чернобровымъ и молодымъ, какъ сама, казакомъ, повѣрившимъ ей, по всемъ видимостямъ, какія-то чрезвычайно для него интересныя и важныя вещи, вдругъ обдала своего собесѣдника градомъ теплыхъ, чистыхъ, сверкающихъ капель, незамѣтно потянувъ густолиственную, цвѣтущую вѣтку старой, раскинувшейся широкимъ шатромъ калины, подъ которой они стояли.

Испуганный казакъ подскочилъ съ несвойственною ему, судя по средоточенному и рѣшительному виду, какой представляла до того его физиономія, стремительною, а лукавая красавица, звонко захохотала, отирая вышитымъ рукавомъ бѣлоснѣжной сорочки свѣжую щеку, на которую тоже попали брызги.

Гадячскія улицы издали представляли изъ себя пособіе черныхъ бархатныхъ лентъ, перехваченныхъ мѣстами блестящими запястьями и отороченныхъ ярко-зеленой бахромой, вблизи — размяченный дождемъ черноземъ, окаймленный густой муравой и испещренный довольно глубокими лужицами.

Безпрестанно слышался стукъ отпираемыхъ и запираемыхъ дверей и въ воздухѣ далеко разносились разноголосныя привѣтствія, которыми встрѣчали хлѣбосольные хозяева своихъ праздничныхъ гостей.

Не только ослѣпляло солнце своимъ золотымъ блескомъ, но ослѣпляло и небо своей яркой лазурью, отчего черныя тучи, надвигавшіяся съ запада, казались еще чернѣе и края ихъ вырѣзывались еще рѣзче.

— Къ ночи будетъ сильная гроза, проговорилъ панъ гетманъ.

И проговорилъ это панъ гетманъ съ такимъ безпокойствомъ, и при этомъ такой тяжелый вздохъ вырвался у него изъ груди, что сидѣвшій напротивъ него за столомъ русобородый московскій бояринъ, спросилъ:

— Панъ гетманъ видно боится грозы?

— Проявленіе силы Господней, а потому каждый христіанинъ долженъ трепетать, отвѣтилъ панъ гетманъ задумчиво.

— Господь милостивъ, авось помилуется! сказалъ московскій русобородый бояринъ. А тучи надвигаются большія!

— Да, большія, подтвердилъ панъ гетманъ, взглянувъ разсѣянно на темную гряду облаковъ, которыя быстро надвигались на яркую синеву неба.

Панъ гетманъ каждое слово выговаривалъ какъ-то вяло, не охотно, часто проводитъ пальцами по лбу, словно чувствовалъ тутъ какую несносную боль; потускнѣвшіе глаза его обращались все куда-то въ даль, на всемъ его полномъ, откормленномъ лицѣ, да и нетолько на лицѣ, даже на всей массивной, ожирѣвшей фигурѣ лежалъ отпечатокъ какой-то внутренней тревоги и утомленіе, — утомленія, явившагося, быть можетъ, слѣдствіемъ вышепоименованной тревоги, невыносимой для изнѣжившагося пана.

На сколько панъ гетманъ былъ вялъ, разсѣянъ и озабоченъ, на столько же его собесѣдникъ и гость, русобородый московскій бояринъ, былъ оживленъ, юрокъ и безпеченъ.

Массивная, неповоротливая фигура пана гетмана казалась еще массивнѣе и неповоротливѣе въ сравненіи съ его плотной, но вертлявой и гибкой фигурой, полузакрытые глаза пана гетмана еще тусклѣе и безжизннѣе въ сравненіи съ его разбѣгающимися во всѣ стороны, пытливыми, блестящими глазами.

Когда онъ снова повторилъ, вскинувъ безпечно своими блестящими глазами на надвигавшіяся тучи и поглаживая бѣлой ру-

кой свою русую бородку «авось Господь помилуетъ,» онъ какъ бы выразилъ этой фразой весь свой характеръ.

Можно было навѣрное сказать, что въ немъ хватить и сметливости, и находчивости, и проницательности на десятерыхъ, но что надъ всѣмъ этимъ преобладаетъ беззаботное «авось,» которое заправляетъ всѣмъ остальнымъ.

Можно было поручиться, что въ виду, напримѣръ, переправы черезъ пропасть по тонкой, пляшущей жердочкѣ, онъ отлично пойметъ и сообразитъ всѣ послѣдствія подобной переправы, но встряхнувъ кудрями, скажетъ «авось переберусь!» и отправится.

И не только въ томъ случаѣ, если благополучно переберется, то даже въ томъ, если поломаешь кости, но уцѣлѣетъ голова, онъ опять при первой же оказіи также тряхнетъ кудрями, также скажетъ «авось переберусь» и также беззаботно отправится.

— Всѣ мы люди грѣшныя, возразилъ панъ гетманъ и никто изъ насъ не можетъ сказать: сегодня я не получу за грѣхи свои должнаго возмездія!

Панъ гетманъ сказалъ это докторальнымъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятся подобныя вещи, но въ докторальности его проглядывали скорѣе раздражительность трусливаго вельможи, чѣмъ сокрушеніе христіанина.

— Господь долго грѣхамъ терпѣть, отвѣтилъ московскій бояринъ, видимо считая своей обязанностью при этихъ словахъ поднять свои блестящіе, живые, разбѣгавшіеся во всѣ стороны глаза къ небу, но на полъ-пути къ сіяющему эфиру опуская ихъ на вившуюся по широкому двору тропинку, по которой медленно приближался старый бандуристъ съ загорѣлой дѣвочкой, въ вѣнкѣ изъ свѣжихъ цвѣтовъ.

Глаза пана гетмана, искоса устремившіеся на собесѣдника, въ ту же минуту обратились по направленію его взгляда тоже на тропинку, и странно подѣйствовало на него появленіе стараго бандуриста: вялое апатичное лицо его вдругъ вспыхнуло, потомъ поблѣднѣло и губы слегка задрожали; онъ поспѣшно провелъ рукою по лбу, заморгалъ и тревожно, пытливо глянулъ на московскаго боя-

рина, какъ бы желая прочесть на его лицѣ не закралось ли къ нему въ душу какое подозрѣніе.

Но лицо московскаго боярина, на которомъ, кстати можно сказать, читать было возможно только съ его боярскаго позволенія, ничего не выражалось, кромѣ того празднаго, скучающаго любопытства, какое одолѣваетъ людей, долго проживающихъ въ глуши и уединеніи, или долгое время вращающихся въ средѣ, давнымъ давно ими вдоль, поперекъ и насквозь узнанной и не представляющей уже для нихъ равно никакого интереса.

Не нашедъ на лицѣ московскаго боярина ничего для себя знаменательнаго, панъ гетманъ опустилъ рѣсницы на свои руки, сложившіяся тѣмъ манерамъ, какимъ ихъ онѣ складываются у духовныхъ или у очень набожныхъ особъ, получившихъ привычку не только къ молитвѣ, но и къ сценическому, если можно выразиться, ея проявленію, и въ этомъ положеніи впалъ, казалось, въ глубочайшую задумчивость, или точнѣе въ набожныя размышленія, уносяція изъ міра грѣшной дѣйствительности въ міръ горній, который благочестивое воображеніе щедро населяетъ двукрылыми ангелами и херувимами, шестикрылыми серафимами, чудеснымъ блескомъ, божественнымъ сіяніемъ и райскою музыкой.

И такъ глубоко задумался панъ гетманъ, такъ всецѣло унесся въ иной, лучшій міръ, что московскій бояринъ долженъ былъ дважды повторить:

— Панъ гетманъ, нищіе пришли. Панъ гетманъ! пришли нищіи!

Панъ гетманъ, наконецъ, очнулся, обратилъ глаза на пришедшихъ нищихъ, милостиво наклонилъ свою вельможную голову въ отвѣтъ на ихъ низкіе, чуть не до самой земли, поклоны, позвалъ казака, стоявшаго въ ожиданніи гетманскихъ приказаній за дверями, и протяжнымъ, благодушнымъ голосомъ отдалъ распоряженіе угостить пришельцевъ.

— Позволить ли яснѣ-вельможный панъ гетманъ сыграть и спѣть старому бандуристу? почтительно спросилъ старый бандуристъ, сопровождая каждое слово или низкимъ поклономъ, или такимъ смиреннымъ взглядомъ, который стоитъ всякаго низкаго поклона.

Пань гетманъ милостиво позволилъ, и пригласилъ усталаго пѣвца сѣсть.

Пань гетманъ даже простеръ свою милостивую внимательность до того, что указалъ бѣлою вельможною рукою на мѣсто, гдѣ сѣсть, прибавивъ:

— Тутъ не печеть солнце.

Бандуристъ, выразивъ съ подобающимъ почтеніемъ свою смиренную признательность за милостивую ласку ясновельможнаго пана гетмана, сѣлъ на указанномъ мѣстѣ, на ступеньку, въ углу *рундука* и очутился совершенно въ тѣни; московскому боярину, довольно внимательно разсматривавшему стараго нищаго, остались видны только часть его сѣдой бороды, могучее плечо, покрытое ветхой и грубой, но бѣлой, какъ только что выпавшій снѣгъ, полотняной сорочкой, да носокъ громаднаго сапога, являвшій выразительные слѣды постоянныхъ путешествій и по пыльнымъ, и по грязнымъ дорогамъ; вся фигура и лицо только мелькали пыльными пятнышками сквозь зеленую частую сѣть мелколистой старой груши, такъ низко раскидывавшейся надъ всѣмъ рундукомъ, что нѣкоторыя вѣтви касались пола своей блестящей зеленью.

— Надѣнь шапку, старче, сказалъ милостивый пань гетманъ.

Московскій бояринъ, какъ бы машинально приподнявшій грушевую вѣтку, опустилъ ее опять, — тоже какъ бы машинально, — и обратилъ глаза на дѣвочку, спутницу стараго бандуриста.

Ее московскому боярину удобно было разсматривать: она помѣстилась какъ разъ напротивъ, да еще кромѣ того солнечный лучъ падалъ на нея сверху.

Бандура заиграла и пѣнье раздалось.

«Ой раю пресвітлый, ой раю прекрасный! пѣлъ благочестивый старецъ.

При первыхъ же звукахъ показались вельможная пани гетманша и пани братчиха, тихо заняли мѣста поодаль и тоже стали слушать торжественное пѣнье псалмовъ.

Обѣ женщины сидѣли со сложенными руками, въ одинаково смиренной позѣ, съ опущенными въ землю глазами, являя собою

типъ знатныхъ невольницъ, но по всѣмъ вѣроятіямъ никогда двѣ личности одного пола и почти одного возраста не представляли столь совершеннаго контраста.

Красивое барское лица вельможной пани гетманши носило на себѣ яркую печать долгой скуки и тоски, что-то въ родѣ того недоразумѣнья, какое является у дѣтей послѣ того, какъ талантливый учитель искусно объяснилъ имъ непонятный, дотолѣ казавшійся несноснымъ, но внезапно, неожиданно исполнившійся интереса, урокъ, степень того дѣтскаго неопытнаго, непривычнаго раздумья, которое еще не можетъ идти далѣе тревожныхъ «какъ же это?» «неужто!» такъ вотъ какъ!» и безпокойство мирной домохозяйки, нечаянно пустившейся въ неизвѣстный, преисполненный опасностями, путь.

Лицо пани братчихи отличалось спокойствіемъ, но это спокойствіе можно было сравнить съ спокойствіемъ знойнаго лѣтняго дня, какой тогда былъ: все цвѣтеть, благоухаетъ, дышетъ тысячью жизней, нѣтъ порывовъ вѣтра, неслышно громовыхъ раскатовъ, не сверкаетъ молнія, но вы знаете, что мгновенно можетъ все кругомъ потемнѣть и можетъ разыгратъ такая гроза и буря, которая многое уничтожитъ изъ окружающей цвѣтущей прелести.

«Ой раю пресвѣтлый, ой раю прекрасный» пѣлъ старый бандуристъ.

— Дѣвочка, какъ тебя зовутъ? спросилъ московскій бояринъ маленькую спутницу сѣдовласаго пѣвца.

У московскаго боярина голосъ былъ вообще мягкій, но теперь, когда онъ понизилъ его, вѣроятно не желая мѣшать прочимъ наслаждаться пѣньемъ псалмовъ, онъ сталъ совсѣмъ бархатный; лицо у московскаго боярина было вообще привѣтливое, но теперь, вѣроятно для приданія бодрости маленькой нищенкѣ, къ которой онъ удостоилъ обратить свое боярское милостивое слово, оно превратилось въ одно ласковое добродушіе и, казалось, говорило: «коли ты умница дѣвочка, такъ ужъ у меня за прыниками дѣло не станетъ!»

Не взирая на это, ясные глаза дѣвочки обратились на московскаго боярина недоувѣрчиво, она ничего не отвѣтила на его ласко-

вый вопросъ и, по видимому, нисколько не польстилась на великіе посулы, которые давала ей его выразительная фізіономія.

Московскій бояринъ снисходительно повторилъ свой милостивый вопросъ:

— Какъ тебя зовутъ, дѣвочка?

Дѣвочка опустила глаза и отвѣтила:

— Марусею.

— Марусею? промолвилъ московскій бояринъ, какъ бы желая выразить: «ну коли Марусею, такъ это отлично и тебѣ горевать не о чемъ».

— Изморилась, Маруся, а? продолжалъ онъ.

Маруся опять не отвѣтила, и онъ снова долженъ былъ повторить свой вопросъ, что, впрочемъ, его ни мало, казалось, не раздражало, потому что, получивъ наконецъ въ отвѣтъ: «изморилась», онъ съ той же благосклонностью спросилъ:

— Дорога далекая, а? Вы откуда идете?

И опять дикарка-мужичка не отвѣтила сразу, и опять онъ съ той же неизмѣнной милостивой благосклонностью повторилъ:

— Далекая дорога? Вы откуда, а?

— Не знаю.

Въ эту минуту голосъ стараго пѣвца смолкъ и раздался только одинъ пріятный, звонкій ритурнель на бандурѣ.

Панъ гетманъ, до сихъ поръ всецѣло отдавшійся елушанью божественнаго псалма, какъ бы очнулся, поднялъ голову и глаза его встрѣтились съ глазами именитаго гостя.

— Душеспасительно послушать! промолвилъ панъ гетманъ, какъ бы про себя.

— Душеспасительно, подтвердилъ именитый гость.

Затѣмъ, вставая съ мѣста и обращаясь къ бандуристу, онъ спросилъ:

— А не знаешь ли ты, любезный человѣкъ, какъ поется стихъ про разбойника придорожняго?

— Нѣтъ, вельможный панъ, не знаю такого, отвѣтилъ бандуристъ. — Вотъ про поповича знаю, и про невольника знаю, и про вдову...

— Ты поучись про разбойника: хорошъ стихъ! перебилъ московскій бояринъ.—Славныя гусли какія у тебя! А ну-ка, дай поближе поглядѣть.

— Извольте, вельможный панъ, глядите, отвѣчалъ добродушный бандуристъ, подавая бандуру боярину.

Повертывая въ рукахъ не хитрый инструментъ, бояринъ присѣлъ около стараго пѣвца, ступенькой повыше и опять повторилъ:

— Славныя гусли! Славныя гусли!

Расхваливая гусли, онъ глядѣлъ однако не на нихъ, а прямо въ лицо ихъ владѣтеля.

Но владѣтель, хотя человѣкъ по всѣмъ видимостямъ чрезвычайно скромный, ни мало однако не смущался пристальными боярскими взглядами.

Съ подобающимъ почтеніемъ, но совершенно свободно, объяснялъ онъ любознательному боярину устройство своего инструмента, и не только не выказывалъ желанья прекратить часто смущающій простаго человѣка разговоръ съ высоко поставленной особою, но даже увлекался и вводилъ въ свою рѣчь совсѣмъ посторонніе эпизоды, какъ изъ своей страннической жизни, такъ и изъ жизни своихъ товарищей по искусству.

— Вы не знавали Семена Бруя? добродушно спрашивалъ онъ.— Неужто не знавали? Эдакій высоченный, чернобровый старикъ, — длинный эдакій носина и кривъ на лѣвое око? Такъ-таки вы его нигдѣ и не встрѣчали? Дивно мнѣ. Его, куда ни пойдешь, вездѣ встрѣтишь. И не знаете его? И не слышали про него? Онъ мнѣ встрѣтился на той недѣлѣ въ Бобрикахъ. «Э!» говорю, «бѣса тѣшишь, Семене?» А онъ, видите, добродію, играетъ молодежи «Добру жинку». Онъ, добродію, бѣдовый человѣкъ: на троихъ женатъ былъ... Такъ вотъ у него бандура чудовая! Изъ такого дерева, добродію, эта бандура сдѣлана, что играетъ, что хочетъ. Самъ, добродію, своими, вотъ этими ушами слышалъ (при этомъ бандуристъ дотронулся до своихъ ушей), какъ Семень говоритъ: «Спою вамъ про Ярему» — хватъ! бандура играетъ про Голоту! Колдовская бандура! Ее, говорятъ, колдунъ и дѣлалъ. И ужъ у кого совѣсть не чиста, тотъ лучше и не подходи слушать—опо-

зорить на всю громаду! Такъ и начнетъ наигрывать: «ты воръ, ты чужихъ жинокъ обольщаешь, ты постовъ не держишь», —одно слово: что кому слѣдуетъ, тѣмъ и угостить.

— И тебѣ наигрывала эта бандура, любезный человѣкъ? спросилъ бояринъ, слушавшій бандуриста съ благосклоннымъ вниманіемъ.

— И мнѣ наигрывала, добродію.

— Что-жъ такое тебѣ она наигрывала? Небось: «Человѣкъ божій, правдивецъ переходжій!» Э?

— Нѣтъ, добродію, со вздохомъ сердечнаго сокрушенія отвѣтилъ бандуристъ, — нѣтъ! Я человѣкъ грѣшный. Дѣло тогда было въ пятницу, пришелъ я издалека, изморился, голодный такой, что меня свело въ три погибели, — и попуталъ меня бѣсъ... Попуталъ, добродію, попуталъ! Захожу въ шинокъ, выпилъ чарку, осматриваюсь — колбаса лежитъ. И такая колбаса, добродію, что и не сказать! И глядитъ эта колбаса прямо на меня — ей Богу, добродію, — такъ вотъ и глядитъ, такъ вотъ и глядитъ... И слышу шепчуть мнѣ: «сѣшь, сѣшь, — отроду такой не пробовалъ!» Я туда, сюда, — нѣтъ! чую, ужъ по губамъ меня мажетъ — эдакъ тихонько, такъ что животъ замираетъ... И сѣлъ я, добродію. Самъ не знаю, какъ сѣлъ, а сѣлъ... И что-жъ вы думаете? Только что я подошелъ, Семенова бандура и давай нажаривать: «Колбасу ѣлъ, колбасу ѣлъ, колбасу, колбасу, колбасу...» Такъ я и сгорѣлъ со стыда... Такъ и сгорѣлъ...

— А какъ думаешь, любезный человѣкъ, коли у кого нѣтъ колдовской бандуры, такъ тому ужъ и не узнать, что ты ѣлъ колбасу, а? съ милостивой шутливостью спросилъ бояринъ.

— Въ священномъ писаніи сказано: «нѣтъ такого тайнаго дѣла, что бы оно, рано или поздно, не вышло на чистую воду», отвѣчалъ бандуристъ, — а все-таки мы, грѣшники (я не про васъ это, добродію, говорю), вдоволь настраиваемъ всякихъ тайныхъ штукъ! Иной такой строитель весь свой вѣкъ такія хоромы выводитъ, что бѣсъ отъ радости только за животъ хватается, а все шито и крыто. Но, прибавилъ бандуристъ докторальнымъ торжественнымъ тономъ,

коли не на этомъ, то на томъ свѣтѣ, всякому злему дѣянію воздастся должная плата!

— Платятъ иному и на этомъ свѣтѣ, замѣтилъ бояринъ не столь докторальнымъ, какъ значительнымъ тономъ.

— Платятъ, добродію, платятъ, отвѣтилъ бандуристъ ни чуть не знаменательнымъ, но просто тѣмъ довольнымъ, торжествующимъ тономъ, какимъ благочестивые люди предсказываютъ кару язычникамъ и грѣшникамъ.

— Платятъ, платятъ, повторилъ бояринъ.

Казалось боярина, празднаго и скучающаго, очень занялъ странствующій пѣвецъ и бесѣда съ нимъ забавляла капризнаго въ своихъ благосклонности и презрѣніи вельможу.

Панъ гетманъ, сидя по прежнему съ сложенными руками, однако не представлялъ уже человѣка, унесшагося въ міръ горній, — совершенно напротивъ: его, казалось, обуяла страшная тревога и отъ времени до времени, пользуясь тѣмъ, что именитый гость стоялъ къ нему спиною, онъ обращалъ, какъ бы взывая о помощи, испуганные глаза на пана братчика, тихо вышедшаго тоже на рундукъ и спокойно, повидимому, слушавшаго бесѣду боярина съ бандуристомъ и своимъ спокойствіемъ какъ бы говорившаго пану гетману:

— Пока еще ничего, пока еще нечего пугаться. Увидимъ, что дальше будетъ.

Но еще чаще панъ гетманъ обращалъ взывающіе о помощи глаза на пани братчику и, получая на свои десять растерянныхъ взглядовъ одинъ, приводящій его мгновенно въ себя, тихонько вздыхалъ, потиралъ лобъ рукою и старался принять на себя видъ, приличный мужу высокаго сана.

Пани гетманша, видимо не разумѣющая, но инстинктивно чувствующая, что всѣ тайно знаяты чѣмъ-то важнымъ, что гдѣ-то кроется близкая опасность, нѣкоторое время наблюдала за всѣми, но потомъ, какъ бы сознавъ тщету своихъ набюденій, снова погружилась въ смиренную задумчивость, представлявшую большое сходство съ дремотой.

Неизвѣстно, долго ли еще продлилась бы бесѣда боярина съ

странствующимъ пѣвцомъ, если бы пани братчиха не встала съ своего мѣста и, проходя въ садъ, не потревожила боярина, который какъ разъ помѣстился на дорогѣ.

— Позвольте пройти, сказала пани братчиха съ почтительнымъ низкимъ поклономъ.

Бояринъ поспѣшно, даже стремительно далъ ей дорогу, красивое лицо его очень замѣтно вспыхнуло и онъ, какъ бы застигнутый въ распахъ чѣмъ-то неожиданнымъ, долго смотрѣлъ вслѣдъ стройной фигурѣ, спокойно исчезавшей въ густой зелени цвѣтущаго сада.

Затѣмъ онъ снова обратился было къ бандуристу, но только взглянулъ на него, а уже не вымолвилъ ни слова.

Находчивымъ, смѣливымъ, безпечнымъ бояриномъ вдругъ овладѣла какая-то неотступная забота, — нельзя сказать чтобы забота только тяжелая, потому что лицо его не разъ вспыхивало и оживлялось чѣмъ-то радостнымъ.

— А что, давно ты былъ въ Чигиринѣ? спросилъ онъ бандуриста, обративъ на его лицо тотъ неопредѣленный взглядъ, которымъ смотрять люди всецѣло занятые своими дѣлами и только машинально произносящіе какія-нибудь, утратившія для нихъ интересъ, слова.

— Э, въ Чигиринѣ теперь трудно пробраться, добродію, отвѣчалъ бандуристъ, — по всюду войско, яхи, татарва... По всему шляху такъ и зыгзаютъ пули... Кому бѣлый свѣтъ опостылѣлъ, тотъ пусть только туда двинется: — его дѣло справлено. Я, признаться, и то перетрухнулъ порядкомъ. Наслушался всякихъ такихъ рассказовъ про тамошнюю рѣзню отъ одного земляка, Ивана Дудника, иду и раздумываю: «а что коли на меня наскочитъ какой-нибудь нехристь?» И вдругъ слышу земля гудеть. Глядь — прямо на меня несется что-то черное. А я шель степнымъ шляхомъ, — кругомъ только степь безъ края. Вижу я, несется что-то черное, а за нимъ другое, за другимъ третье, пятое, десятое — мнѣ помешалась цѣлая орда. Ну, думаю, пришелъ мой конецъ! А все-таки присяду въ траву — можетъ пронесетъ ихъ дидько. И пластомъ, эдакъ, на землю. Растянулся и лежу — не дышу, а самъ думаю:

«а ну какъ растопчуть?» И вотъ слышу храпнть что-то около самаго моего праваго уха и траву рветъ, и все ближе, ближе, ближе... Я такъ и замеръ... Только что я выговариваю: «Господи! отпусти мои согрѣшенія!» какъ меня кто-то рванетъ за чубъ. Я рывкнулъ на всю степь...

Что-жъ вы думаете, добродію? Это какая-то проклятая телка такого страху мнѣ задала и чуть чубъ не откусила. Изъ погорѣлыхъ хуторовъ весь скотъ загнали въ степь и скотъ этотъ тутъ одичалъ. Телки затѣяли игру, побѣгали себѣ, да и стали пастись, и одна вотъ чуть не попаслась моимъ чубомъ... Перетрухнулъ я тогда! Вотъ ужъ правду-то говорятъ, что у страха очи по яблоку! Да какъ его не испугаться, коли страшно? И не хочешь, да испугаешься. И самые храбрые храбры только до поры до времени. Вотъ былъ у меня землякъ,—онъ ужъ теперь умеръ, царство ему небесное, мѣсто покойное, пускай его душенька тамъ прохлаждается между райскими цвѣтами да сладкими медами!—и землякъ этотъ ничего на свѣтѣ не боялся. Только разъ...

Тутъ бояринъ, слушавшій всю предъидущую рѣчь разсѣянно, перебилъ стараго бандуриста.

— Дѣвочка твоя изморилась, промолвилъ онъ.

— Изморилась, добродію, отвѣтилъ бандуристъ.

— На тебѣ грошикъ, купи себѣ пряникъ, сказалъ бояринъ дѣвочкѣ.

Онъ протянулъ ей нѣсколько монетъ.

— Что-жъ не берешь? Ты живая, или каменная, а?

Дѣвочка сидѣла все время такъ тихо и неподвижно, что ее въ самомъ дѣлѣ можно было принять за каменную, если бы не ея ясные глаза, да не живой, ярко вспыхнувшій на загорѣлыхъ щекахъ румянецъ.

— Благодари, Маруся, благодари пана, сказалъ бандуристъ.— Она у меня застѣнчивая, добродію, глухая, вы ее простите... Благодари Маруся пана, благодари!

Маруся встала и поклонилась.

Но благосклонный вельможа, наградившій ее щедрымъ подаяніемъ, уже не видалъ этого благодарственнаго поклона.

Какъ бы движимый какою-то непреодолимою силою, онъ направился къ дверямъ во внутреннія свѣтлицы.

На порогѣ онъ однако остановился, оглянулся на пана гетмана, ясно увидалъ на его лицѣ то выраженіе, какое бываетъ у чело вѣка, наконецъ освободившагося отъ душившей его петли, отлично уразумѣлъ это выраженіе, взялся рукой за притолку, какъ бы желая удержаться этимъ искусственнымъ средствомъ на своемъ посту и на губахъ его появилась улыбка, выразительно говорившая:

— Эхъ вы! вамъ ли обморочить меня?

Но въ это время изъ глубины сада донеслось пѣніе. Мягкій низкій голосъ пѣлъ украинскую пѣсню:

Тиха вода береги понимаю,
Великій панъ до мене прибуває.

А у мене думу
Якъ на морі шуму...

При первыхъ же звукахъ этого голоса боярскіе пальцы, сначала такъ крѣпко уцѣпившіеся, что совершенно побѣлѣли, вдругъ ослабѣли, разжались, на боярскомъ лицѣ мелькнуло: «Пропaday все на свѣтѣ, а я уцѣплюсь этимъ хмѣлемъ!» и, тряхнувъ своими роскошными русыми кудрями, бояринъ скрылся.

XXI.

— Что, далеко еще идти? спросила Маруся.

— Утомилась, ясочка? спросилъ сѣчевикъ.

— Нѣтъ, не утомилась. Я только хочу знать, далеко-ли еще идти.

— Не далеко. Вонъ, видишь впереди, направо, лѣсъ? Въ этомъ лѣсу мы и отдохнемъ. Да, можетъ, утомилась, а?

— Нѣтъ, нѣтъ,—право нѣтъ!

Но онъ все-таки наклонился и заглянулъ нѣжно и заботливо въ загорѣлое личико.

— Не утомилась? повторилъ онъ. Кто лукавить, знаешь, что тому бываетъ на томъ свѣтѣ? Не доведется тебѣ горячую сковородку лизнуть, а?

— Не доведется, отвѣтила Маруся и бѣлые ея зубки свернули изъ-за свѣжихъ устъ.

Подумавъ съ минуту, она обратила свои темные, сіяющіе глаза на спутника и прибавила:

— Да я лучше лизну, чѣмъ останавливаться.

— Я полагаю, лучше вотъ такъ сдѣлать, отвѣтилъ онъ.

И, наклонившись, поднялъ юную софистку на рукахъ и понесъ ее, какъ легкое перышко.

— Нѣтъ, нѣтъ... вскрикнула она. Я сама пойду, я сама...

Но могучія руки крѣпко ее придержали и тихо сказанныя слова: «сиди смирно, моя ясочка!» уничтожили всякое сопротивление. Она обняла смуглую, какъ темная, полированная бронза и, каза-

лось, какъ бронза крѣпкую шею и прилегла головой къ богатырскому плечу.

День начиналъ клониться къ вечеру, и не было уже полдневнаго палящаго зноя; дорога, или правильнѣе говоря, тропинка, шла то по полю, по узенькимъ межамъ между высокимъ, густымъ, какъ очереть, житомъ, то по небольшимъ дубравкамъ, преисполненнымъ цвѣтовъ, гнѣздъ, благоухающей, разноголосныхъ и разноперыхъ птицъ, радужныхъ бабочекъ, дикихъ пчелъ, изумрудныхъ кузнечиковъ, золотыхъ иглъ лучей и прохлады. Время отъ времени гдѣ нибудь вдали показывалась колокольня сельской церкви, сверкало озерцо, рѣчка или прудъ, разстилался, какъ темный бархатъ, широкой лугъ, виднѣлась деревня, блистающая бѣлыми хатами, пестрѣющая цвѣтущими огородами, зеленѣющая садиками или бѣлѣла изъ-за деревьевъ одинокой хуторокъ.

— Видишь, сколько *волошекъ* и *куколю* въ житѣ? сказалъ сѣчевикъ.

И несказанно мягко было выраженіе его закаленного и непогодамъ и суровой жизнью лица, когда онъ пріостановился и показывалъ уютившейся на его сильныхъ рукахъ дѣвчкѣ бархатистыя чашечки синихъ васильковъ и малиноваго куколю, мелькающія между сплошными, прохваченными солнцемъ, блѣднозелеными колосьями ржи.

— Знаешь, что, Маруся? Здѣсь стоитъ присѣсть да вѣнокъ сплести! продолжалъ онъ. Славный вѣнокъ будетъ! Такой славный, что и не сказать!

Говоря это, онъ бережно спустил дѣвочку на землю, тихонько посадилъ ее на темную мураву межи и, протянувъ свою длинную, могучую руку въ жито, началъ рвать васильки и куколь, оглянувшись на нея съ улыбкой и промолвивъ:

— Ты сиди смирно, Маруся!

Маруся сидѣла смирно и слѣдила за каждымъ его движеніемъ, а онъ время отъ времени оборачивался къ ней и, показывая цвѣтокъ, вырванный съ корнемъ непривычной къ такому деликатному занятію, рукой, смѣялся и весело критиковалъ свое неуклюжество.

— Вотъ оно! говорилъ онъ, — заставь дурня богу молиться,

такъ онъ и лобъ разшибеть! Ловкій я молодець! Другого такого ловкача и не найди! Пошли медвѣдя гоняться за перепелками, такъ и медвѣдю, пожалуй, до моей легкости и до моего проворства далеко...

— Довольно, довольно, сказала Маруся, собирая обсыпавшіе ее со всѣхъ сторонъ цвѣты.

— А можетъ еще? возразилъ сѣчевикъ. Вотъ славный цвѣточекъ,—пышный такой, что диво!

Онъ протянулъ ей василекъ, въ самомъ дѣлѣ отличающійся особой величиной и свѣжестью, а затѣмъ сѣлъ съ нею рядомъ и съ большимъ вниманіемъ и интересомъ началъ слѣдить то за работой загорѣлыхъ ручекъ, быстро и искусно сплетающихъ цвѣты въ вѣнокъ, то за измѣненіями личика, наклоненнаго надъ этой работой.

— О чемъ задумалась, Маруся? спросилъ онъ. Что вспомнила?

Или онъ былъ очень хорошей чтецъ фізіономій, или хорошо изучилъ эту фізіономию, только онъ не ошибся.

— Я вспомнила, какъ мы плели вѣнки дома, отвѣтила Маруся.

— Тоскуешь по своимъ?

— Нѣтъ, ничего...

Но плетенье вѣнка внезапно пріостановилось, потому что большіе темные глаза застлались слезами.

— Очень тоскуешь, мое сердце?

Слезы крупныя, обильныя быстро покатались по щекамъ, ручки выпустили цвѣты и быстро закрыли личико, изъ груди вырвалось тихое рыданье.

Однако она скоро побѣдила это, застигнувшее ее врасплохъ, волненіе и, отирая рукавами слезы, обратила влажные глаза на спутника и повторила еще дрожащимъ голосомъ, но уже съ улыбкой:

— Нѣтъ, ничего...

Чувствуя, однако, что слезы опять набѣгаютъ, она, все-таки улыбаясь, прибавила:

— А очень горяча сковорода, которую даютъ лизать на томъ свѣтѣ?

Не получая отвѣта и видя, что лицо его омрачилось, она тихонько дотронулась до его плеча.

Онъ сказалъ тогда:

— Тяжко тебѣ, Маруся?

— Вѣдь и тебѣ тяжело, отвѣтила она, — и всѣмъ?

— Да, всѣмъ.

— Пойдемъ.

— Пойдемъ.

Они взялись за руки и пошли дальше.

Скоро въ сторонѣ показалось селеніе, къ которому вела узкая ѣзженная дорога, пересѣкавшая межу по которой шли наши путники.

— Видишь, Маруся, село?

— Вижу, отвѣтила Маруся.

— Большое село?

— Большое.

— Ну чѣмъ больше село, тѣмъ больше въ немъ женъ, матерей, сестеръ и невѣстъ, которыя плачутъ, потому что по этой дорогѣ много ушло мужьевъ, братьевъ, жениховъ и отцовъ на битву и никто не знаетъ сколько изъ нихъ воротятся. Времена, тяжкія, Маруся, — понимаешь?

— Понимаю, отвѣтила Маруся.

Нѣсколько времени они шли молча.

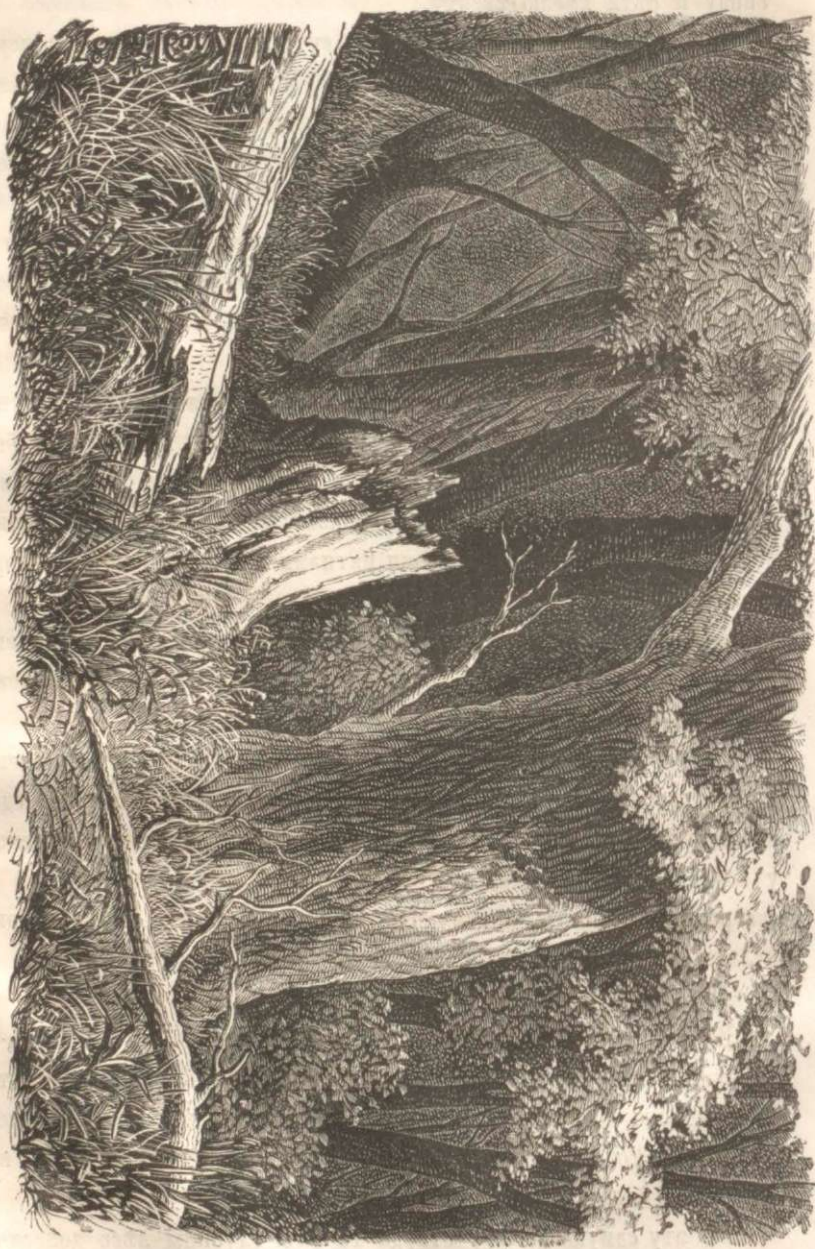
Синѣвшій лѣсъ, на который указалъ сѣчевикъ, какъ на мѣсто отдыха, по мѣрѣ приближенія къ нему, переходилъ въ зеленый цвѣтъ, затѣмъ обозначились темныя листья дубовъ и зелень березъ на опушкѣ.

— Вотъ мы и пришли; сказалъ сѣчевикъ, разводя вѣтви и проникая въ чащу.

— Какая тутъ прохлада! продолжалъ онъ. Сейчасъ отыщемъ уютное мѣстечко и отдохнемъ.

Пришлось, однако, отыскивать такое мѣстечко долже, чѣмъ думалось: гущина была такая, что нельзя было ступить шагу свободно; кромѣ древесныхъ вѣтвей, которыя хлестали въ лицо, кромѣ шиповниковъ, которыя вцѣплялись въ волосы и въ платье, и царапали острыми шипами, кромѣ повалившихся деревьевъ, кото-

Луть было тихо, тепло и прохладно.

рые преграждали путь, передъ ними еще разстилались повилки снизу и сѣти хмелю сверху.

Но сѣчевикъ, вѣроятно, зналъ, куда идетъ, потому что неразъ пріостанавливался, смотрѣлъ по сторонамъ, соображалъ и снова принимался раздвигать вѣтви и рвать плетеницы вьющейся зелени.

Наконецъ они выбрались на такое мѣсто, гдѣ можно было свободно стать и сѣсть.

— Отдохни, Маруся, сказалъ сѣчевикъ, такихъ аксамитовъ и у самаго вельможнаго пана гетмана не имѣется, какіе вырастаютъ подъ этимъ дубомъ! Вотъ иди-ка сюда; и самъ дубъ ничего себѣ деревцо!

«Ничего себѣ деревцо» далеко раскидывало величественныя вѣтви и образовало что-то въ родѣ зеленого храма, гдѣ было тихо, темно и прохладно. Лучи солнца сюда не проникали и только видно было, какъ они пронизывали листву окружающихъ деревьевъ или падали свѣтлыми пятнами и полосами на ихъ корни и стволы.

Неподалеку отъ дуба стоялъ высокій старый пенъ, совершенно потемнѣвшій, не являвшій никакихъ признаковъ жизни, а между тѣмъ на одномъ сгнившемъ его боку зеленѣло что-то.

Марусины глаза очень скоро усмотрѣли необычайное явленіе, но Маруся, повидимому, сдѣлала замѣчательные успѣхи въ сдержанности послѣ того, какъ мы видѣли ее въ погорѣлой деревнѣ, у колодца, гдѣ ее поразилъ видъ свѣжей зелени плавающей въ засоренной криницѣ, потому что теперь она не только не вскрикнула, но даже слова не промолвила, — даже недолго глядѣла на обратившій ея вниманье предметъ.

Все это не укрылось отъ зоркаго сѣчевика.

Взявъ съ верхушки сухаго пня еще не завядшую вѣтку калины, онъ бросилъ ее Маруси на колѣни и сказалъ съ улыбкой:

— Съ тобою, Маруся милая, можно дѣла вести. Э! кабы, всё то такіе дѣльцы были, какъ ты!

Въ эту самую минуту откуда то изъ глубины лѣса донеслось что-то похожее на крикъ пугача.

— Рано пугачь закричалъ, такъ и голоса не выводить, замѣтилъ сѣчевикъ. Добрые пугачи вотъ какъ пугаютъ!

Онъ приложилъ два пальца къ губамъ и изъ его усть раскатилось такое «пугу», котораго бы не постыдился самый голосистый изъ кровныхъ пугачей.

И это «пугу» подѣйствовало: съ трехъ сторонъ раздались отвѣтные крики птенцовъ.

— Посиди тутъ, Маруся, сказалъ сѣчевикъ; я скоро ворочусь.

— Хорошо, отвѣтила Маруся.

Сѣчевикъ раздвинулъ вѣтви и тиенулся въ чашу, но вдругъ остановился, обернулся къ Марусѣ и проговорилъ:

— Не скучай, Маруся!

— Не буду, отвѣтила Маруся.

Они обмѣнялись улыбками, которыя стоили всевозможныхъ словъ и ласкъ, и сѣчевикъ скрылся.

XXII.

Маруся прислушивалась къ тихому треску сучьевъ и шелесту вѣтвѣ до тѣхъ поръ, пока они совершенно замерли, затѣмъ опустила голову и раздумалась.

Ей было о чемъ призадуматься: столько неожиданнаго и таинственнаго случилось съ ней въ послѣднее время, столько важныхъ, всемогущихъ людей она перевидала.

А главное столько во всемъ этомъ было для нея все-таки темнаго и непонятнаго.

Она все время точно ходила по краямъ какихъ-то невидимыхъ, но живо чувствуемыхъ пропастей.

— И отчего это люди бываютъ такіе недобрые? думала она.

И въ дѣтскомъ, не развившемся еще умѣ, возникалъ цѣлый рядъ тѣхъ общественныхъ вопросовъ, отъ которыхъ не рѣдко ломить головы самыхъ опытныхъ мыслителей.

Время отъ времени, измученная этими тяжелыми мыслями, на которыя не находились у нея другихъ отвѣтовъ кромѣ «воля Божія», «попущенье Божіе», она поднимала голову и оглядывалась кругомъ.

Удивительная лѣсная тишина и прохлада освѣжали и нѣжили ея, до нельзя измученное, усталое долгими странствованіями и непрерывными душевными тревогами, тѣло, но въ то же время, при ея смятенномъ состояніи духа, были для нея чѣмъ то въ родъ пытки.

Никакого отвѣта не давала эта спокойная, равнодушная природа.

Если сравненіе юной, свѣжей, терзаемой заботами души съ цвѣтущей розой, угнетаемой терніями подходило къ кому нибудь, такъ это къ спутницѣ бандуриста, которая сидѣла теперь подь наметомъ стараго дуба, чуть видная изъ за зелени.

Въ лѣсу мало по малу темнѣло, словно чья то невидимая рука надвигала на него шапку. Свѣтлые полосы и пятна, падавшіе на древесные корни и стволы исчезли; только пронизывались еще тонкія стрѣлки пурпуроваго заката.

Маруся вдругъ вышла изъ подь дуба, живая тревога настоящей минуты поглотила все остальные тревоги, заботы и недоумѣнья.

— Сказалъ: скоро ворочусь! проговорила она. И ничего не слышно!

Да, ничего небыло слышно, какъ она ни прислушивалась. Зеленый лѣсъ стоялъ кругомъ стѣною, — даже птичій крикъ не нарушалъ безмолвія этой чащи, даже вѣтеръ не шелестилъ листвою.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, — одинъ, другой.

Маруся выпрямилась, какъ подь вліяніемъ электричества.

Еще выстрѣлъ.

И все тихо и глухо. Напряженный слухъ ничего не улавливаетъ.

Такъ прошло еще нѣсколько времени, — сколько именно — неизвѣстно, но Маруси оно стало за долгое.

Сначала она часто вставала, ходила, прислушивалась, — потомъ, утомившись этими волненіями, осталась на старомъ мѣстѣ, подь дубомъ, неподвижно, какъ изваянная.

Она даже и тогда не поднялась, когда очень явственно послышался шорохъ, — только щеки у нея вспыхнули и глаза тоскливо устремились въ ту сторону.

На этотъ разъ надежда была не напрасная: вѣтви раздвинулись и знакомое лицо показалось между ихъ заколебавшейся зеленью.

Но это лицо было до того блѣдно, что радостный крикъ замеръ на устахъ дѣвочки.

— Маруся, сказалъ съчевикъ, — вотъ, видишь ты, червоная хустка,—видишь?

— Вижу, отвѣтила Маруся.

— Я выведу тебя на дорогу... иди по этой дорогѣ все прямо... Прямо, черезъ дубровку, пока дойдешь до мостика... За этимъ мостикомъ будетъ другая дубровка... и дорожка... ступай по дорожкѣ въ эту дубровку... Встрѣтится тебѣ человекъ, скажетъ: «помогай Боже, Маруся!»... Ты отдай ему эту хустку и скажи: «Богъ помогаетъ!»... Слышала?... Будешь помнить, Маруся?...

Онъ говорилъ все это внятно, но съ черезъ-чуръ уже большими разстановками; лицо его становилось все блѣднѣе и блѣднѣе, крупныя капли пота капали со лба и стоялъ онъ не такъ, какъ всегда,—не прямо, а прилегая плечами къ дереву.

— Иди, Маруся. Ты пойдешь?

— Пойду, отвѣчала она.—Что у тебя болитъ?

— Ничего, Маруся, заживетъ, мое сердце! иди...

Онъ взялъ ее за руку.

— Какая у тебя холодная рука! вскрикнула она.

— Не до моей теперь руки, моя ясочка. Спиши скорѣе... Отдай хустку... Сюда!.. Иди... сказалъ онъ такъ убѣдительно и серьезно, что она уже больше не посмѣла спрашивать.

Онъ хотѣлъ раздвинуть вѣтки, но не могъ. Видъ такой слабости въ человекѣ, на котораго она привыкла смотрѣть, какъ на олицетвореніе всѣхъ силъ физическихъ и нравственныхъ, поразила Марусю. Она сама страшно поблѣднѣла, однако, свято исполняя выраженное имъ желаніе, ничего не сказала.

Чьи то другія руки — мускулистыя и грубыя — свои, рабочія, какъ тотчасъ же признала Маруся, — вдругъ вытянулись и раздвинули сучья.

— Не бойся, Маруся, проговорилъ Съчевикъ,—это мой товарищъ... Онъ только чужихъ кусаетъ... Правда, Иване?

— Разумѣется правда, отвѣтилъ густой басъ, судя по которому было легко повѣрить, что обладатель его, коли захочетъ, то уку-сать можетъ.

Вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ, Маруся увидала сначала, высоко

между листьями, небольшую голову, смуглое лицо съ свѣтлыми усами и пару блестящихъ глазъ, а потомъ длинную, мужскую фигуру, которая быстро двинулась впередъ, прокладывая передъ ними путь.

— Вотъ это и есть товарищъ мой, Иванъ, сказалъ съчевикъ Марусь.—Видишь, какой: дубы въ лѣсу переросъ!

Иванъ, двигаясь впередъ, нѣсколько разъ пріостанавливался и оглядывался на товарища, какъ бы ожидая, не понадобится ли ему какая помощь, но въ такихъ случаяхъ съчевикъ каждый разъ говорилъ ему:

— Иди, иди, Иване... Чего-жь ты сталъ? Можетъ, ты задумалъ собирать цвѣтки въ травѣ, или грибовъ поискать хочешь?

И Иванъ опять двигался дальше.

Гораздо скорѣе, чѣмъ ожидала Маруся, выбрались они на опушку лѣса.

Съ этой стороны у самой опушки начинались поля и узенькая межа между цвѣтущей гречихой, надъ которой жужжалъ рой пчелъ, сводила на черную проселочную дорогу, которая правильными, какъ издали представлялось, вавилонами вилясь къ обозначавшемуся на горизонтѣ селенію, пересѣкая по пути двѣ небольшія дубровки.

— Видишь, Маруся, вотъ дубровка... та, послѣдняя... Иди, моя ясочка, иди... Вотъ хустка...

Онъ показалъ ей точно такую же хустку, какую она разъ подняла на церковномъ крыльцѣ и подала гетманской пани братчихѣ.

Маруся взяла хустку, хотѣла идти, но тихо вскрикнула и остовилась.

Съчевикъ, который положилъ ей ласкающую руку на голову, вдругъ зашатался и, не будь товарища Ивана, навѣрное бы упалъ.

— Кровь! кровь! вскрикнула Маруся въ ужасѣ.

Кровь, точно, свѣжая, теплая кровь, просачивалась сквозь ветхую свитку стараго бандуриста.

— Ничего, Маруся, ничего, проговорилъ съчевикъ.—Помнишь, что мы съ тобой говорили? Не тотъ казакъ, что за водой плыветь... а тотъ, что противъ воды... Это заживетъ... Мы вѣдь съ

тобой пустились не ягоду малину рвать... сладкаго и ждать нечего... Иди, моя ясочка... иди... Надѣнь хустку на голову...

— А ты? спросила Маруся, дрожащими ручками повязываясь по его совѣту червонною хусткою.

— Я приду, мое сердце... приду...

Раздались, одинъ за другимъ, три выстрѣла.

Товарищъ Иванъ прислушался и проговорилъ:

— Они!

— Иди, Маруся, иди... повторилъ сѣчевикъ.

Онъ хотѣлъ, по своему обычаю, погладить ее по головѣ, но рука не поднялась.

Онъ только прогорилъ:

— Иди, Маруся: надо!

Она пошла.

— Оглядываться можно? проговорила она, какъ бы обращаясь къ отсутствующему руководителю.

И оглянулась.

На опушкѣ уже никого не было. Лѣсъ казался сплошной зеленой стѣной.

Это не помѣшало ей еще не разъ оглянуться.

Впрочемъ, уступая сердцу, она не забывала вѣреннаго ей дѣла и шла быстро, какъ могла.

Вотъ первая дубровка, вся насквозь прохваченная пурпуромъ заката. Сколько здѣсь цвѣтовъ цвѣтеть и благоухаетъ!

Вотъ опять поля, опять цвѣтущая гречиха, жужжащій рой пчелъ. Близехонько прокричалъ перепелъ.

Вотъ и мостикъ за дубровкой.

Кто-то будто скачетъ, — шибко скачетъ.

Надо поглядѣть откуда и кто.

Похоже, какъ будто, на татарина. Да, такихъ встрѣчали они не разъ по дорогамъ и всегда отъ нихъ прятались или въ ровъ, или въ жито.

Не спрятаться ли теперь?

Онъ скачетъ прямо къ мостику. Надо спрятаться въ очереть.

Но она не успѣла сдѣлать и шагу къ густому очерету, рос-

Пастухъ въстрѣчалъ.

шему около мостика, у берега мелкаго прозрачнаго ручья, въ видѣ гигантской зеленой щетки: раздався выстрѣлъ и червоная хустка заалѣла на черной дорогѣ.

Хустка эта брала только своимъ цвѣтомъ, доброта-жъ ея оказалась такая, что даже жадный татаринъ не польстился ее снять и снова ускакалъ, какъ бы обманутый въ своихъ ожиданіяхъ.

Когда все стихло, изъ дубровки, изъ той, что за мостикомъ, вышелъ какой-то поселянинъ съ топоромъ и вязанкой зеленыхъ сучьевъ за плечами и, проходя мимо, наклонился, обернулъ къ себѣ помертвѣвшее дѣтское личико, приложилъ руку къ груди, подъ которой образовалась уже лужица теплой крови, потомъ проговоривъ: «нѣтъ, ужъ не оживешь!» пошелъ дальше своей дорогой.

Онъ, впрочемъ, снялъ червою хустку и унесъ съ собою.

Давнымъ давно все это случилось, но до сихъ еще поръ небольшая могила, не подалеку отъ этихъ мѣстъ, называется «Дивоча».

Говорятъ тоже, что могилу эту насыпалъ самъ, своими руками, какой то запорожець.

К о н е ц ъ .

СОБСТВЕННЫЯ ИЗДАНИЯ И КНИГИ,
ПРИБРѢТЕННЫЯ ВЪ БОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

С. В. ЗВОНАРЕВА.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, его жизнь и сочиненія, съ портр. Пушкина. ц. 50 к.

Альберсъ. Очеркъ патологии и терапіи душевныхъ болѣзней. ц. 1 р.

Андре-Лео. Возмутительный бракъ. романъ. ц. 1 р. 20.

Байронъ. Соч. въ переводѣ русскихъ поэтовъ. 5 томовъ. ц. 6 р. 75.

Бузузовъ. В. Словарь особенныхъ словъ, фразъ и оборотовъ англійскаго народнаго языка и употребительнѣйшихъ американскихъ, не введенныхъ въ обыкновенные словари. ц. 1 р. 50.

Бушо. Дѣтскія болѣзни. ц. 3 р.

Вагнеръ. Дарвинъ и его законъ переселенія, переводъ подъ редакцію Андреевскаго. ц. 50.

Генслеръ. И. С. Разказы. (Гаванскіе чиновники и проч.) Изданіе второе. ц. 1 р. 50 к.

Гривудъ. Похожденіе Робина Девиждера. Пер. Е. Сысоевой. ц. 2 р.

Гюго Викторъ. Человѣкъ, который смѣется, пер. подъ редакцію Марка Вовчка. ц. 2 р.

Дрзперъ. Физиологія статическая и динамическая, или условія теченія человѣческой жизни, въ 3 частяхъ, съ рисунками. ц. 5 р.

Даниевичъ. Недоразумнѣе, повесть въ 3 частяхъ. ц. 2 р.

Джесси-Баучеретъ. Самодѣятельность женщины. ц. 1 р.

Динсонъ. Новая Америка, пер. Бузузова, съ картой. ц. 2 р.

Зибель Генрихъ. Исторія французской революціи и ея времени (1789—1795). 2 большихъ тома

(4 части). Переводъ подъ редак. В. Ососова и А. Путаты. ц. 6 р.

Кольбу. Исторія человѣческой культуры, два большихъ тома. Переводъ Н. Бълозерской и Марка Вовчка. Цѣна 4 р.

Картинъ изъ землеописанія и жизни народовъ. ц. 1 р.

Кукольникъ. Двѣ сестры; эпизодъ изъ послѣд. польской смуты. ц. 1 р.

Кивиши и Слантони. Жянскія болѣзни. ц. 4 р. 50 к.

Кенанъ Джоржъ. Кочевая жизнь въ Сибири. Пер. А. Кондратьевой. ц. 1 р. 25 к.

Лейникъ. Сцены изъ купеческаго быта. ц. 1 р.

Мансимовъ. На Востоку. Изданіе 2-е, цѣна 2 р. 50.

Мансимовъ. Годъ на Сѣверѣ. Изданіе 3-е, ц. 2 р. 50.

Марко Вовчокъ. Сочиненія, 2 тома. ц. 3 р.

Марко Вовчокъ. Живая душа, романъ. ц. 1 р. 50.

Моредифъ. Эмилія въ Англіи, романъ. ц. 2 р.

Миль. Подчиненность женщины. Изданіе второе. Ц. 1 р.

Мордовцевъ. Политическія движенія русскаго народа. Историческія монографіи, два тома. ц. 4 р.

Марлिटтъ. Е. Имперская графиня Гизла. Романъ въ 2 частяхъ. Переводъ А. Зейдеръ. ц. 2 р.

Некрасовъ. Н. А. Стихотворенія, 4 тома. ц. 5 р.

Нелатонъ. Хирургія. ц. 8 р. 50.

Островскій А. Н. Драматическіе переводы (Великій банкиръ, За-

блудшія овцы, Косевная, Рабство мужей и Семья преступниковъ). ц. 2 р.

Помяловскій Н. Г. Сочиненія, съ портретомъ автора и біографіею, составлен. Н. А. Благотѣцескимъ. 2 тома. 2-е изданіе. ц. 2 р. 50.

Покровскій. Очеркъ статистики народовъ и государствъ по Кольбу. ц. 1 р.

Почутительные разказы и нрав. описанія. 4 т. ц. 4 р.

Ротиро. Главныя минеральныя воды Европы. ц. 2 р.

Рышетниковъ. Гдѣ лучше? Романъ въ 2 част. ц. 2 р.

— Подписовцы (очерки изъ жизни бурлаковъ), въ 2 ч. ц. 1 р.

Сайтыковъ. (Щедринъ). Привязки времени и письма о провинціи. Изд. 2-е. ц. 1 р. 50.

Салтыковъ. (Щедринъ). Исторія одного города. ц. 1 р. 50 к.

Смайльсъ Самуиль. Біографія промышленнаго дѣятеля. Переводъ Н. Бълозерской. ц. 2 р.

Томка. Исторія Чешскаго королевства, пер. съ чешскаго В. Яковлева. ц. 2 р. 50.

Умировъ. Графиня Елатерина Ивановна Головкина и ея время (1870—1791). ц. 1 р. 50.

Шенспиръ. Сочиненія, 4 т, 14 р.

Шлоссеръ. Исторія всемирнаго и девятнадцатаго столѣтій. 8 томовъ. 10 р.

Шубинскій. Разказы о Русской старинѣ съ примѣчаніями. ц. 1 р. 25 к.

Ф. Шильгагенъ. Нѣмецкіе пионеры, романъ. ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНИЯ.

Біаръ А. Приключенія молодого натуралиста, съ 155-ю рисун. худ. Бенста. Переводъ подъ ред. Марка Вовчка. ц. 3 р. 50 к.

Вертъ Ж. Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой. Путешествіе по волнамъ океана, съ 112 рисун. худ. Риу, переводъ Марка Вовчка. Изд. третье, ц. 3 р. 50 к.

— Приключенія капитана Гатраса. Необыкновенное путешествіе, съ 259 рис. Риу, пер. Марка Вовчка. Изд. 2-е. ц. 3 р. 50 к.

— Дѣти капитана Гранта. Кругосвѣтное путешествіе, съ 172 рис. худ. Риу, пер. Марка Вовчка. Изд. второе, ц. 3 р. 50 к.

— Путешествіе къ центру земли съ 60 рис. худ. Риу пер. Марка Вовчка. ц. 2 р. 50.

Вальи. Снегъ изъ американской жизни. 15-ю рисун. худ. Фрелиха. Переводъ А. Бузузовъ. ц. въ папкѣ 1 р. 50.

Генторъ Мало. Приключенія Романа Каальбри, съ 42 рис. худ. Байра, пер. Марка Вовчка, ц. въ папкѣ 3 р.

Марна Вовчка. Марусел, переводъ съ малороссійскаго, съ рисунками Башилова и барона Клодта. ц. 1 р. 50 к.

Масе и Сталь. Сказки. Переводъ подъ ред. Марка Вовчка съ рисунками. ц. 1 р. 50 к.

Неро Ж. и Масе Ж. Ботаника моей дочери, 267 рисун. худ. Дильмана. ц. 2 р.

Чернасовъ. Записки охотника Восточной Сибири, большой томъ съ рисунками въ текстѣ. ц. 3 р.

Эркманъ-Шатрианъ. Сочиненія т. 1-я. Национальные романы, повѣсти и сказки, съ 50 рисунками. ц. 2 р. 50 к.

— Исторія крестьянина (1789—1815) съ рисунками. Переводъ Марка Вовчка. Два большихъ тома (четыре части). Цѣна за оба тома 7 р.; отдѣльно каждый томъ 3 р. 50 к.

Шервилъ. Исторія черзачуръ доброй собаки, съ 54 рисун. худ. Андре, пер. Марка Вовчка. ц. въ папкѣ 2 р.

Фанъ-Брюисель. Питомцы Грушеваго Древа (изъ жизни наѣкомыхъ) съ 55 рисун. худ. Беккера. Переводъ З. Генъ. ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

3

2007089969